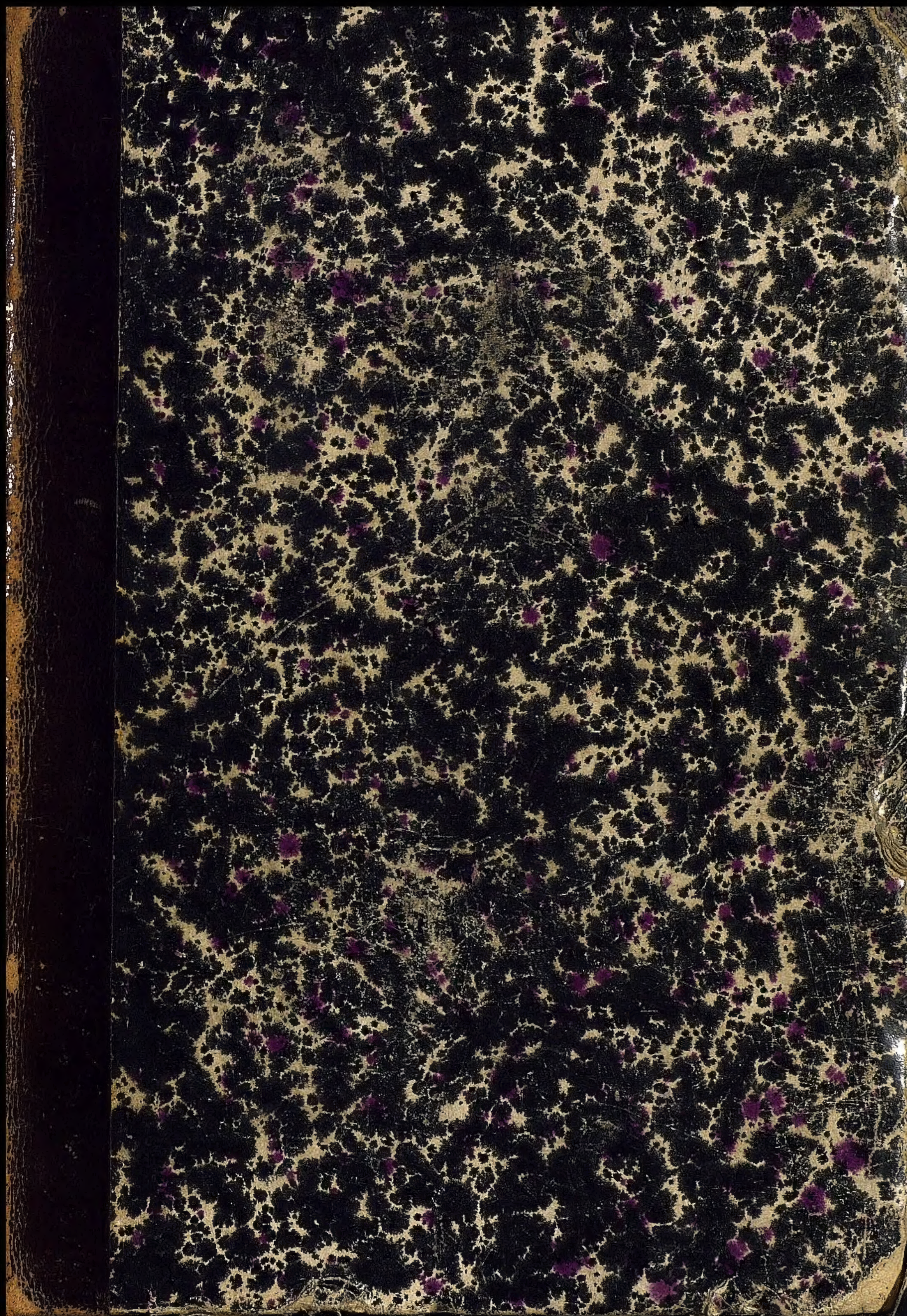


Шкафъ 1
Полка 4
№ 593.
Проверено 1964 г.
МАЙ 2008


ИМПЕРАТОРСКАГО
ЮРИДИЧЕСКІЙ К БИНЕТЪ
С.-Петербургск. Университета

№ 12 Годъ XXII

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАНІЕ

Московскаго Юридическаго Общества

ДЕКАБРЬ

1890

ТОМЪ VI

МОСКВА

Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5

1890

Содержаніе декабрьской книги.

Стран.

ЮРИДИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИЗДАНІЕ

Московскаго Юридическаго Общества

1890

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

ТРЕТЬЯГО ДЕСЯТИЛѢТІЯ

ТОМЪ VI

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

(Декабрь)

МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5
1890

БРАЧНЫЕ РАЗВОДЫ ВЪ ДРЕВНЕЙ ПОЛЬШѢ И ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ *).

(Читано въ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества 21 октября 1889 г.).

I.

Христіанскія начала и церковныя правила проникали вглубь народа древней Польши только постепенно. Обычное право съ языческимъ старо-славянскимъ оттѣнкомъ продолжало жить еще много столѣтій послѣ оффиціальнаго принятія народомъ христіанства. Церкви такъ или иначе приходилось мириться со многими старыми народными обычаями и терпѣть ихъ. Особенно туго поддавались вліянію церкви вну-

*) Что касается до источниковъ этой статьи, то для исторіи разводовъ въ древней Польшѣ авторъ пользовался документами XV вѣка Краковской духовной капитулы, часть которыхъ издана г. Улановскимъ: Praktyka w sprawach malzenskich w sądach duchownych dyjecezyi krakowskiey w wieku XV, zebral i wydał Boleslaw Ulanowski, Krakow 1888. См. также Rom. Hube, Prawo polskie w XIV w.

Для исторіи разводовъ въ югозападной Руси, кромѣ печатныхъ источниковъ (Историко-юридич. матеріалы Вит. и Могил. т. VIII—X; о нихъ прекрасная статья М. Ф. Владимирскаго-Буданова, Кіевск. унив. Изв. 1878. 4. Нѣсколько интересныхъ бракоразводныхъ документовъ напечаталъ О. И. Левицкій въ ст. Семейныя отношенія въ юго-запад. Руси въ XVI—XVII в., Русск. Старина 1880, 11. См. также Загоровскій, о разводѣ по русскому праву, и рецензію на это сочиненіе Н. С. Суворова, въ прис. увар. премій 1888 г.), авторъ имѣлъ подъ руками нѣсколько актовъ изъ Львовскаго Бернардинскаго архива. Перемышльской духовной капитулы, и Литовской метрики, находящейся въ Архивѣ министерства юстиціи въ Москвѣ. Часть этихъ актовъ найдена авторомъ въ этихъ архивахъ, часть любезно доставлена ему диркторомъ Львовскаго центральнаго Архива д-ромъ Антоніемъ Прохаскою, проф. Львовскаго университета И. И. Шарапевичемъ и преподавателемъ перемышльской гимназіи д-мъ Зихомъ.

тренія семейныя отношенія. Какъ у насъ на Руси еще очень долго послѣ введенія христіанства церковное вѣнчаніе не считалось въ народѣ необходимымъ условіемъ брачнаго сожительства,—думали, что оно необходимо только для князей и бояръ,—такъ и въ древней Польшѣ обычный бракъ помимо церковнаго вѣнчанія продолжалъ быть въ народѣ господствующей формой. Церковь, правда, вмѣшивалась въ эти отношенія, требовала освященія брачнаго сожительства церковнымъ вѣнчаніемъ, но въ народѣ существовало убѣжденіе, что заключенный обычнымъ порядкомъ. съ соблюденіемъ извѣстныхъ обычныхъ формъ, бракъ былъ уже законнымъ, и далеко не всегда такой бракъ оканчивался церковнымъ освященіемъ.

Способъ заключенія обычнаго брака состоялъ въ томъ, что въ присутствіи свидѣтелей и сватовъ (proci, paranimphae) произносились извѣстныя слова и совершались извѣстные символическіе обряды. Сватъ обращался къ жениху и спрашивалъ его: нравится ли тебѣ N (невѣста); такой же вопросъ обращался и къ невѣстѣ; обѣ стороны отвѣчали утвердительно, затѣмъ женихъ торжественно объявлялъ, обращаясь къ невѣстѣ: беру тебя въ жены и обѣщаю не имѣть до моей смерти иной жены, кромѣ тебя; или же прибавлялъ—и теперь ты моя жена. Произношеніемъ этихъ словъ бракъ считался заключеннымъ (que verba de presenti faciunt iuris matrimonium). Брачущіеся подавали другъ другу руки (stipulatio manuum), надѣвали кольца, пили вмѣстѣ (вѣроятно изъ одной чаши). Иногда тутъ же устанавливались имущественныя отношенія супруговъ. За этими обрядами слѣдовало брачное торжество, пиръ (малорусское весілле). Послѣ этихъ обрядовъ бракъ считался заключеннымъ и наступало брачное сожительство, помимо освященія брака церковнымъ вѣнчаніемъ. Въ латинскихъ актахъ бракъ и обрученіе носятъ одно и то же названіе (sponsalia), но по всему видно, что описанный обрядъ представлялъ не простое обрученіе, а настоящій бракъ. Въ массѣ дѣлъ брачныхъ, переходившихъ на разсмотрѣніе церковнаго суда, мы видимъ строгое разграниченіе обыкновеннаго обрученія отъ обычнаго брака. Простое обрученіе отличалось отъ настоящаго брака сущностью произносимыхъ словъ:—при обрученіи (которое сопровождалось почти тѣми же обрядами) давалось только *обѣщаніе* вступить въ бракъ, произносились тѣ же слова, но въ будущей формѣ — *обѣщаю* взять тебя въ жены. Это называлось sponsalia in futurum, между тѣмъ какъ первое—sponsalia de presenti. И церковь смотрѣла на то и другое иначе, признавая sponsalia de presenti—настоящимъ бракомъ, требуя только его освященія въ церкви, между тѣмъ какъ на первое смотрѣла какъ

на обрученіе. Sponsalia de presenti—признается бракомъ даже въ томъ случаѣ, когда за нимъ не слѣдовало брачнаго сожительства, поэтому даже тайный бракъ, т. е. только произнесеніе извѣстныхъ словъ que faciunt nuptias matrimonium, безъ присутствія свидѣтелей и исполненія символическихъ обрядовъ, признается настоящимъ бракомъ, и вторичные браки, заключенные при наличности перваго, хотя бы и тайнаго, но подтвержденнаго сознаніемъ обѣихъ сторонъ, расторгаются. Между тѣмъ sponsalia in futurum, т. е. обрученіе въ собственномъ смыслѣ,—простое обѣщаніе вступить въ бракъ, если даже послѣ него слѣдуетъ половое сожительство, настоящимъ бракомъ не признается и можетъ быть расторгнуто по желанію сторонъ. Половыя сношенія послѣ такого обрученія признаются прелюбодѣяніемъ и церковь налагаетъ на виновныхъ въ нихъ наказанія. Между тѣмъ какъ полное сожительство послѣ sponsalia de presenti вполнѣ законно и рождаемыя дѣти—дѣти законныя.

Весьма часто мы встрѣчаемъ жалобы той или другой стороны на нежеланіе продолжать такимъ образомъ заключенный бракъ, довершить его церковнымъ вѣнчаніемъ, на заключеніе втораго брака при наличности перваго. И церковь всегда признаетъ sponsalia de presenti настоящимъ бракомъ, требуетъ возвращенія или заключенія полнаго брачнаго сожительства, расторгаетъ вторичные браки, хотя бы и сопровождавшіеся церковнымъ вѣнчаніемъ, при наличности перваго гражданскаго (обычнаго) брака; между тѣмъ не уваживаетъ подобнаго рода жалобъ, если по изслѣдованію оказывается, что между сторонами было только обрученіе—sponsalia de futuro; первая форма признается неразрушимой, вторая можетъ быть расторгнута однимъ согласіемъ сторонъ.

Даже церковное оглашеніе обрученія (spons. in fut.) не обязываетъ сторонъ, не дѣлаетъ еще брака, если доказано, что было только *обѣщаніе* вступить въ бракъ, и даже при этомъ условіи обрученіе могло расторгаться, при чемъ обѣ стороны могли свободно вступать съ другими лицами въ бракъ.

Такимъ образомъ мы видимъ въ старо-польскомъ брачномъ обычаѣ три стадіи — собственно обрученіе, обычный (гражданскій) бракъ и церковное освященіе. Послѣднее состояло изъ четырекратнаго оглашенія и самаго вѣнчанія. Церковное оглашеніе далеко не всегда вело за собою вѣнчаніе,—часто имъ однимъ и ограничивались. Мы встрѣчаемъ частыя жалобы на нежеланіе одной изъ сторонъ освятить бракъ, заключенный гражданскимъ обычаемъ и оглашеніемъ. Самое оглашеніе, повидимому, имѣло совсѣмъ иной характеръ, нежели теперь. Въ

настоящее время оглашаютъ лишь *намѣреніе* вступить въ бракъ, тогда оглашалось уже *заключеніе* брака обычнымъ порядкомъ. Оглашалось и собственно обрученіе, но такое оглашеніе не связывало сторонъ, если было доказано, что между ними были произнесены лишь обѣщанія будущаго брака, а не verba matrimonium faciencia.

Несомнѣнно такимъ образомъ, что въ старой Польшѣ, въ средѣ народа, господствовалъ обычный гражданскій бракъ и масса народа соединялась въ брачное сожительство безъ освященія его церковью. Нельзя не отмѣтить здѣсь такта, съ которымъ къ этому явленію относилась церковь. Стараясь объ укрѣпленіи нравственности среди народа, удерживая его отъ безпорядочнаго разврата, церковь узаконила гражданскій бракъ, признавая его силу помимо церковнаго освященія, расторгая вторичные браки, хотя бы они имѣли передъ первымъ преимущество церковной санкціи. Это, конечно, содѣйствовало болѣе правильному взгляду на брачный союзъ, большей крѣпости семейныхъ узъ.

Обычное право, игравшее такое существенное значеніе въ заключеніи брака, играло не менѣе важную роль и въ его расторженіи. Изданные акты даютъ намъ, къ сожалѣнію, меньше матеріала для изслѣдованія народныхъ воззрѣній на расторженіе брачнаго союза, заключая въ себѣ однако важный матеріалъ для изученія тѣхъ началъ, которыхъ въ отношеніи разводовъ держалась церковь. Тѣмъ не менѣе, изъ самыхъ бракоразводныхъ казусовъ мы можемъ отчасти возстановить нѣкоторыя основанія для расторженія брачнаго союза, господствовавшія въ народномъ сознаніи. Форма заключенія брачнаго союза (слова: беру тебя въ жены и обѣщаю до смерти моей не имѣть другой жены) доказываетъ, что семейный союзъ въ древней Польшѣ отличался крѣпостью и моногамическій бракъ высоко стоялъ въ народномъ сознаніи. Но къ XV вѣку, къ которому относятся изданные пока акты, семейныя узы видимо ослабѣли, и церковь не даромъ старается даже путемъ разныхъ уступокъ народнымъ обычаямъ поддержать падающую семью. Не только количество бракоразводныхъ дѣлъ, но и самыя причины разлуки супруговъ, самовольно вступавшихъ во вторые браки, доказываютъ болѣе легкій взглядъ на крѣпость брачныхъ узъ, чѣмъ это было раньше.

Люди сходятся, заключаютъ гражданскіе, иногда и церковные браки, и затѣмъ расходятся, вступаютъ во вторичные браки, нисколько не заботясь о законности или незаконности первыхъ. Мы постоянно встрѣчаемъ въ актахъ церковнаго суда жалобы на самовольное расторженіе браковъ. Но несомнѣнно, что церковный судъ имѣлъ

дѣло лишь съ незначительнымъ числомъ бракоразводныхъ дѣлъ. Съ одной стороны, и свѣтская власть нерѣдко (а у насъ на Руси даже постоянно, какъ увидимъ ниже) вмѣшивалась въ бракоразводные процессы, присваивая себѣ принадлежавшую въ этомъ отношеніи церкви юрисдикцію (причиною были, конечно, немаловажные доходы съ бракоразводныхъ дѣлъ); съ другой стороны, въ церковный судъ поступали лишь тогда жалобы, когда разводъ или вторичный бракъ происходилъ помимо желанія одной изъ сторонъ. Въ случаяхъ же развода по взаимному согласію сторонъ дѣло лишь въ исключительныхъ случаяхъ могло попасть въ церковный судъ—или, напримѣръ, по доносу третьихъ лицъ, или вслѣдствіе поздняго раскаянія или вслѣдствіе религіозныхъ сомнѣній въ правильности и законности подобнаго поступка.

Въ изданныхъ до сихъ поръ актахъ церковнаго суда наибольшую массу представляютъ жалобы одной изъ сторонъ на нежеланіе продолжать брачное сожительство, заключенное гражданскимъ (чаще всего) или церковнымъ (рѣже) порядкомъ. Характерны въ этихъ случаяхъ оправданія обвиняемой стороны: она или отрицаетъ вовсе наличность брака, признавая только одно обѣщаніе жениться (sponsalia in futurum) или доказывая простое сожительство, свободныя половыя отношенія внѣ брака,—или признаетъ заключеніе брака гражданскимъ или даже церковнымъ порядкомъ, но не придаетъ ему особеннаго значенія (credens hujusmodi contractum fuisse nullum et nullius efficacie extitisse) [1]. Замѣчательно, что мы встрѣчаемъ въ актахъ меньше требованій расторженія брачнаго союза, чѣмъ требованій возвращенія къ совмѣстной жизни, укрѣпленія заключеннаго гражданскимъ порядкомъ брака, жалобъ на самовольное расторженіе брака, вступленіе въ другой бракъ. Изъ всего этого выступаетъ легкій взглядъ на брачныя отношенія, ослабленіе нравственныхъ основъ въ обществѣ.

Римская церковь въ сущности не признаетъ развода. Только смерть можетъ разрушить супружество, законнымъ образомъ заключенное. Поэтому-то ни въ постановленіяхъ церкви, ни въ практикѣ церковнаго суда мы не найдемъ настоящаго развода, а лишь юридическую фикцію—признаніе самаго заключенія брака незаконнымъ, противнымъ каноническимъ постановленіямъ, а потому подлежащимъ расторженію.

Польская церковь руководилась, разумѣется, и въ отношеніи брачныхъ дѣлъ каноническими постановленіями римской церкви. Къ XIV и XV столѣтію относятся нѣсколько церковныхъ статутовъ въ польской церкви, въ которыхъ находимъ и нѣсколько параграфовъ, посвященныхъ дѣламъ брачнымъ. Такъ, въ статутѣ краковскаго епи-

скопа Нанкера [2]) (собств. синодальномъ постановленіи 1320 г.) находимъ слѣдующія постановленія, касающіяся брака (§ De sacramento matrimonii). Нанкеръ различаетъ, какъ и послѣдующая церковная практика, обрученіе (futuri matrimonii repromissiones) отъ брака de presenti. Наличность брака или обрученія опредѣляется сущностью произнесенныхъ въ обоихъ обрядахъ словъ: въ обрядѣ обрученія—слова *обѣщаю* заключить съ тобою бракъ (*promitto*, quod tecum contraham matrimonium), въ обрядѣ брака—слова заключаю съ тобою бракъ (*accipio* te in matrimonium). Въ эдиктѣ Нанкера не совсѣмъ ясно, о какомъ бракѣ здѣсь идетъ вопросъ: о церковномъ или гражданскомъ. Съ одной стороны, казалось бы, о церковномъ, такъ какъ эдиктъ запрещаетъ тайные браки, но съ другой стороны, изъ словъ того же эдикта, что обрученіе, за которымъ слѣдовало тѣлесное сожительство, признается бракомъ (что, какъ мы видѣли, на практикѣ не удержалось), кажется, что дѣло идетъ о бракѣ гражданскомъ. Вообще, какъ мы видѣли, въ народномъ сознаніи бракомъ настоящимъ считался собственно бракъ гражданскій, церковное освященіе вовсе не является въ этомъ отношеніи conditio sine qua non, какой взглядъ въ обычномъ правѣ, напримѣръ. Малороссіи удержался и понынѣ: тамъ, по заключеніи брака въ церкви, молодые, если по какимъ либо причинамъ не имѣли возможности совершить «весілля» (брачнаго торжества, но въ сущности настоящаго языческаго брака), разлучаются и живутъ отдѣльно до первой возможности устроить «весілле». Что эдиктъ различаетъ церковный бракъ отъ гражданскаго, дѣлая извѣстныя уступки народнымъ обычаямъ, видно изъ опредѣленія терминовъ (посты), когда не дозволялся ни церковный бракъ, ни *брачное торжество* (*nuptiarum solempnitatem* et benediccionem certis anni temporibus facere nolite). Брачный возрастъ эдиктъ опредѣляетъ для мужчины 14, для женщины—12 лѣтъ, хотя указывалъ и на случаи отступленія отъ этихъ терминовъ (nisi forte doli capacitas hec tempora anticiparet). Затѣмъ опредѣляются случаи, въ которыхъ бракъ запрещался, а слѣдовательно могъ быть и расторгнутъ (что въ одномъ случаѣ прямо и заявлено): 1) запрещается бракъ съ обрученницей или вдовой брата или родственника до четвертой степени включительно; 2) запрещается бракъ съ родственницей прежней жены (sponse); 3) запрещается насильный бракъ (raptus); 4) бракъ лицъ, давшихъ обѣтъ дѣвственности или принятія монашества; 5) бракъ съ крестницей своего отца, но дѣти кумовьевъ могутъ вступать другъ съ другомъ въ бракъ, исключая крестницы, съ которой дѣти крестнаго отца или матери не могутъ заключать брака. Съ другой дочерью

кума можно заключать бракъ, хотя это и не совѣтуется. 6) При безвѣстномъ отсутствіи одного изъ супруговъ, оставшаяся сторона не можетъ вступить въ бракъ до извѣстій о смерти пропавшаго.

Статутъ Нанкера и былъ собственно основаніемъ для руководства церковнаго суда въ брачныхъ дѣлахъ XIV — XV вѣка. Въ другихъ синодальныхъ эдиктахъ этого періода мы не находимъ никакихъ существенныхъ дополненій или измѣненій этихъ постановленій; чаще всего эти старыя предписанія только повторяются и назначается наказаніе за ихъ невыполеніе.

Отмѣтимъ лишь одно постановленіе синода 1423 г., предписывающее исполненіе оглашенія церковнаго до брака; характерна здѣсь прибавка, что князья и шляхтичи не имѣютъ обыкновенія предпосылать браку оглашенія, и синодъ оставляетъ это отступленіе отъ правила (pacienter ad tempus presens hanc consuetudinem sustinemus [2]).

Сравнивая предыдущее изложеніе практики церковнаго суда съ синодальными постановленіями, мы видимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта практика отступала отъ церковныхъ постановленій. Такъ, церковный судъ не признаетъ обрученія, sponsalia in futurum, бракомъ, даже въ томъ случаѣ, когда за нимъ слѣдуетъ половое сожительство. Здѣсь, кажется, нужно видѣть уступку народнымъ обычаямъ, хотя въ интересахъ нравственности было бы обратное, т. е. согласно постановленіямъ Нанкера считать такое обрученіе за бракъ.

Въ отношеніи разводовъ церковная практика вполнѣ держится синодальныхъ постановленій, запрещая браки въ указанныхъ эдиктомъ случаяхъ и расторгая брачные союзы, заключенные вопреки этимъ запрещеніямъ. Но число причинъ, требующихъ брачнаго развода, въ церковной практикѣ увеличивается сравнительно съ эдиктомъ 1320 г. Изучая изданные до сихъ поръ акты, мы находимъ въ нихъ слѣдующія причины для разводовъ, уваженныя церковнымъ судомъ: 1) близкое родство супруговъ; 2) родство духовное (кумовство); 3) незаконное сожительство до брака; 4) существованіе перваго брака; 5) неспособность одного изъ супруговъ къ брачному сожительству (impotencia); 6) насильственный бракъ; 7) малолѣтство супруговъ; 8) бракъ съ иновѣрцемъ.

Сопоставляя эти причины, признаваемыя церковнымъ судомъ уважительными для развода, съ случаями отказа въ разводѣ по требованію супруговъ, мы видимъ, какъ строго придерживается церковь идеи нерасторжимости брака, правильно (т. е. при отсутствіи какой бы то ни было причины, мѣшающей браку) заключеннаго. Господствуетъ фикція, что расторгается не бракъ, а лишь возстанавливается

справедливость, т. е. доказывается, что настоящаго брака вслѣдствіе существованія извѣстныхъ препятствій не могло быть, а слѣдовательно—его якобы и не было. Поэтому въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ супружеское сожительство является невозможнымъ, но бракъ былъ заключенъ вполнѣ правильно, такой союзъ не расторгается, а супруги лишь разлучаются a toro и mensa (франц. separation de corps), не получая права заключать вторичные браки до смерти одного изъ нихъ. Эта основная фикція станетъ всего яснѣе при разсмотрѣніи тѣхъ случаевъ, въ которыхъ разводъ допускался церковнымъ судомъ.

1) Расторгается бракъ близкихъ родственниковъ — до четвертой степени родства включительно; не дозволяется бракъ съ близкой родственницей прежней жены. Въ обоихъ случаяхъ обѣ стороны получаютъ разводъ и право безпрепятственнаго заключенія другаго брака.

2) Расторгается бракъ вслѣдствіе *духовнаго* родства супруговъ, т. е. кума съ кумою (отецъ и мать крестные), а также бракъ съ женщиной, крестившей ребенка у вступившаго съ нею впослѣдствіи въ бракъ. Въ этихъ случаяхъ обѣ стороны точно также вполнѣ свободно могутъ заключить другой бракъ.

3) На основаніи каноническихъ постановленій, запрещавшихъ бракъ съ прежней незаконной сожительницей (nullus ducat in matrimonium quam polluit per adulterium), такіе браки расторгаются, и обѣ стороны свободны.

4) Расторгается двубрачіе, и это самый частый случай разводовъ. Какъ мы видѣли, въ концѣ XIV и XV в. населеніе стало уже легко относиться къ браку, свободно заключая вторые браки при наличности первыхъ. Въ случаѣ жалобы одной изъ сторонъ, церковный судъ всегда расторгалъ второй бракъ, если существовалъ первый, хотя бы онъ былъ заключенъ только обычнымъ порядкомъ, а второй—освященъ церковью. Въ этомъ случаѣ возстанавливался первый бракъ, а третья сторона получала свободу вступить въ новый бракъ.

5) Ярче всего идея нерасторжимости брака выступаетъ въ разводахъ, основанныхъ на неспособности одного изъ супруговъ къ брачной жизни. Неспособность можетъ быть природною или благопріобрѣтенною—развратною жизнью, болѣзнью или несчастнымъ случаемъ. Изъ нѣкоторыхъ указаній въ брачныхъ казусахъ этого рода видно, что только природная неспособность, существовавшая до брака, могла служить вполнѣ законной причиной для развода. Въ случаѣ жалобъ одного изъ супруговъ на неспособность другаго къ брачному сожительству, оба супруга подвергались осмотру медиковъ или свѣдущихъ людей: мужъ (такъ какъ его неспособность фигурируетъ чаще)—для

опредѣленія дѣйствительности его неспособности, жена—для доказательства ненарушенной мужемъ ея дѣвственности. Въ случаяхъ доказательства того и другаго обстоятельства церковный судъ даетъ разводъ тотчасъ, при чемъ сторонѣ, физически неспособной къ брачному сожительству, запрещается вторичный бракъ (въ одномъ случаѣ почему-то только до смерти жены). Въ случаяхъ сомнительныхъ, гдѣ одна сторона отрицала свою неспособность, назначалось испытаніе разныхъ сроковъ, отъ полугода до трехъ лѣтъ, въ теченіе котораго времени несчастный супругъ долженъ былъ лѣчиться [3]). Въ случаѣ доказательства, что мужъ имѣлъ въ началѣ способность къ брачному сожительству, а затѣмъ ее потерялъ, разводъ не дозволяется. Въ одномъ случаѣ самъ мужчина требуетъ развода вслѣдствіе собственной неспособности, хотя жена это и отрицаетъ, но въ данномъ случаѣ замѣшаны были разныя другія причины (имущественныя отношенія), вслѣдствіе которыхъ жена не хотѣла развода.

6) Расторгался насильственный бракъ, заключенный помимо воли одной изъ сторонъ. Характерно, что въ данномъ случаѣ требующей развода стороной являлся нерѣдко мужчина, утверждая, что его угрозами заставили вступить въ бракъ. Въ случаѣ доказаннаго насильственнаго брака, т. е. если, напримѣръ, женщина должна была подчиниться волѣ отца или опекуна, обѣ стороны получаютъ полный разводъ. Въ числѣ брачныхъ казусовъ этого рода особенно любопытенъ одинъ, гдѣ насильно выданная замужъ женщина бросаетъ мужа и заключаетъ другой бракъ, мужъ точно также вторично женится. Церковный судъ расторгаетъ первый бракъ, какъ насильственный, и утверждаетъ законность обоихъ вторыхъ браковъ. Въ большинствѣ случаевъ насильственнаго брака сторона пострадавшая доказываетъ при томъ, что не вступала въ половыя сношенія съ другой стороной.

7) Къ тому же собственно разряду случаевъ относится и разводъ вслѣдствіе малолѣтства одного изъ супруговъ. Хотя для брака церковныя постановленія требовали извѣстнаго возраста (anni discretionis) брачущихся (какой возрастъ для мужчины въ Польшѣ опредѣлялся 14, для женщины—12 годами), но случались браки и въ болѣе раннемъ возрастѣ и, какъ видимъ изъ изданныхъ актовъ, не только одкихъ князей изъ политическихъ соображеній, а и простыхъ смертныхъ. Встрѣчаемъ возрастъ брачущихся въ 11 л., 10 л., даже 8—для женщины, и въ одномъ случаѣ 8 и для мужчины. По церковнымъ постановленіямъ такіе браки хотя и допускались, но малолѣтніе супруги разлучались до достиженія законнаго брачнаго возраста (anni discretionis). Разумѣется, всѣ подобные браки были въ сущности на-

сильственными, такъ какъ дѣти не могли же сознательно относиться къ факту брака. Въ большинствѣ случаевъ подобные браки заключались изъ разныхъ, часто только матеріальныхъ разчетовъ. О тѣлесномъ сожительствѣ въ такомъ возрастѣ брачущихся, конечно, въ большинствѣ случаевъ не можетъ быть и рѣчи. По жалобѣ одной изъ сторонъ на свое малолѣтство во время заключенія брака, церковный судъ давалъ обѣимъ сторонамъ полный разводъ.

Наконецъ, мы встрѣчаемъ и одинъ случай развода: 8) вслѣдствіе брака съ иновѣрцемъ: и что всего характернѣе, съ *русскимъ!* Такой разводъ, однако, является прямымъ противорѣчіемъ постановленію Тридентскаго собора, признававшему законность брака съ еретиками. Въ Польшѣ, впрочемъ, объ этомъ вопросѣ долго еще послѣ Тридентскаго собора спорили. Одни признавали законность такихъ браковъ, другіе требовали развода на томъ основаніи, что чистота вѣры католика можетъ пострадать отъ постоянныхъ близкихъ сношеній съ еретикомъ (Czacki, O lit. i polsk. prawach 1861, т. II, р. 40 пр.). Наконецъ, встрѣчаемъ еще случаи разводовъ вслѣдствіе убійства однимъ изъ супруговъ другаго съ цѣлью жениться или выйти замужъ; такіе браки расторгаются, и виновная въ убійствѣ сторона теряетъ право вступить съ кѣмъ либо въ бракъ. Могли быть еще случаи расторженія брака вслѣдствіе даннаго одной изъ сторонъ обѣта безбрачія или поступленія въ монастырь одного изъ супруговъ, каковаго требовали церковныя постановленія, но въ разбираемыхъ актахъ такихъ случаяхъ нѣтъ (конечно, случайно). Впослѣдствіи каноники-юристы даже переложили въ стихи причины уважительныя для развода:

Error, conditio, votum, cognatio, crimen,
Cultus disparitas, vis, ordo, ligamen, honestas,
Si sis affinis, si forte coire nequibis,
Si Parochi aut duplicis desit praesentia testis,
Raptaque sit mulier, nec parti reddita tuta,
Haec sociada vetant, connubia facta retractant.

Чацкій подробно разсматриваетъ каждую изъ упомянутыхъ здѣсь причинъ для развода. Мы приведемъ только его толкованіе тѣхъ причинъ, которыхъ нѣтъ въ нашемъ перечнѣ, основанномъ на актахъ XV вѣка. Error и conditio—обманъ и состояніе—Чацкій толкуетъ—бракъ расторгается, если кто женился на женщинѣ, которую считалъ свободной (т. е. не рабой?), а она оказалась несвободною. Ordo—расторгался бракъ лицъ духовныхъ, такъ какъ католическая церковь требовала безженства ксензовъ. Подъ honestas Чацкій понимаетъ бракъ съ

родственниками прежней жены или обрученицы. Тридентскій соборъ ограничилъ это запрещеніе лишь первой степенью родства. Наконецъ запрещаютъ заключеніе брака въ чужомъ приходѣ и безъ присутствія двухъ свидѣтелей.

Разумѣется, жизнь не укладывалась въ узкія рамки этихъ немногихъ причинъ для разводовъ. Помимо ихъ существовалъ на практикѣ рядъ причинъ, дѣлавшихъ совмѣстную жизнь супруговъ невозможной и заставлявшихъ ихъ просить у церкви развода. Такъ, мы встрѣчаемъ требованіе развода вслѣдствіе невѣрности или развратной жизни одного изъ супруговъ, дурнаго обращенія, угрозы отравить, болѣзненнаго состоянія одного изъ супруговъ (лунатизма—и особенно оригинально—quod mingit in lecto), отвращеніе, питаемое одной стороной къ другой, половыхъ сношеній съ демономъ (succubus).

Во всѣхъ однако подобныхъ случаяхъ церковный судъ отказываетъ жалующимся въ удовлетвореніи, строго придерживаясь основной мысли о нерасторжимости брака, правильно заключеннаго. Въ случаѣ супружеской невѣрности разводъ не допускался, но можно было добиться разлученія a toro и mensa (separation des corps), безъ права обѣимъ сторонамъ заключить другой бракъ. Виновная въ невѣрности сторона подвергалась при томъ и наказанію, состоявшему однако лишь въ денежномъ штрафѣ.

Очень часто при разводахъ возникалъ вопросъ о судьбѣ прижитыхъ въ незаконномъ бракѣ (такъ какъ по ученію католической церкви только незаконный бракъ расторгался) дѣтей, а также объ имущественныхъ отношеніяхъ разведенныхъ супруговъ. Что касается перваго, то здѣсь постановленія католической церкви слѣдуетъ признать вполнѣ разумными и гуманными. Прижитыя въ бракѣ дѣти, въ случаѣ признанія брака незаконнымъ и расторженія его, признаются однако законными. Въ изданныхъ доселѣ актахъ подобные казусы являются лишь въ случаяхъ расторженія втораго брака, заключеннаго при наличности перваго. Прижитыя во второмъ (незаконномъ) бракѣ дѣти объявляются законными, такъ какъ предполагается, что одна изъ сторонъ была обманута другой, не зная о предыдущемъ бракѣ, и заключила бракъ bona fide (proles decernitur esse legitima iuxta iuris formam, *quia unius des fiin matrimonio legitimat filios*). Дѣти притомъ всегда присуждаются сторонѣ пострадавшей, т. е. обманомъ вовлеченной въ бракъ. Въ случаѣ признанія отсутствія брака, и наличности одного только простаго сожительства, дѣти повидимому не узаконяются, но женщина имѣетъ право требовать отъ мужчины пособія на воспитаніе дѣтей (№ 92).

По обычаямъ того времени, за женщиной, выходившей замужъ, давалось приданое (dos), состоявшее въ денежномъ или земельномъ имуществѣ и вещахъ: одеждѣ, драгоцѣнностяхъ, предметахъ домашняго (parapHernalia) обихода; мужъ, въ свою очередь, записывалъ *вѣно* (dotalicium), въ большинствѣ случаевъ соотвѣтствовавшее по цѣнности приносимому женою приданому, обезпечивая такимъ образомъ имущество жены. Жена сохраняла и въ бракѣ право на свое личное имущество и могла имъ свободно располагать. Въ случаѣ расторженія брачнаго союза жена обыкновенно получала, какъ и въ случаѣ смерти мужа, свое приданое назадъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы встрѣчаемъ еще требованіе вознагражденія за работу въ домѣ мужа (№ 95).

Имущество, прижитое общими трудами, дѣлится пополамъ (№ 67). Болѣе или менѣе значительное вознагражденіе требовала также женщина въ случаѣ безчестія—тѣлеснаго сожительства—при невыполненномъ обѣщаніи вступить въ бракъ. Иногда и мужчина требовалъ вознагражденія за невыполненіе обѣщанія вступить въ бракъ (№ 208).

Вотъ тѣ немногія данныя, которыя мнѣ пришлось извлечь изъ изученія бракоразводныхъ процессовъ XV вѣка въ Польшѣ. Мы видимъ, что хотя обычное брачное право и значительно отличалось здѣсь отъ церковнаго, но церковь только въ очень малой степени подверглась вліянію народныхъ воззрѣній и то главнымъ образомъ въ вопросахъ заключенія брака и признанія его законности, гораздо меньше—въ вопросахъ о расторженіи браковъ. Здѣсь церковь старается строго стоять на канонической почвѣ, абсолютно запрещая всякіе разводы, и замѣняетъ расторженіе брака юридической фикціей невозможности самаго заключенія брака, фикціей, имѣвшей въ виду, однако, одну лишь формальную сторону брака, а не его сущность. Результатомъ подобной трудности развода было значительное размноженіе среди народа невѣнчанныхъ браковъ; люди сходились и расходились по доброй волѣ, безъ всякаго участія церкви, на что находимъ частыя жалобы какъ въ XV-мъ, такъ и въ послѣдующихъ вѣкахъ [5]).

II.

Обычный, то есть въ сущности языческій, бракъ несомнѣнно былъ въ древней Руси, значительное время уже послѣ введенія христіанства, господствовавшей у насъ формой брачнаго союза. Взглядъ на бракъ, какъ на таинство, а слѣдовательно и сознаніе необходимости

церковнаго освященія брачнаго союза, долго не могъ привиться у насъ, несмотря на всѣ старанія церкви. Многочисленные памятники древней церковной письменности, разныя поученія, церковныя правила и пр. содержатъ постоянныя жалобы на отсутствіе въ народѣ христіанскаго воззрѣнія на бракъ, на отсутствіе сознанія необходимости церковнаго вѣнчанія. Церковный бракъ по народнымъ воззрѣніямъ являлся лишь привилегіей или скорѣе необходимостью для знатныхъ людей, для людей же простыхъ былъ совершенно достаточенъ свой обычный языческій бракъ. Митрополитъ Іоаннъ пишетъ Іакову черноризцу: «Якоже реклъ еси, иже не бывает на простых людех благословенія и вѣнчанія, но бояром токмо и князем вѣнчание, но простым у людем аки меньшицы поимають (женъ) с плясаніемъ і гуденіем і плесканіем» [6]). Тѣже жалобы мы находимъ во множествѣ пастырскихъ посланій XIII, XIV, XV, XVI в. [7]).

Этотъ обычай брачнаго сожительства безъ церковнаго освященія особенно упорно держался въ западной Руси; мы находимъ здѣсь рядъ свидѣтельствъ XV, XVI и даже XVII в. объ широкомъ распространеніи среди народной массы совмѣстнаго жительства мужчинъ и женщинъ «безъ шлюбу», т. е. невѣнчанныхъ въ церкви [8]). И однако, всѣ факты говорятъ за то, что отсутствіе церковнаго освященія вовсе не превращало такой союзъ въ простое сожительство; бракъ, заключенный однимъ обычнымъ порядкомъ, отличался въ народномъ сознаніи по меньшей мѣрѣ тою же крѣпостью, что и бракъ церковный. На это мы имѣемъ рядъ доказательствъ въ разныхъ судебныхъ дѣлахъ, преимущественно бракоразводнаго характера (о чемъ ниже) и ясныя указанія во многихъ народныхъ обычаяхъ, уцѣлѣвшихъ и до нашего времени. Мы имѣемъ даже вѣскія основанія утверждать, что въ народномъ сознаніи обычному языческому браку отдавалось всегда преимущество передъ бракомъ церковнымъ. Настоящимъ бракомъ со всѣми его юридическими послѣдствіями считался именно бракъ обычный, при чемъ церковное освященіе имѣло характеръ дополненія и, какъ мы видѣли, далеко не всегда признаваемаго обязательнымъ. Взглядъ этотъ коренился въ народѣ такъ прочно, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малороссіи онъ во всей своей чистотѣ дожилъ до нашего времени. Такъ тамъ существуетъ обычай, по которому молодые, принявъ вѣнчаніе въ церкви, если по какимъ либо причинамъ не могутъ устроить «весілля», брачнаго пиршества, разлучаются до самаго весілля, послѣ котораго только и вступаютъ въ полное брачное сожительство. Принимая во вниманіе обряды, практикуемые на этихъ весілляхъ, обряды вполнѣ языческаго характера, дышащіе глубочайшей древностью, нельзя

не сказать, что это «весілле» есть ничто иное, какъ настоящій языческій бракъ, цѣликомъ уцѣлѣвшій до нашего времени, и хотя въ настоящее время весілле празднуется уже послѣ церковнаго обряда вѣнчанія, но есть полное основаніе думать, что въ древности оно предшествовало вѣнчанію въ церкви, которое имѣло поэтому уже характеръ второстепенный,—освященія уже заключеннаго обычнымъ порядкомъ брака и въ силу такого своего значенія вовсе не признавалось обязательнымъ.

Спрашивается, какъ же относились къ подобнымъ только обычнымъ порядкомъ заключеннымъ союзамъ наша церковь и наше законодательство? Признавали ли они такіе союзы за браки со всѣми ихъ юридическими послѣдствіями, или за простое безпорядочное сожительство, ни къ чему не обязывающее, за прелюбодѣйство? Мы, правда, видимъ рядъ обличеній и протестовъ противъ подобныхъ не христіанскихъ браковъ, духовныя власти запрещаютъ сожительство помимо церковнаго освященія, налагаютъ на живущихъ безъ вѣнчанія разныя эпитиміи, но съ другой стороны, есть и несомнѣнные факты, что все же такое сожительство, при наличности брачнаго соединенія путемъ одной обычной обрядовой стороны, признавалось бракомъ со всѣми его послѣдствіями. Посланія іерарховъ предписываютъ живущимъ въ такихъ неосвященныхъ союзахъ убѣждать принять церковное освященіе и лишь въ случаѣ нежеланія подчиниться этому, разлучать ихъ. Но между тѣмъ и каноническое право и византійское свѣтское законодательство, перешедшее къ намъ, совершенно запрещало браки между прелюбодѣями [9]), слѣдовательно наша церковь, требуя только освященія подобныхъ союзовъ, тѣмъ самымъ косвенно признавала ихъ законную силу. Этотъ взглядъ церкви выступаетъ особенно ярко въ одномъ бракоразводномъ дѣлѣ юго западной Руси XVII вѣка. Нѣкій Терешко Лютиновичъ, отъ имени своей сестры Марьи приноситъ въ магистратскій судъ жалобу на Могилевскаго мѣщанина Аѳанасія Гридковича, что тотъ, взявъ въ супружество его сестру Марью и проживъ съ нею нѣкоторое время, покинулъ ее и взялъ другую жену; въ отвѣтъ на это Аѳанасій показалъ роспустный и разводный листъ священника Нестера Ивановича, посланнаго для разбора этого дѣла Полоцкимъ владыкою: въ этомъ листѣ говорится, что священникъ, видя, что Аѳанасій съ женою живутъ *«облудне» и не бравши межи собою шлюбу*, хотѣлъ дать имъ шлюбъ, но они «з незгоднаго мешканя» не захотѣли взять шлюбъ и *«зъ малженства се доброволне* вызволили и роспустившись передъ священникомъ дозволили одинъ другому заключить другой бракъ, что и утвердилъ священникъ» [10]). Такимъ

образомъ священникъ даетъ здѣсь разводъ лицамъ, между которыми по церковнымъ понятіямъ въ сущности никакого брака не было. Очевидно, церковь дѣлала здѣсь уступку слишкомъ глубоко вкоренившемуся обычаю. Косвенное признаніе юридическаго значенія обычныхъ браковъ мы находимъ даже въ церковномъ законодательствѣ. Такъ въ церковномъ уставѣ великаго князя Ярослава мы находимъ слѣдующее постановленіе: «аще мужъ и съ женою по своей воли распустятся, митрополиту 12 гривень, а *будутъ не вѣнчалныи*—митрополиту 6 гривень» [11]). Такимъ образомъ, здѣсь невѣнчанные браки вполнѣ признаются, хотя и считаются ниже браковъ вѣнчальныхъ, что видно изъ половинной виры за самовольное расторженіе подобныхъ браковъ. Допуская подобную уступку народнымъ обычаямъ, которыхъ невозможно было сразу сломить, церковь поступала вполнѣ разумно: признавая законность обычныхъ браковъ, она содѣйствовала укрѣпленію семейныхъ узъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ пришлось бы большинство тогдашней Руси считать за живущую въ безпорядочныхъ союзахъ и большинство рождаемыхъ въ этихъ союзахъ дѣтей признать незаконнорожденными.

Во взглядахъ церкви и народа на бракъ замѣчаемъ существенную разницу. Церковь смотритъ на бракъ какъ на таинство, на прообразъ единенія Христа съ церковью, для народа бракъ въ значительной степени является однимъ изъ видовъ гражданскихъ сдѣлокъ. Это видно изъ разныхъ условій, имущественныхъ договоровъ при заключеніи браковъ, изъ частыхъ требованій возмѣщенія убытковъ при отказѣ одной изъ сторонъ послѣ свадебнаго сговора, наконецъ изъ вознагражденія даваемаго стороной, потребовавшей развода, другой сторонѣ. Разумѣется, въ настоящее время, благодаря вліянію христіанства, взглядъ народный нѣсколько облагородился, въ понятіи брака играютъ роль и нравственные и религіозные мотивы, но если и теперь взглядъ на бракъ, какъ на гражданскую сдѣлку, далеко не исчезъ изъ народнаго сознанія, то тѣмъ сильнѣе долженъ былъ онъ существовать въ древности, при одномъ внѣшнемъ вліяніи христіанства, явившагося крайне прозрачной, еле замѣтной оболочкой на густомъ фонѣ чисто языческой жизни нашихъ предковъ. Не станемъ примѣрами доказывать этой разницы въ воззрѣніяхъ народа и церкви на брачный союзъ, разницы и безъ того хорошо установленной многими изслѣдователями; отмѣтимъ лишь ее, такъ какъ она имѣетъ значеніе въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи.

Съ введеніемъ христіанства на Руси церковь приняла на себя заботу о народной нравственности и главнымъ образомъ нравственности

семейной. Большинство дѣлъ, вытекающихъ изъ семейнаго союза, отношенія членовъ семейства между собою и даже многія чисто юридическія стороны семейной жизни—перешли въ вѣдѣніе церкви, и церковь постоянно старается задержать въ своихъ рукахъ не только общій надзоръ надъ семейною жизнію, ея чистотою и нравственностью, но и самую юридическую сторону семьи. Послѣднее однако не вполнѣ ей удалось: свѣтская власть мало по малу отнимаетъ у церкви значительную долю ея компетенціи въ семейныхъ дѣлахъ, и не только одного юридическаго характера. Умаленіе духовной юрисдикціи въ дѣлахъ, вытекающихъ изъ семейнаго союза, особенно замѣтно въ юго-западной Руси, гдѣ оно зависѣло отъ весьма многихъ причинъ.

Дѣло въ томъ, что характерной стороной строя польско-литовскаго государства было необыкновенное разнообразіе присудовъ: общихъ правовыхъ нормъ, общаго присуда не знало это разноплеменное и вообще крайне разнообразное по своему составу государство; каждое отдѣльное сословіе, отдѣльныя національности, чуть не отдѣльныя лица имѣли свои особенныя права, свой отдѣльный присудъ: шляхетское сословіе судится своимъ земскимъ правомъ, мѣщане пользуются правомъ нѣмецкимъ въ разныхъ варіантахъ, крестьяне подчинены доминіальному суду помѣщиковъ, духовенство своему духовному суду, жиды, татары и другіе инородцы имѣютъ свои права и свой судъ. Каждый такой отдѣльный присудъ ревниво оберегаетъ свои привилегіи и не терпитъ посторонняго вмѣшательства въ отношеніи къ подвѣдомственнымъ ему лицамъ.

Съ другой стороны общественная жизнь западной Руси пошла по совсѣмъ иному теченію, чѣмъ на Руси сѣверо-восточной: въ послѣдней одолѣло государство, централизовало власть, подавило личность съ ея индивидуальными стремленіями, убило общественность, стремилось превратить Русь въ одну обширную канцелярію безконечныхъ чиновниковъ.

Не то было въ Руси западной. Личности было здѣсь несравненно больше простора (по крайней мѣрѣ личности полноправной), общественность значительно развита, общество (правда по преимуществу высшіе и средніе его классы) принимаетъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ государства и, можно даже сказать, господствуетъ надъ государствомъ. Шляхество вѣчно ратуетъ съ государствомъ на сеймахъ и сеймикахъ, мѣщане управляютъ городскими дѣлами при помощи выборныхъ магистратовъ и даже посылаютъ депутатовъ на сеймы; наконецъ, это широкое развитіе общественности сказалось и на вмѣшательствѣ общества въ дѣла религіи, въ учрежденіи церковныхъ братствъ,

одного изъ характерныхъ явленій западно-русской жизни, гдѣ само общество принимаетъ подъ свое попеченіе церковь и контролируетъ ея дѣятельность.

Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь два противоположныхъ теченія: стремленіе отдѣльныхъ общественныхъ группъ замкнуться въ тѣсномъ собственномъ кругу, и стремленіе обратное—стремленіе разныхъ общественныхъ элементовъ прорваться въ кругъ компетенціи другихъ. Результатомъ этой борьбы было во всякомъ случаѣ значительное оживленіе общественной жизни.

Всѣ нами указанныя явленія имѣли существенное вліяніе на историческую судьбу института, составляющаго предметъ нашего изложенія, института брачныхъ разводовъ. Древне-русское законодательство, какъ мы уже говорили, изъяло семейную жизнь и, разумѣется, главный ея институтъ—бракъ изъ сферы своего вѣдѣнія и передало его церкви. Но послѣдней не удалось задержать здѣсь свою компетенцію въ полномъ ея объемѣ. Отдѣльныя общественныя группы, ревниво отстаивавшія свою самостоятельность и независимость собственнаго присуда, и по семейнымъ дѣламъ обращаются не къ церкви, а въ свой отдѣльный судъ. Мало того, самые уставы этихъ общественныхъ группъ давали имъ на это, въ полномъ противорѣчіи съ правами церкви, несомнѣнное право: такъ мѣщанскій судъ по статутамъ нѣмецкаго права вѣдалъ не только гражданскія и уголовныя дѣла мѣщанъ, но и имѣлъ, подобно церкви, право общаго надзора надъ чистотою нравовъ и семейной жизнью подвѣдомственныхъ ему членовъ. Въ числѣ городскихъ чиновниковъ существовали даже спеціальные censores morum, обязанные наблюдать надъ добрыми нравами горожанъ. Съ другой стороны такія учрежденія, какъ церковныя братства, учрежденія почти всесословныя (такъ какъ въ нихъ участвовали и шляхта, и мѣщанство и духовенство) принимаютъ въ сферу своего надзора и семейную жизнь своихъ сочленовъ. Результатомъ этого было то, что мы съ очень ранняго времени встрѣчаемъ въ западной Руси постоянныя жалобы церкви на всевозможныя уряды въ узурпаціи ея правъ, особенно въ дѣлахъ семейныхъ. Жалуется въ этомъ отношеніи церковь на суды городскіе и земскіе, на старость и всевозможныхъ урядниковъ, на суды магистратскіе, на церковныя братства. Всѣ эти уряды и учрежденія судятъ дѣла семейныя и принимаютъ для записи въ свои книги всевозможныя заявленія по дѣламъ, вытекающимъ изъ семейнаго союза, нисколько не справляясь съ спеціальными, на подобныя дѣла, правами церкви.

Подобной узурпаціи правъ церкви содѣйствовали въ значительной

степени указанные уже народные взгляды на бракъ, какъ на гражданскую сдѣлку, и, разумѣется, такъ часто практиковавшійся обычай невѣнчальныхъ браковъ [12]). Но несомнѣнно, что въ этомъ отношеніи играли значительную роль еще значительно большая простота и дешевизна свѣтскихъ судовъ въ дѣлахъ брачныхъ сравнительно съ судами духовными. Что касается спеціально брачныхъ разводовъ, то свѣтскіе суды, подчиняясь народнымъ воззрѣніямъ на бракъ, какъ на гражданскую сдѣлку, собственно и не судятъ подобныхъ дѣлъ. Въ то время какъ духовные суды, исходя изъ каноническихъ постановленій о разводѣ, примѣняютъ къ бракоразводнымъ дѣламъ цѣлую сложную формалистику, изслѣдуютъ каноничность выставленныхъ для развода причинъ, производятъ по этимъ дѣламъ требуемыя церковными уставами слѣдствія, требуютъ свидѣтелей и проч., свѣтскіе суды вовсе не задаются вопросомъ о законности или незаконности причинъ для развода; исходя изъ взгляда на бракъ какъ на юридическую сдѣлку, они требуютъ лишь обоюднаго согласія сторонъ на разводъ, совершенно какъ во всякой гражданской сдѣлкѣ. Даже болѣе того, роль суда, по совершенно вѣрному замѣчанію одного изслѣдователя [13]), сводится въ подобныхъ дѣлахъ исключительно къ роли нотаріуса, завѣряющаго и скрѣпляющаго частную сдѣлку. И дѣйствительно, во всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ случаяхъ брачныхъ разводовъ мы встрѣчаемъ всегда ясно выраженное обоюдное согласіе сторонъ на разводъ; причины, побудившія супруговъ разойтись, даже не всегда указываются; часто мы находимъ въ заявленіи разводящихся супруговъ лишь глухое замѣчаніе о семейныхъ несогласіяхъ, побудившихъ ихъ къ разводу. Только въ случаѣ одностороннято требованія развода свѣтскій судъ, принужденный разбирать законность указываемыхъ для развода причинъ, или вспоминаетъ, что подобныя дѣла собственно подлежатъ вѣдѣнію суда духовнаго, куда и отсылаетъ стороны, или и самъ принимается за формальное слѣдствіе, копируя практику духовныхъ судовъ.

Кромѣ несравненно большей простоты судопроизводства (или лучше полнаго его отсутствія) въ судахъ свѣтскихъ по дѣламъ бракоразводнымъ сравнительно съ судами духовными, въ первые привлекала ихъ, какъ мы уже говорили, и дешевизна суда свѣтскаго сравнительно съ судомъ духовнымъ въ подобныхъ дѣлахъ. Хотя до сихъ поръ извѣстны главнымъ образомъ, бракоразводныя дѣла въ судахъ свѣтскихъ, но мы натолкнулись на нѣсколько дѣлъ подобнаго рода съ участіемъ суда духовнаго и съ точнымъ обозначеніемъ судебныхъ пошлинъ въ пользу послѣдняго суда. Мы приведемъ здѣсь нѣсколько подобныхъ

дѣлъ въ виду малоизвѣстности ихъ и въ виду ихъ значительной древности; большинство изъ изданныхъ до сихъ поръ бракоразводныхъ дѣлъ относятся ко времени не раньше средины XVI вѣка. Намъ же удалось найти нѣсколько дѣлъ на столѣтіе раньше, средины XV вѣка.

Въ 1449 году русскій шляхтичъ Георгій Мальчицкій жалуется въ львовскій гродскій судъ на Бѣлку, львовскую армянку, что онъ ей, какъ своей женѣ, далъ на сохраненіе межевую грамоту, деньги и разныя вещи, которыя она не хочетъ ему вернуть. На это Бѣлка заявляетъ, что она вовсе не его жена, а находилась у него въ рабствѣ, и никакихъ вещей онъ ей на сохраненіе не давалъ. Гродскій судъ увидѣлъ въ этомъ дѣлѣ двѣ стороны—искъ чисто гражданскій и вопросъ суда духовнаго о законности или незаконности брака и рѣшилъ поэтому, чтобы обѣ стороны покончили сначала со вторымъ вопросомъ, отославъ ихъ (что прямо не сказано, но видно изъ дальнѣйшаго) въ судъ духовный. Повидимому духовный судъ рѣшилъ дѣло въ смыслѣ развода, и Бѣлка, какъ сторона виновная (такъ какъ по аналогіи съ другими подобными дѣлами видно, что она не желала продолжать брачнаго сожительства, по всей вѣроятности, заключеннаго только обычнымъ порядкомъ), должна была заплатить мужу роспусту 30 гривенъ, а въ уплатѣ этихъ денегъ за Бѣлку поручился армянскій лѣкарь Бундъ. Вопросъ о законности брака, какъ оказывается, разсматривался на судѣ митрополита Іоакима, который и получилъ слѣдуемыя ему за рѣшеніе дѣла пошлины. Количество ихъ случайно указано по поводу спора изъ за этихъ пошлинъ, возникшаго между митрополитомъ и перемышльскимъ епископомъ. Дѣло въ томъ, что Іоакимъ повидимому принадлежалъ къ числу греческихъ іерарховъ, бѣжавшихъ въ Русь послѣ нашествія турокъ; поселившись во Львовѣ и принявъ титулъ галицкаго архіепископа, онъ присвоиваетъ себѣ, въ ущербъ мѣстнымъ епископамъ, духовную юрисдикцію надъ мѣстнымъ населеніемъ

Узнавъ о дѣлѣ Бѣлки, перемышльскій епископъ Аѳанасій требуетъ себѣ слѣдуемыхъ ему «роспустныхъ» денегъ въ количествѣ *30 гривенъ*, между тѣмъ какъ эти деньги уже получилъ митрополитъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что духовному суду пришлось уплатить *30 гривенъ*, сумму по тому времени весьма значительную, а если принять во вниманіе еще такую же сумму, уплаченную Бѣлкой мужу, да пошлины въ пользу гродскаго суда и разныя еще, вѣроятно, гласные и не гласные расходы, которыхъ и въ то время было не мало, то весь разводъ долженъ былъ обойтись Бѣлкѣ въ довольно круглую сумму.

А вотъ другое подобное дѣло, 1450 г. Петръ Одровантжъ, воевода русской земли, судитъ на смѣшанномъ судѣ, въ которомъ присутствуетъ отъ того же митрополита Іоакима депутатъ протопопъ Василій, бракоразводное дѣло между шляхтичемъ Протасіемъ Бортницкимъ и его женою Федькою, дочерью шляхтича Сеньки Лопатича Осталовицкаго (всѣ русскіе). Подробностей дѣлъ не сохранилось, имѣемъ лишь окончательное рѣшеніе суда, по которому Федька обязывается уплатить *роспусту* 60 гривенъ, изъ которыхъ мужу 30, столько же митрополиту. Разводъ дается на обѣ стороны [14]).

Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ, повидимому, одностороннее требованіе развода, почему и требовалось длинное судебное слѣдствіе, и вслѣдствіе разныхъ мотивовъ (гражданскаго иска)—участіе обоихъ судовъ, духовнаго и свѣтскаго.

Но вотъ мы имѣемъ данныя, правда столѣтіемъ позже, средины XVI вѣка, изъ которыхъ узнаемъ точную цифру того, что стоилъ разводъ на свѣтскомъ судѣ. Въ люстраціи русскихъ земель 1564 года, сохранившихся въ литовской метрикѣ [15]), въ числѣ доходовъ старостъ вездѣ указаны доходы съ разводовъ. Люстраторы-католики называютъ обычай разводовъ *безбожнымъ* и хотя замѣчаютъ, что подобные проступки слѣдовало бы наказывать чѣмъ инымъ, а не денежными штрафами, но признаютъ, что подобныя дѣла даютъ старосту не малые доходы. Оказывается, что если мужъ хочетъ оставить жену, или жена мужа, то истецъ уплачиваетъ всего отъ 3 до 6 гривенъ старостѣ. Тутъ же мы находимъ и свидѣтельство о широкомъ распространеніи обычая невѣнчальныхъ браковъ: кто хочетъ взять за себя дѣвку, вдову или разводку и хочетъ съ нею жить, платитъ въ замокъ три гривны, что называлось *поемщизной*, какой обычай люстраторы называютъ своевольнымъ и замѣчаютъ, что плата, въ данномъ случаѣ, берется только съ русскихъ.

Итакъ брачный разводъ, какъ мы видимъ, обходится въ свѣтскомъ судѣ въ 10 разъ дешевле, чѣмъ въ духовномъ. Естественно, что помимо всѣхъ прочихъ условій, господство обычнаго брака безъ церковнаго освященія, стремленія и привычки судиться по всѣмъ дѣламъ въ своемъ собственномъ присудѣ и наконецъ взгляда на брачный союзъ, какъ на юридическую сдѣлку,—и эти чисто экономическія причины: дешевизна свѣтскаго суда и легкость разводовъ, заставляли населеніе обращаться къ свѣтскому суду предпочтительно предъ судомъ духовнымъ.

Какъ же относится къ этому явленію духовный судъ, какія мѣры принимаетъ церковь противъ узурпаціи свѣтской властью своихъ при-

вилегій? Она конечно протестуетъ, жалуется, но довольно впрочемъ безуспѣшно, ибо мы встрѣчаемъ бракоразводныя дѣла въ свѣтскихъ судахъ вплоть до XVIII вѣка. Да другихъ средствъ, кромѣ жалобъ и сѣтованій, православная церковь, не пользовавшаяся авторитетомъ въ глазахъ правительства Рѣчи Посполитой, и не имѣла, тѣмъ болѣе, что само правительство въ видахъ собственныхъ матеріальныхъ выгодъ (какъ мы видѣли въ указанномъ выше случаѣ) не принимало энергичныхъ мѣръ къ изъятію бракоразводныхъ дѣлъ изъ вѣдѣнія судовъ свѣтскихъ. Въ концѣ концовъ церкви оставалось или примириться съ подобнымъ явленіемъ, или бороться съ нимъ его же собственнымъ оружіемъ. Ей пришлось въ значительной степени подчиниться народнымъ воззрѣніямъ на сущность брачнаго союза, сдѣлать имъ уступку и прибавить къ каноническимъ причинамъ и слѣдствіямъ брачныхъ разводовъ новыя, въ соотвѣтствіи съ господствовавшими въ народѣ воззрѣніями на бракъ.

Мы уже говорили, что народное сознаніе въ значительной степени смотрѣло на бракъ какъ на юридическую сдѣлку, въ заключеніи и расторженіи которой главный факторъ обоюдная воля. Какъ мы сошлись по своей волѣ, такъ теперь расходимся по обоюдному согласію, говорятъ разводящіеся супруги въ одномъ актѣ. Но нельзя сказать, чтобы въ заключеніи брачныхъ союзовъ участвовали одни эти гражданскіе мотивы; присутствіе и нравственнаго начала въ понятіи брака несомнѣнно жило въ народѣ. Основаніе брачнаго союза, то, что даетъ ему крѣпость—любовь, гармонія, доброе семейное согласіе. Только оно скрѣпляетъ и создаетъ бракъ; разъ этой гармоніи нѣтъ, разъ семейная жизнь обращается въ адъ, супруги становятся врагами, разъ разрушается въ корнѣ семейная жизнь, долженъ быть разрушенъ и бракъ, который этимъ согласіемъ, гармоніей только и держался. И дѣйствительно, въ большинствѣ извѣстныхъ намъ случаевъ брачныхъ разводовъ главной причиной въ разводахъ выставляется наступившее острое семейное несогласіе, по какимъ бы причинамъ оно ни произошло. Супруги иногда прямо заявляютъ, что не желая грѣшить, подавать своей несогласной жизнью дурнаго примѣра, они рѣшили разойтись. Это доказываетъ, что народъ вовсе не относился легкомысленно къ браку, а наоборотъ вполнѣ сознавалъ его важное общественное и нравственное значеніе, но только замѣчательно разумно къ нему относился, видя въ брачномъ союзѣ не одну формальную сторону, а прямо ударяя въ его центръ, въ его нравственную стихію, требуя для обязательной наличности брака ея присутствія. Гдѣ совѣтъ и любовь, тамъ и бракъ, гдѣ его нѣтъ, гдѣ

слѣдовательно нѣтъ сущности брака, тамъ и нѣтъ его, и онъ долженъ быть разрушенъ формально, какъ уже разрушенъ въ самомъ своемъ корнѣ, разрушенъ нравственно.

Этотъ народный взглядъ на назначеніе брака и условія его существованія отличался такой живучестью, что не могъ въ концѣ концовъ не отразиться и на взглядахъ самой церкви, да и не могъ онъ въ ней не отразиться при томъ характерѣ, какимъ отличалась церковь въ западной Руси. Западно-русская церковь находилась въ самомъ тѣсномъ общеніи съ жизнью, раздѣляя съ обществомъ его интересы, вмѣстѣ съ нимъ боролась и страдала. Церковь западной Руси не была только одной духовной іерархіей, она была скорѣе церковью, подобной древне-христіанской — союзомъ всѣхъ вѣрующихъ. Въ дѣлахъ церковныхъ принимаютъ самое дѣятельное участіе міряне, они избираютъ іереевъ, составляютъ церковныя братства, наблюдаютъ надъ порядкомъ въ церковномъ управленіи, заботятся о чистотѣ вѣры и неприкосновенности обрядовъ, участвуютъ въ духовныхъ соборахъ и толкуютъ о догматахъ вѣры. Западно-русская церковь, благодаря этому, съиграла весьма важную политическую роль — ей мы обязаны сохраненіемъ національности и языка русскаго въ областяхъ Руси, жившихъ подъ Польшею, она спасла вѣковое наше наслѣдіе подъ градомъ физическихъ и нравственныхъ ударовъ. Западно-русская духовная іерархія не составляла отдѣльнаго замкнутаго сословія, она пополнялась изъ тѣхъ же мірянъ, ея епископы часто безъ всякихъ посредственныхъ ступеней смѣняли мечъ на посохъ (да пожалуй нерѣдко при второмъ удерживали и первый), ея низшее духовенство прямо отъ плуга отправлялось въ храмъ, а нерѣдко и изъ храма возвращалось къ плугу и вмѣстѣ съ народомъ раздѣляло его горькую долю, отбывая вмѣстѣ съ нимъ панщину и вмѣстѣ съ крестьяниномъ продавалась и стонала подъ плетью помѣщика. Какъ же при такихъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ народомъ, духовенство, бывшее костью отъ его кости, могло не проникнуться насквозь народными возрѣніями и не сочувствовать имъ?

И дѣйствительно, какъ въ большинствѣ случаевъ, такъ и въ дѣлахъ брачныхъ разводовъ западно-русское духовенство оказывается въ значительной степени солидарнымъ съ народными возрѣніями: священники, несмотря на неоднократныя запрещенія высшей іерархіи, по одному лишь заявленію супруговъ даютъ имъ разводные листы, не справляясь ни съ какими каноническими правилами, подписываются въ качествѣ свидѣтелей на бракоразводныхъ документахъ и пр. Но и само высшее духовенство не могло освободиться отъ давленія

народныхъ воззрѣній, высшіе іерархи нерѣдко рѣшаютъ бракоразводныя дѣла далеко не въ каноническомъ смыслѣ. Вліяніе народныхъ обычаевъ (взглядовъ) на духовенство было настолько сильно, что мы встрѣчаемъ случаи, когда постановленіе высшаго духовнаго суда, сдѣланное на основаніи каноническихъ правилъ, отмѣняется духовною же властью на основаніи третейскаго суда свѣтскихъ лицъ, и издается новое рѣшеніе, согласное съ постановленіемъ этихъ добровольныхъ судей. Подобное интересное дѣло мы имѣемъ изъ архива греко-церковной перемышльской духовной консисторіи (капитулы) [16]) Сущность дѣла заключается въ слѣдующемъ: нѣкій Васька Шалаваличь, сольскій мѣщанинъ, вслѣдствіе разныхъ семейныхъ несогласій, имѣвшихъ кажется въ своемъ основаніи имущественныя отношенія супруговъ, упорно отказывается отъ совмѣстной жизни съ женою и предъявляетъ къ ней искъ о разводѣ и въ тоже время разныя имущественныя претензіи; дѣло это тянется много лѣтъ въ разныхъ духовныхъ и свѣтскихъ судахъ; еще въ 1605 или 1606 г. на духовномъ судѣ перемышльскаго епископа Васька далъ обѣщаніе примириться съ женою и продолжать съ нею мирный супружескій союзъ, но обѣщанія своего не сдержалъ, и вотъ черезъ 5 лѣтъ мы видимъ это дѣло опять на судѣ того же епископа. Несмотря на неоднократные позывы Васька не является въ судъ, и епископъ предаетъ его, какъ противника церкви, отлученію, постановляя въ тоже время и свое рѣшеніе относительно развода столь немирныхъ супруговъ—епископъ разводитъ ихъ, но, приведши разныя церковныя постановленія, запрещаетъ обоимъ разведеннымъ второй бракъ. Между тѣмъ имущественные иски бывшихъ супруговъ другъ къ другу этимъ не прекращаются, къ тому же бывшая жена Васьки находитъ жениха и хочетъ вступить во второй бракъ, что ей однако было запрещено рѣшеніемъ епископа. Уставъ тягаться по всевозможнымъ судамъ (дѣло это тянулось слишкомъ 10 лѣтъ) бывшіе супруги рѣшили наконецъ сдаться на судъ уважаемыхъ третьихъ лицъ и подчиниться ихъ рѣшенію. Избранные обѣими сторонами третейскіе судьи разрѣшаютъ сначала вопросы имущественные, составлявшіе яблоко раздора между бывшими супругами, и, совершенно игнорируя давно состоявшееся рѣшеніе епископа, опять заново постановляютъ развести супруговъ, съ тѣмъ чтобы, въ случаѣ если которая изъ сторонъ пожелала заключить второй бракъ, то должна испросить на это разрѣшеніе духовной капитулы. Первой пришлось за этимъ обратиться къ капитулѣ разведенной женѣ; представивъ духовному суду рѣшеніе третейскихъ судей, давшихъ ей разводъ съ условіемъ самой добыть

разрѣшеніе на второй бракъ у духовнаго суда, она, на основаніи этого совѣстнаго рѣшенія, проситъ капитулу позволить ей второй бракъ. Въ свою очередь и капитула, не справляясь съ рѣшеніемъ епископа, вполнѣ соглашается съ постановленіемъ третейскаго суда и дозволяетъ Аннѣ второй бракъ, прибавляя въ видѣ оправданія своего согласія, что лучше жить въ законѣ, чѣмъ грѣшить. Анна, какъ мы знаемъ изъ того же акта, воспользовалась дозволеніемъ капитулы и заключила второй бракъ; послѣдовалъ ли ея примѣру ея мужъ, не знаемъ [17]).

Не станемъ приводить другихъ примѣровъ, остановимся здѣсь и сдѣлаемъ общій выводъ изъ всего сказаннаго.

Народное воззрѣніе на бракъ отличается присущей многимъ обычнымъ правовымъ нормамъ двойственностью: по народному понятію бракъ представляетъ съ одной стороны извѣстнаго рода юридическую сдѣлку, въ которой главнымъ факторомъ является свободная воля договаривающихся сторонъ; отсюда вытекаетъ и то необходимое условіе при обычныхъ расторженіяхъ брачнаго союза, указанное нами выше — та же обоюдная воля, «какъ мы сошлись по своей волѣ, такъ теперь по своей же волѣ и расходимся», такъ совершенно ясно выражаютъ обычное воззрѣніе разводящіеся обычнымъ порядкомъ супруги. Бракъ есть свободный договоръ двухъ сторонъ, и какъ всякій подобный договоръ—можетъ быть разрушенъ согласіемъ его заключившихъ.

Но съ другой стороны этимъ свободнымъ взглядомъ на брачный союзъ вовсе не умаляется его важное общественное и нравственное значеніе въ глазахъ народа. Помимо того, что всякій договоръ въ народномъ понятіи долженъ держаться свято и ненарушимо, въ самомъ основаніи брачнаго союза лежитъ по народному воззрѣнію высшее нравственное начало, составляющее его сущность—любовь и совѣтъ. Если въ самомъ заключеніи брачнаго союза часто участвуютъ разныя имущественныя соображенія, придающіе ему характеръ юридической гражданской сдѣлки, то съ другой стороны не ими создается крѣпость брачнаго союза, а исключительно нравственными началами, лежащими въ основаніи его. Но отсюда же слѣдуетъ, что разъ поколебались эти нравственныя основы — любовь и согласіе, колеблется и самый договоръ, разъ онѣ нарушены въ корнѣ и безповоротно, разрушается и самый союзъ, такъ какъ ими только онъ и держался, ими только и былъ крѣпокъ.

Поэтому то и расторженіе брака является такимъ же частнымъ семейнымъ дѣломъ, какъ и его заключеніе. Народъ любитъ семью, бережетъ ея цѣлость и чистоту и не допускаетъ въ семейныя дѣла по-

сторонняго вмѣшательства. Обычный брачный разводъ есть своя домашняя семейная сдѣлка, это во всякомъ случаѣ семейное горе, внутренняя язва, которую не слѣдъ обнажать предъ посторонними. Поэтому, заявляя публично о своемъ рѣшеніи разорвать супружескій союзъ, супруги не охотно говорятъ о мотивахъ развода, не желая свою внутреннюю жизнь обнажать на показъ всѣмъ, «не имѣя возможности продолжать совмѣстной жизни вслѣдствіе семейныхъ несогласій — мы рѣшили дать другъ другу свободу», такъ обыкновенно глухо опредѣляютъ разводящіеся мотивы развода. Не съ плеча, не легкомысленно рѣшаются они на этотъ важный шагъ, а по зрѣломъ размышленіи, послѣ долгихъ, но тщетныхъ попытокъ устроить миръ и согласіе, и убѣдившись окончательно въ полной невозможности совмѣстной жизни, даютъ одинъ другому полную свободу съ искреннимъ пожеланіемъ устроить лучше свою жизнь, найти въ новомъ супружествѣ то счастье, котораго не нашли у себя [18]). Въ такомъ смыслѣ они даютъ другъ другу роспустные листы, представляющіе лишь оффиціальное заявленіе о состоявшейся семейной сдѣлкѣ; не суда требуютъ они, занося въ урядовыя книги свои роспустные листы, судья въ семейныхъ дѣлахъ одинъ лишь Богъ; они лишь объявляютъ во всеуслышаніе собственное рѣшеніе, дабы и формально дать другъ другу полную свободу, какъ уже это сдѣлали по обоюдной волѣ.

Таковъ древній народный взглядъ на сущность брачнаго союза, взглядъ по нашему убѣжденію весьма глубокій и разумный и настолько живучій и крѣпкій, что успѣлъ даже подчинить своей силѣ и самую современную ему церковь, заставилъ ее отступить отъ своихъ собственныхъ воззрѣній, поступиться ими въ пользу живаго народнаго обычая.

---

1) № 148, 190.

2) Starodawne prawa polskiego pomniki, т. IV р. 9.

3) Starodawne prawa polskiego pomniki; IV, р. 74.

4) Иногда судъ велитъ испытать неспособнаго холодною водою.

5) Maciejowski, Polska az do pierwszej polowy XVII w. pod wzglęrem obyczajow, III, 59.

6) Макарій, ист. русской церкви, II, 376. Въ уставной грамотѣ кн. Ростислава смоленскаго назначается наказаніе, «аще кто поимется чрезъ законъ», Доп. къ акт. истор. I, 7.

7) Въ прав. митр. Максима (Макарій, Ист. русск. церкви, IV, р. 367, «аще женъ держите въ блудѣ, безъ благословенія церковнаго... молись имъ и нуди

ихъ, аще и стари суть и млади, да вѣнчаются въ церкви». Митр. Фотій велитъ живущимъ безъ вѣнчанія церковнаго налагать трехлѣтнюю эпитимію и вѣнчать ихъ, а не желающихъ вѣнчаться разлучать (Акты Археогр. Эксп. I, 44). Перечисленіе другихъ посланій см. у Дубакина, Вліяніе христіанства на семейный бытъ русск. общ. въ пер. до появл. Домостроя р. 48, хотя авторъ рѣшительно не правъ утверждая (р. 49), что съ XVI в. почти прекращаются извѣстія о случаяхъ браковъ въ простомъ народѣ безъ церковнаго обряда вѣнчанія, доказательства противнаго увидимъ ниже.

8) Въ 1509 г. православный митрополитъ жалуется королю, что «дени тамъ (по мѣстомъ) многіе люди, Русь, въ тѣхъ мѣстѣхъ незаконнѣ мѣшкають, *жены поймуючи не вънчаються*, и дѣтей крестить не хотять, и на исповѣдь не ходять (Акты Зап. Рос. II, № 51). 1548 г. Виленскій бискупъ жалуется, что «многія невѣсты... не въ законѣ мѣшкають (і в. III, № 8). Въ наказѣ кіевскаго митрополита приходскимъ священникамъ 1631 г., «которые тежъ мѣшкають безъ шлюбу, абы тыхъ отлучали отъ церкви и оповѣдали людемъ (ib. IV, № 232). У Загоровскаго, О разводѣ по русскому праву, собраны многія подобныя жалобы духовныхъ іерарховъ.

9) Т. Барсовъ, О послѣдствіяхъ расторженія брака въ случаѣ прелюбодѣянія (Христ. Чтеніе 1882, май и іюнь).

10) Ист. Юрид. Мат. Вит. и Могил. т. VIII р. 345, 1617 г.

11) Макарій, Ист. русск. церкви, II р. 377.

12) Да и съ какой бы стати стали обращаться къ церкви для разрыва брачнаго союза люди заключившіе этотъ союзъ помимо церкви?

13) Загоровскій, l. с.

14) Акты взяты нами изъ т. наз. Бернардинскаго Архива во Львовѣ.

15) Книги переписей IV 13, 19 и 12

16) Списокъ весьма любезно доставленъ намъ докторомъ Зихомъ изъ Перемышли.

17) Въ этомъ дѣлѣ есть еще одна сторона, отличающая тогдашнее судопроизводство по брачнымъ дѣламъ отъ нынѣшняго—наше судопроизводство не допускаетъ *представительства* по дѣламъ брачныхъ разводовъ. Въ прежнее время представительство допускалось и въ дѣлахъ разводовъ, какъ во всякихъ судебныхъ дѣлахъ. Въ данномъ случаѣ представителемъ мужа былъ его отецъ. Женщина и дѣло развода вела, какъ всякія другія дѣла, при посредствѣ адвоката или представителя (procurator).

18) Левицкій, Р. Ст. 1880, № 11, говоритъ почти то же.

И. А. Линниченко.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ОБЕЗПЕЧЕНІЮ НАРОДНАГО ПРОДОВОЛЬСТВІЯ *).

Задача обезпеченія народнаго продовольствія, въ примѣненіи къ условіямъ русской жизни можетъ заключаться: 1) въ такой постановкѣ народнаго хозяйства, чтобы крестьянское населеніе не было вынуждено ежегодно продавать продукты своего продовольствія за дешевую цѣну, съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ покупать ихъ обратно по болѣе дорогой цѣнѣ; 2) въ заблаговременномъ принятіи мѣръ, предупреждающихъ послѣдствія неурожая и обезпечивающихъ населенію продовольствіе и обсѣмененіе полей въ неурожайные годы. Въ программу моего настоящаго очерка не входитъ исторія законодательства относительно первой задачи, да и мудрено было бы включить ее уже по тому, что эта задача не составляла предмета законодательства, а имѣлась въ виду лишь отдѣльными лицами, составлявшими, какъ увидимъ ниже, различные проекты па эту тему, не

*) Рефератъ, читанный въ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества 29 октября сего года. Источниками при составленіи настоящаго очерка служили: 1) полное собраніе законовъ Россійской Имперіи за тѣ годы, указанія на которые сдѣланы въ текстѣ, съ обозначеніемъ въ скобкахъ нумеровъ статей П. С. З.; 2) Исторія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Н. Варадиновъ, томы I—VI; 3) Матеріалы по вопрссу объ обезпеченіи продовольствія. Историческій сбзоръ правительственныхъ распоряжсній по народному продовольствію въ Россіи. Часть I и II; 4) Матеріалы для исторіи народнаго продовольствія въ Россіи, М. Шпилевскій (Зап. Императ. Новороссійск. университета, т. XIV, 1874 г.); 5) В. Н. Лешковъ, Русскій народъ и государство. 6) В. И. Семевскій, Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины II; 7) Сводъ законовъ т. XIII изд. 1857 г. со всѣми продолженіями къ нему; 8) Циркуляры М-ства Вн. дѣлъ; 9) Уставъ о народномъ продовольствіи изд. 1889 г.; 10) Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 12 іюня 1890 г.

встрѣчавшіе, однако, дальнѣйшаго движенія. Поэтому я ограничиваюсь лишь очеркомъ исторіи законодательства по вопросу объ обезпеченіи продовольствія на случай голода и неурожая. Но и въ этихъ предѣлахъ я не имѣю въ виду останавливаться на всѣхъ законодательныхъ мѣропріятіяхъ по этому предмету, а касаюсь лишь тѣхъ, изъ которыхъ развилась современная система мѣръ обезпеченія на случай неурожая, такъ что, точнѣе говоря, предметомъ моего очерка служитъ краткій обзоръ исторіи образованія и развитія дѣйствующаго законодательства по обезпеченію народнаго продовольствія; всего остальнаго я касаюсь лишь на столько, на сколько мнѣ казалось это неизбѣжнымъ, чтобы дать ясное представленіе о томъ, какъ создалась и развивалась дѣйствующая система мѣръ обезпеченія населенія на случай неурожая. Наконецъ, я совсѣмъ не касаюсь законодательства по народному продовольствію въ мѣстностяхъ, находящихся на особомъ положеніи, каковы различныя окраины и губерніи, гдѣ не введены земскія учрежденія. Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, приступаю къ самому предмету моего очерка.

I.

Русская древность вплоть до XVII вѣка и даже до Петра Перваго не знала какой-либо государственной или общественной системы мѣръ обезпеченія народнаго продовольствія, хотя *«самымъ древнимъ общественнымъ вопросомъ»*, возбужденнымъ въ нашемъ отечествѣ и отмѣченнымъ въ лѣтописяхъ съ начала XI вѣка, былъ вопросъ о сохраненіи населенія отъ того дѣйствія природы, которое называется неурожаемъ и которое получаетъ общественное значеніе подъ названіемъ голода и дороговизны на средства продовольствія, или на средства существованія» (В. Н. Лешковъ, Русскій народъ и государство, стр. 451 и 455). Средствами противъ голода, согласно В. Н. Лешкову, были: 1) молитва, установляемая въ половинѣ XVII в., какъ общая, всенародная въ случаѣ голода; 2) трудъ, усилія и соображенія, которыхъ требовало развитіе земледѣлія, т. е. обращеніе болотъ и лѣсовъ въ луга, пашни и огороды, и введеніе новыхъ сортовъ растеній; 3) купля и подвозъ хлѣба и вообще, торговля имъ, и 4) «самое дѣйствительное и самое важное»—запасы, сперва частные, домашніе, «но впослѣдствіи мало-по-малу запасы становились общественнымъ дѣломъ. Такими они дѣлались въ амбарахъ торгующаго класса, который разсчитывалъ на общественную нужду и на общественную потребность. Такими были запасы въ большихъ хозяйствахъ — въ

житницахъ монастырей, богатыхъ общинъ, напримѣръ, городовъ и, наконецъ, царскіе» (тамъ же, стр. 486—488). Въ этомъ послѣднемъ указаніи на запасы общинъ какъ будто бы является намекъ на существованіе общественныхъ магазиновъ, подобныхъ установленнымъ впослѣдствіи. Но въ этомъ позволительно сомнѣваться въ виду того, что во всемъ трудѣ В. Н. Лешкова, при подробномъ указаніи по каждому извѣстному всенародному голоду тѣхъ мѣръ, какія были приняты для прекращенія его, не упоминается ни разу о житницахъ общинъ или городовъ. Что же касается монастырскихъ и царскихъ житницъ, то онѣ не имѣли характера общественныхъ и были частными, что нисколько не служило препятствіемъ къ тому, чтобы отворить ихъ для народа во время голода при Борисѣ Годуновѣ и, затѣмъ, при Василіи Шуйскомъ, при чемъ онѣ могли получать большое общественное значеніе, но оставались всетаки частнымъ дѣломъ, а не общественнымъ, какъ говоритъ В. Н. Лешковъ. Другой историкъ этого вопроса (Н. Варадиновъ. Исторія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ) не только не отмѣчаетъ какой-либо системы мѣръ по обезпеченію народнаго продовольствія въ до-петровской Руси, но прямо говоритъ, что «до Петра I правительство не принимало никакихъ постоянныхъ и общихъ мѣръ по этому предмету; напротивъ, продовольствіе было предоставлено на волю случая». Указывая отдѣльные случаи правительственныхъ распоряженій во время голода, Н. Варадиновъ отмѣчаетъ, что «иногда выдавалась жителямъ, нуждавшимся въ продовольствіи, ссуда изъ *государевыхъ* запасовъ», но при этомъ ни слова не говорится о какихъ-либо общественныхъ или государственныхъ запасахъ, хотя для того времени государственное и государево врядъ ли представляло точно разграниченныя понятія.

Впрочемъ, у В. Н. Лешкова есть указаніе, подтверждаемое полнымъ собраніемъ законовъ, что при Алексѣѣ Михайловичѣ первый разъ государство остановилось на мысли о необходимости общегосударственныхъ мѣръ, дѣлающихъ хлѣбъ доступнымъ народу, но и здѣсь имѣются въ виду эти мѣры не какъ постоянныя и предупредительныя, а лишь при наступленіи уже голода. Такъ, въ 1660 г., по случаю возвышенія цѣнъ, было велѣно везти хлѣбъ на продажу, подъ опасеніемъ отобранія его безденежно (П. С. З., № 287). Затѣмъ, въ указѣ 8 апрѣля 1662 года повелѣвается, «чтобы въ неурожайное время митрополиты, и власти, и дворяне, и всякихъ чиновъ люди вывозили на рынки свои хлѣбные запасы; б) чтобы мѣстныя начальства собирали казною, (т. е. на счетъ казны) хлѣбъ въ житницы, продавали его по указанной цѣнѣ, по разсмотрѣнію, т. е. истинно

бѣднымъ; в) кому и затѣмъ купить хлѣба нечѣмъ—тѣмъ, чтобы давали въ долгъ съ поруками» (В. Лешковъ, стр. 490—491). Здѣсь уже видна, такимъ образомъ, мысль о необходимости во время голода обезпечить населеніе продовольствіемъ, между прочимъ, путемъ образованія запасовъ на счетъ казны и раздачи ихъ даже въ долгъ; изъ этого указа видно, что государство признаетъ заботу объ обезпеченіи народнаго продовольствія своей задачей и притомъ настолько, что не останавливается передъ сопряженными для того издержками для казны. Но въ то же время здѣсь нѣтъ и мысли о какихъ-либо мѣрахъ, *предупреждающихъ* неурожай или его послѣдствія. Всѣ мѣры относятся лишь къ тому моменту, когда неурожай уже наступилъ.

II.

Идея какъ о заблаговременномъ принятіи мѣръ обезпеченія народнаго продовольствія на случай неурожая, такъ и объ основномъ характерѣ этихъ мѣръ впервые была выражена Петромъ I и легла въ основу всего позднѣйшаго законодательства по продовольствію, такъ что моментомъ первоначальнаго образованія дѣйствующаго законодательства по этой части надо считать указъ, данный Сенату 20 января 1724 г. и писанный рукою самого Петра. Указомъ этимъ повелѣно: «учинить экономіи генеральнаго, котораго должность первая надъ хлѣбомъ, *чтобы вездѣ запасный былъ, дабы въ неурожайные годы народъ голоду не терпѣлъ*; сію должность взять изъ иностранныхъ уставовъ, и къ тому свое прибавить и предложить». (П. С. З., № 4420).

Но мысль Петра I не получила своего осуществленія при немъ и долго спустя послѣ него. Однако, идея о необходимости мѣръ *предупреждающихъ* неурожай и его послѣдствія, залегла въ сознаніи правительства и выражалась въ послѣдующихъ указахъ. Такъ, въ указѣ Анны Іоанновны 1734 года, апрѣля 25, императрица, «имѣя попеченіе не токмо о томъ, дабы крестьяне въ такомъ случаѣ [1]) пропитаны были, *но паче, сохраняя благополучіе и цѣлость государства своего*, повелѣла публиковать указами, чтобы помѣщики, управители и экономы крестьянъ и людей своихъ кормили, по міру ходить не допускали и *сѣменами снабдѣвали*, дабы земля праздна не лежала» (П. С. З., № 6569). Впослѣдствіи указъ этотъ неоднократно подтверждался, что указываетъ на безплодность этихъ указовъ. Но въ томъ же 1734 г., въ указѣ отъ 31 іюля (№ 6609), Анна Іоанновна пове-

[1]) Т. е. въ случаѣ голода.

лѣла сенату «сыскивать способъ, какъ отвратить недостатокъ во всѣхъ мѣстахъ отъ хлѣбнаго недорода». По этому поводу кабинетъ министровъ предложилъ «учинить нынѣ два запасные магазины въ Смоленскѣ и на Гжатской пристани», и если цѣна хлѣба будетъ не высокая, то купить его до 100,000 четвертей и хранить въ магазинѣ, а когда нужды не будетъ, то раздавать на полки. Мѣста для этихъ магазиновъ опредѣлялись тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ Смоленской губерніи, какъ смежной съ Польшей, въ случаѣ голода населеніе убѣгало въ Польшу, что и имѣлось въ виду предотвратить учрежденіемъ магазиновъ на случай неурожая. Относительно же учрежденія магазиновъ въ другихъ мѣстахъ кабинетъ министровъ обѣщалъ собрать свѣдѣнія и донести, что и было «апробовано». Это были, такимъ образомъ, первые магазины, устроенные не для продовольствія войскъ, а народа. Затѣмъ мысль объ устройствѣ такихъ магазиновъ въ болѣе широкомъ размѣрѣ возникаетъ при Елизаветѣ. Въ 1743 году, 24 марта, дѣйствительный тайный совѣтникъ генералъ-прокуроръ и кавалеръ кн. Никита Юрьевичъ Трубецкой внесъ въ сенатъ предложеніе «запасные магазины содержать въ такомъ числѣ, какъ отъ Его Величества (Петра I) положено, дабы тѣмъ не токмо такихъ возвышаемыхъ отъ подрядчиковъ цѣнъ миновать, но имѣя закупленный въ удобное время хлѣбъ въ магазинахъ готовый, въ случаѣ гдѣ либо недорода раздавать, а когда въ ономъ нужды состоять не будетъ—и въ заморскій отпускъ отпускать».

Дѣло народнаго продовольствія продолжало, однако, оставаться въ прежнемъ необезпеченномъ состояніи, и лишь наступавшіе тамъ или тутъ голода вызывали повторенія указовъ, обязывающихъ помѣщиковъ выдавать крестьянамъ хлѣбъ на посѣвъ (1750 г. № 9709, 1754 г. № 10299 и др.).

Въ 1754 г. мы опять встрѣчаемся съ проектомъ обезпеченія народнаго продовольствія на самыхъ широкихъ началахъ. Сенаторъ генералъ-фельдмаршалъ и кавалеръ гр. Петръ Ивановичъ Шуваловъ представилъ сенату подробный «прожектъ» объ устройствѣ провіантскаго управленія въ Россіи. Проектъ этотъ раздѣляется на нѣсколько частей. Согласно первой части, «для удовольствія полковъ и *общенародной пользы* нужда совершенная требуетъ порядочное основаніе учинить въ учрежденіи тройныхъ магазейновъ: первые—для удовольствія полковъ, другіе, капитальные—для балансу въ цѣнѣ на хлѣбъ внутри государства, третьи — при портахъ, дабы всегда при случаѣ всякой надобности, а наипаче, (отъ чего Боже сохрани), ежели въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недородъ послѣдуетъ, чтобы имѣть надежный рес-

сурсъ отъ запасныхъ магазейновъ и содержать цѣну хлѣба въ равновѣсіи по состоянію времени, ибо безсумнительно всякому какое изобиліе благословеніемъ Божіимъ во многихъ мѣстахъ Россійскаго государства родится хлѣбъ и *какою дешевою цѣною по множеству онаго бѣдные земледѣльцы принуждены продавать на платежъ государственныхъ податей*, такъ что на послѣдокъ едва сами нужное пропитаніе имѣютъ, когда жъ посѣщеніемъ Божіимъ, хотя въ одинъ годъ случится недородъ, то, не имѣя запаснаго хлѣба, несносную нужду претерпѣвать должны». Во второй части онъ предлагаетъ назначить особыхъ коммиссаровъ для распоряженія по устройству, содержанію и другимъ хозяйственнымъ операціямъ относительно запасныхъ магазиновъ. Въ третьей части излагаются правила, которыми должны руководствоваться коммиссары въ своей дѣятельности. Въ четвертой части предлагается учрежденіе конторы для государственной экономіи, задача которой должна состоять не только въ заботахъ объ увеличеніи государственныхъ доходовъ, но и о народномъ благосостояніи. Съ этой цѣлью всѣ могли представлять въ контору свои проекты о полезныхъ нововведеніяхъ въ государствѣ, и контора должна была докладывать ихъ сенату съ своимъ мнѣніемъ о награжденіи авторовъ проекта.

Въ заключеніе проекта, Шуваловъ говоритъ: «сверхъ всего вышесказаннаго, великій способъ отъ учрежденія магазиновъ быть можетъ въ томъ, ежели гдѣ (отъ чего Боже сохрани) сдѣлается недородъ хлѣба, то изъ оныхъ безъ нужды продовольствовать людей возможно съ возвратомъ въ оные впредь отъ тѣхъ людей, кому роздано будетъ, какъ довольный родъ хлѣба будетъ». По выслушаніи этого проекта 1 февраля 1755 года сенатъ, «имѣя довольное разсужденіе» о немъ, постановилъ передать разсмотрѣніе различныхъ его частей различнымъ коммиссіямъ, что дало поводъ къ большой канцелярской перепискѣ и только. Впрочемъ, можно думать, что отголоскомъ этого проекта былъ указъ 24 августа 1760 г. (№ 11093), коимъ предписывается ежегодное доставленіе изъ каждой губерніи свѣдѣній объ урожаѣ и цѣнахъ, хотя подобное распоряженіе было сдѣлано еще при Петрѣ I. Любопытно и характерно, что въ только что упомянутомъ указѣ 1760 года о доставленіи свѣдѣній прибавляется слѣдующее: «Токмо для того освѣдомленія, по селамъ и деревнямъ нарочныхъ не посылать, дабы чрезъ тѣ посылки поселянамъ, не точію малѣйшаго убытка, но и безпокойства и помѣшанія въ ихъ трудахъ неучинить, а освѣдомляться присутствующимъ самимъ приватно съ тамошними жителями, не ѣздя жъ въ уѣзды и не требуя о томъ никакихъ пись-

менныхъ извѣстій». Выраженная этой послѣдней прибавкой забота не учинить населенію «никакого безпокойства», невольно вызываетъ сопоставленіе съ заботами правительства объ обезпеченіи народнаго продовольствія.

III.

Въ слѣдующемъ году правительство подъ вліяніемъ цѣлаго ряда годовъ, обнаруживавшихъ безуспѣшность прежнихъ указовъ, рѣшило, повидимому, вступить на путь болѣе серьезныхъ мѣръ къ обезпеченію народнаго продовольствія, что и выразилось въ указѣ 1761 года февраля 14 (№ 11203). Въ указѣ этомъ говорится, что въ 1723, 1734, 1749 и 1754 годахъ хлѣбъ былъ дорогъ, скотина продавалась и поля оставались безъ посѣва. Крестьяне, «впавшіе въ убожество», лишили доходовъ помѣщиковъ, появились и «въ казну недоборы». А потому, «пока до лучшихъ учрежденій»—сенатъ приказалъ, по хорошему въ томъ году урожаю хлѣба, чтобы владѣльцы (помѣщики, дворцовыя, синодальныя, архіерейскія и монастырскія вотчины) «содержали въ цѣлости» не менѣе, какъ на годъ хлѣбъ на прокормъ крестьянъ и на сѣмена, «ибо впредь у постороннихъ описывать и раздавать хлѣбъ не будутъ, а принуждены будутъ нерадивые помѣщики по тогдашнимъ дорогимъ цѣнамъ хлѣбъ покупать и неимущихъ крестьянъ довольствовать». Здѣсь, такимъ образомъ, впервые опредѣляется годовой запасъ на продовольствіе и обсѣмененіе. Имѣлъ ли этотъ указъ какіе либо результаты, отличные отъ предыдущихъ, не видно. Но въ 1762 году Екатерина II собственноручно написаннымъ указомъ 20 августа (№ 11649) приказала: «хлѣбные магазины завести во всѣхъ городахъ, дабы всегда цѣна хлѣба въ моихъ рукахъ была», а 25 октября того же года предписано по упомянутому «имянному Ея Императорскаго Величества собственноручному указу немедленно исполненіе сдѣлать». 14 ноября того же года по выслушаніи записки «о государственныхъ въ Россіи магазинахъ», Екатерина II указать соизволила: «что касается до государственныхъ запасныхъ магазиновъ, то выбрать двухъ надежныхъ персонъ, которымъ сдѣлать о томъ планъ, въ которыхъ мѣстахъ и какъ великимъ онымъ быть и какая сумма денегъ на то заготовленіе хлѣба потребна, и подать со мнѣніемъ въ сенатъ». 12 декабря 1762 г. сенатъ представилъ «двухъ надежныхъ персонъ»—генералъ-поручика Веймарна и генералъ-маіора Никиту Бекетова, которые тогда же и были Высочайше опредѣлены къ разсмотрѣнію вопроса объ учрежденіи запас-

ныхъ государственныхъ магазиновъ. Изъ этихъ-то лицъ и составилась «коммиссія 1763 года объ учрежденіи государственныхъ магазиновъ въ Россіи». Чѣмъ руководствовался сенатъ при выборѣ означенныхъ лицъ—неизвѣстно, но 9 января 1763 года лица эти вошли въ сенатъ съ «всепокорнѣйшимъ рапортомъ», въ которомъ объясняли, что для добросовѣстнаго выполненія Высочайшаго порученія необходимо основательное знакомство съ внутреннимъ состояніемъ всего государства, «мы же, какъ одинъ, такъ и другой, будучи всегда и во все время продолженія нашей службы при арміи и воинскихъ Ея Императорскаго Величества командировкахъ и отсутствіемъ отъ внутреннихъ государства провинцій отдаленныхъ мѣстахъ, *не малѣйшаго повода такого себѣ обширнаго знанія получить случая не имѣли*, безъ коего однако къ исполненію приступить въ состояніи не находимся». Въ дальнѣйшемъ изложеніи они просятъ доставить имъ изъ архива сената довольно подробныя свѣдѣнія о населеніи, посѣвахъ и т. п. Изложивъ программу нужныхъ имъ свѣдѣній, авторы ея добавляютъ: «Но егда, какъ не безъ уповательно, всѣ выше сего упомянутыя объясненія отъ Высокоправительствующаго сената за неимѣніемъ о томъ извѣстія получить возможности не будетъ, и егда не меньше сумнѣнія остается, что требуемыя о вышеупомянутыхъ обстоятельствахъ отъ губерніевъ, воеводствъ и прочихъ мѣстъ извѣстія и вѣдомости не столь аккуратны, ясны, подробны и довольны быть могутъ, чтобы на оныя безсумнѣнно полагатися и такого важнаго дѣла основать можно было; ибо не безъизвѣстно, что умалчивая многихъ воеводствъ и земскихъ управителей въ такихъ дѣлахъ незнаніе и безъискусство, въ Россіи такихъ записокъ, особливо о урожаѣ, въ обыкновеніи не состоитъ»; то кратчайшимъ и лучшимъ и успѣшнѣйшимъ способомъ полученія необходимыхъ свѣдѣній является личный объѣздъ по всему государству какъ авторовъ рапорта [2]), такъ и назначенныхъ ими лицъ. Вслѣдствіе этого рапорта предписано было «для избѣжанія продолженія времени, представить всенижайшее мнѣніе».

Во исполненіе этого, 7 мая 1763 г. коммиссія представила въ сенатъ «по Ея Именному Величества всевысочайшему изустному повелѣнію вкратцѣ представленное содержаніе проектовъ о заведеніи государственныхъ магазиновъ съ уменьшительнымъ и весьма умѣрен-

---

2) Итакъ, въ 1763 г., повидимому, въ первый разъ сознательно выражено мнѣніе о превосходствѣ собиранія статистическихъ свѣдѣній на мѣстахъ передъ канцелярскимъ способомъ.

нымъ исчисленіемъ смѣтою, во что такое предпріятіе обойтиться могло, не меньше-жъ и сокращенное уваженіе главнѣйшихъ въ семъ дѣлѣ находящихся неудобствъ и безполезностей со всенижайшимъ мнѣніемъ какимъ-то образомъ чрезъ то желаемое намѣреніе скорѣе безъ большихъ трудностей, отягощенія и казенному иждивенію наводимыхъ издержекъ достигнуто и въ дѣло произведено быть могло». Всенижайшее мнѣніе это распадается на двѣ части; первая заключаетъ въ себѣ разборъ проектовъ Трубецкого и Шувалова, а вторая—собственное мнѣніе членовъ коммиссіи о средствахъ обезпеченія народнаго продовольствія. Въ первой части, коммиссія утверждаетъ, что по умѣреннымъ смѣтамъ — проектируемое Шуваловымъ предпріятіе должно стоить 126.056,720 р. Но, помимо этой стоимости предпріятіе это: А) *напрасно*, такъ какъ а) большая часть Россіи отличается естественнымъ плодородіемъ, если же когда и бываетъ неурожай, то отъ небрежности крестьянъ при уборкѣ и умолотѣ хлѣба; б) хотя и есть такія мѣста, гдѣ по негодности земли хлѣбъ не родится, но тамъ обыватели занимаются промыслами или разведеніемъ льна или конопли. «Промыселъ Божій такихъ естественныхъ въ одномъ разсужденіи недостатковъ всемѣрно для пользы общества учредилъ, дабы люди другъ другу услужить и въ союзномъ обществѣ остаться принуждены были». Если же вездѣ завести казенные магазины, то тогда въ нехлѣбородныхъ мѣстахъ не станутъ заниматься промыслами, а въ хлѣбородныхъ появится недостатокъ въ издѣліяхъ этихъ промысловъ «и тѣмъ не иное бъ что послѣдовало, какъ разрушеніе натуральнаго равновѣсія». Б) *безполезно*, такъ какъ неурожаи, хотя и бываютъ, но рѣдко, и во время ихъ лучшимъ средствомъ служитъ подвозъ хлѣба изъ мѣстностей, гдѣ онъ родился хорошо. Отъ уравниванія же цѣны хлѣба искусственными мѣрами могли бы «въ прилежаніи народскомъ безполезныя слѣдства возрастися». В) *Невозможно*, ибо не всегда можно достать необходимое количество хлѣба для пополненія магазиновъ. Г) *Вредно*. *Въ отношеніи къ торговлѣ*. *«Въ разсужденіи прилежанія и трудолюбія народскаго»*, чрезъ что падетъ земледѣліе. Кромѣ того, залеживаясь въ магазинахъ, хлѣбъ портился бы, становился негоднымъ для проростанія, чрезъ что явилось негодованіе народа на правительство, а также и другія вредныя послѣдствія «какъ можно судить по фактамъ Римской исторіи, а всему тому по большей части единственно заведеніе и содержаніе въ городахъ готовыхъ запасовъ причиною состоять могло». Наконецъ вредно и «*по отношенію къ благосостоянію всего общества*», такъ какъ вслѣдствіе паденія торговли и земледѣлія общество дошло бы до такого состоянія, что

едва бы можно было правильно получать казенныя подати. Для достиженія же цѣли коммиссія совѣтуетъ завести не только во всѣхъ городахъ, но и въ деревняхъ запасы хлѣба.

Средствами противъ дороговизны хлѣба, по мнѣнію коммиссіи, служитъ свободная торговля хлѣбомъ, отсутствіе нарушенія натуральнаго равновѣсія и отсутствіе монополіи, а затѣмъ предполагаются и нѣкоторыя мѣры по устройству путей сообщенія, пристаней, учрежденія фабрикъ внѣ большихъ городовъ и т. п. Какого либо постановленія, вытекающаго непосредственно изъ этого проекта, не послѣдовало.

IV.

Но, повидимому независимо отъ этого проекта, а можетъ быть и подъ вліяніемъ его, Екатерина именнымъ указомъ 10 марта 1765 г. (№ 12351) требуетъ, чтобы коллегія экономіи «для непредвидѣннаго случая имѣла въ готовности хлѣбный капиталъ, достаточный для снабженія тѣмъ въ нуждѣ своихъ поселянъ». Далѣе, въ указѣ констатитируется съ удовольствіемъ, что нѣкоторые дворяне каждый годъ запасаютъ хлѣба, сколько нужно на сѣмена, а въ случаѣ нужды и на продовольствіе, и если то завела коллегія, «то намъ сіе пріятно; если же того понынѣ въ употребленіи не было, то повелѣваемъ отнынѣ стараться въ каждой деревнѣ завести такіе магазины, въ коихъ бы всегда на цѣлый годъ запаснаго хлѣба хранилось, перемѣняя оный каждый годъ новою жатвою, дабы тѣмъ, *въ случаѣ совершенной нужды*, крестьянъ прокормить и до конечнаго раззоренія не допустить можно было». Объ успѣхахъ по заведенію сихъ магазиновъ велѣно рапортовать каждые полгода, а также дать знать, какія коллегія сдѣлаетъ распоряженія, «дабы лѣнивые, и объ удобреніи земель своихъ, въ надеждѣ сихъ магазиновъ, нерадивые крестьяне, сіе Наше объ нихъ материнское попеченіе во зло употреблять не могли». Судя по этимъ заключительнымъ словамъ указа, которыя какъ бы взяты изъ приведенныхъ выше разсужденій Веймарна и Бекетова, указъ этотъ изданъ прямо подъ вліяніемъ ихъ проекта. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ указъ, какъ видно, является первымъ по времени закономъ, въ которомъ идея о хлѣбныхъ запасахъ въ селеніяхъ получила наиболѣе опредѣленное и конкретное выраженіе прямо въ формѣ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ и гдѣ въ то же время предписаніемъ рапортовать объ успѣхѣ устройства ихъ каждые полгода какъ бы гарантируется до нѣкоторой степени, что устройство магазиновъ не останется лишь на бумагѣ.

Въ 1766 г., 2 февраля (№ 12562), дается той же коллегіи именной указъ о выдачѣ крестьянамъ изъ магазиновъ хлѣба, на посѣвъ и на прокормленіе заимообразно.

Въ 1767 г., 26 ноября, былъ изданъ указъ о заведеніи хлѣбныхъ магазиновъ во всѣхъ казенныхъ и помѣщичьихъ имѣніяхъ (№ 13017). Въ указахъ этихъ образованіе запасовъ хлѣба предписывается не самимъ крестьянамъ, а владѣльцамъ и управляющимъ казенными вотчинами, которые вмѣстѣ съ тѣмъ должны смотрѣть, «чтобы крестьяне, положась на такіе запасные хлѣбные магазины, не ослабѣли въ раченіи своемъ о хлѣбопашествѣ». Эти указы имѣли уже дѣйствительную силу, такъ какъ въ это время нѣкоторые помѣщики стали заводить хлѣбные магазины и даже проектировать у себя въ имѣніяхъ общественныя запашки, какъ то видно изъ данныхъ, приводимыхъ у В. И. Семевскаго и отчасти изъ вышеприведеннаго указа 1765 года. Но это были лишь единичные случаи, далеко не имѣвшіе какого либо общаго значенія. Указъ 1771 г., апрѣля 4 (№ 13590), констатируетъ, что при неурожаяхъ крестьяне не терпѣли отъ недорода лишь тамъ, гдѣ были казенные магазины, въ прочихъ же мѣстахъ «въ пропитаніи своемъ претерпѣвали великій недостатокъ», и такъ какъ отъ этого «могутъ произойти для крестьянъ весьма бѣдственныя послѣдствія, то въ отвращеніе оныхъ, какъ и въ исполненіе указа 1767 г. ноября 26, необходимо надобно въ *каждомъ экономическомъ селеніи имѣть крестьянамъ* запасный магазинъ, который и наполнять *имъ же самимъ по мѣрѣ бываемаго каждогодно урожая*». Крестьянъ «слѣдуетъ вразумить, что тѣ запасные магазины и собираемый отъ нихъ хлѣбъ не для казенной надобности и употребленія учреждаются, но единственно для собственной ихъ пользы и спасенія *въ случаѣ голода и недорода*». Здѣсь, такимъ образомъ, впервые правительство возлагаетъ заботу о наполненіи хлѣбныхъ магазиновъ на самихъ крестьянъ, вмѣняетъ это имъ въ обязанность.

Такимъ образомъ, выраженная Петромъ I мысль, чтобы вездѣ *запасный* хлѣбъ былъ, постепенно развиваясь, получила, наконецъ, ту форму, въ которой она, видоизмѣняясь отъ времени до времени, пребываетъ и до сихъ поръ, но прежде, чѣмъ дойти до этой формы, она прошла нѣсколько стадій развитія. Сперва было предписано помѣщикамъ имѣть годовой запасъ хлѣба, затѣмъ Веймарнъ и Бекетовъ проектируютъ устройство магазиновъ въ каждомъ селеніи и городѣ; послѣ того Екатерина II предписываетъ властямъ озаботиться устройствомъ магазиновъ, и наконецъ уже, послѣ безуспѣшности такихъ предписаній властямъ, забота объ этомъ возлагается на самихъ кре-

стьянъ. Слѣдовательно, нужно было болѣе 40 лѣтъ (считая съ указа Петра I 1724 г. до указа Екатерины II 1765 г.), чтобы, соотвѣтственно важности и серьезности задачи обезпеченія народнаго продовольствія, законодательство дало идеѣ о запасахъ опредѣленное выраженіе и конкретную форму въ видѣ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ по селеніямъ. Рядомъ съ этимъ въ отмѣченныхъ выше проектахъ опредѣленно и ясно выражается мысль о болѣе широкомъ обезпеченіи народнаго продовольствія не только на случай неурожая и голода, но и въ обычное время обычной крестьянской нужды. Но эта послѣдняя идея не получаетъ своего развитія въ законодательствѣ, хотя, какъ увидимъ далѣе, не умираетъ и, отъ времени до времени,—тѣмъ или инымъ путемъ проникаетъ въ правительственныя сферы, оставаясь, однако, все время безъ малѣйшихъ попытокъ къ ея осуществленію.

Мы сдѣлали здѣсь краткое резюме предшествующаго обозрѣнія на томъ основаніи, что время съ 1765—1771 гг. нужно считать началомъ учрежденія, хотя въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, запасныхъ магазиновъ въ дѣйствительности, и слѣдовательно, съ этого времени начинается какъ бы новый періодъ въ исторіи законодательства по обезпеченію народнаго продовольствія, когда уже приходится имѣть дѣло не съ пожеланіями лишь и предписаніями, а съ дѣйствительнымъ осуществленіемъ, хотя и въ извѣстныхъ предѣлахъ, этихъ пожеланій и предписаній. Основаніемъ къ заключенію, что съ этого времени начинаютъ появляться запасные магазины, служитъ, между прочимъ, то обстоятельство, что ни въ одномъ изъ источниковъ, которыми мы пользовались, не исключая и полнаго собранія законовъ, не встрѣчается вплоть до 1798 года какихъ либо указовъ относительно учрежденія хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ, а между тѣмъ въ указѣ 18 марта 1798 года (№ 18448) говорится о магазинахъ, какъ уже существующихъ.

V.

Почти къ этому же времени, а именно къ 1797 году, относится образованіе запасныхъ магазиновъ въ удѣльныхъ имѣніяхъ. Затѣмъ 14 февраля 1799 г. Высочайше утвержденъ докладъ сената «о содержаніи въ сельскихъ запасныхъ магазинахъ по числу душъ одного только двухъ-годоваго запаса хлѣба, о наполненіи онымъ городскихъ магазиновъ, объ бытіи тѣмъ магазинамъ подъ вѣдѣніемъ губернаторовъ и о порядкѣ выдачи поселянамъ заимообразно хлѣба» (№ 18856). Сенатъ признаетъ полезнымъ имѣть по числу душъ двухъ-годовой запасъ хлѣба и когда онъ будетъ налицо, раздавать его, имѣющимъ

въ немъ надобность, *но не болѣе половины, такъ чтобы оставалась всегда годовая пропорція въ наличности на случай нужды.*

Въ этомъ послѣднемъ предписаніи заключается основное положеніе дальнѣйшаго законодательства по народному продовольствію, а именно, раздѣленіе запасовъ на двѣ половины, изъ коихъ одна остается на случай нужды, а другая выдается «имѣющимъ въ нихъ надобность». Здѣсь въ неясной формѣ какъ бы выражается мысль о двоякой роли продовольственныхъ запасовъ: одна половина ихъ представляетъ запасъ на случай крайней и всеобщей нужды; другая на случай частичной нужды — нѣкоторыхъ. Впослѣдствіи, какъ увидимъ, мысль эта выражается яснѣе и изъ нея же, надо полагать, вытекло съ теченіемъ времени образованіе мѣстныхъ и губернскихъ продовольственныхъ капиталовъ. Съ этого момента вообще заботы объ обезпеченіи народнаго продовольствія принимаютъ болѣе серьезный характеръ и представляютъ собою послѣдовательное развитіе одного основнаго начала. 29 ноября того же года (№ 19203) Высочайше утвержденъ докладъ сената, основанный на разсмотрѣніи проекта г.-л. Обольянинова объ устройствѣ запасныхъ магазиновъ. Согласно этому докладу велѣно завести магазины «въ селеніяхъ всякаго званія», такъ чтобы на ревизскую душу было засыпано не менѣе 3 четвертей ржи и 3 четвериковъ яроваго овса или ячменя. Этотъ указъ и слѣдуетъ считать положившимъ начало повсемѣстному введенію магазиновъ, такъ какъ здѣсь впервые говорится, что они должны быть заведены «въ селеніяхъ всякаго званія», и опредѣляется точный размѣръ запаса и порядокъ его составленія. Указъ этотъ какъ бы сводитъ въ одно цѣлое всѣ бывшіе до того указы, касавшіеся отдѣльныхъ разрядовъ крестьянъ, и представляетъ собою какъ бы первое систематическое положеніе о народномъ продовольствіи. Во всякомъ случаѣ, съ момента изданія этого указа можно считать дѣло обезпеченія народнаго продовольствія на случай неурожая поставленнымъ окончательно на ту почву, съ которой оно не сходитъ и до сихъ поръ, а самыя постановленія этого указа дѣйствовавшими съ небольшими измѣненіями до 1822 года.

Съ этого момента, т. е. съ изданія положенія 1799 года, устройство сельскихъ магазиновъ пошло быстрѣе, если судить по тому, что въ 1804 г., по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ *сельскихъ* запасныхъ магазинахъ числилось 9,314,617 четвертей хлѣба. При этомъ надо думать, что число магазиновъ постепенно возрастало, такъ какъ показанное количество четвертей, измѣняясь изъ года въ годъ, то уменьшаясь, то увеличиваясь, возросло

къ 1807 г. до 12 милл. четвертей слишкомъ. Въ этомъ году, однако, въ указѣ 27 августа (№ 22321) говорится, что магазины существуютъ не вездѣ, въ нихъ находится не тотъ запасъ хлѣба, какой долженъ быть, и раздача производится несогласно съ правилами. Тѣмъ не менѣе, число магазиновъ продолжало расти и въ 1810 году считалось сельскихъ магазиновъ 64,135, имѣвшихъ до 15 милл. чет. хлѣба; кромѣ того 1,804 удѣльныхъ магазина, имѣвшихъ болѣе полумиліона четвертей хлѣба.

Нашествіе непріятеля въ 1812 г. не прошло безслѣдно не только для положенія продовольственныхъ запасовъ, но и для самого законодательства по этому предмету. Не говоря уже о разореніи многихъ запасовъ непріятелемъ, въ Московской губерніи, напримѣръ, само мѣстное начальство раздало весь хлѣбъ, оставшійся въ сельскихъ магазинахъ. Кромѣ того, здѣсь чуть ли не впервые при существующей уже организаціи запасныхъ магазиновъ правительство вступило на путь выдачи денежныхъ ссудъ для продовольствія, хотя это и относилось къ мѣстностямъ, разореннымъ войною.

VI.

Послѣ войны 1812 г. пополненіе магазиновъ шло неуспѣшно, ибо многія мѣстности едва начали оправляться. Это положеніе дѣла, являвшееся результатомъ исключительныхъ обстоятельствъ, заставило, однако, правительство взглянуть на организацію продовольственной части совершенно несогласно съ прежнимъ воззрѣніемъ на нее. Въ 1816 г. были истребованы мнѣнія дворянства и губернаторовъ о томъ, какъ лучше устроить дѣло. Получены отзывы изъ 38 губерній.

Губернаторы писали: «постановленіе 1799 г. объ устройствѣ сельскихъ запасныхъ магазиновъ и послѣдовавшія затѣмъ дополнительныя распоряженія и предписанія по нѣкоторымъ губерніямъ *не исполнялись*, потому что съ самаго учрежденія магазиновъ за ними не было *хозяйственнаго* надзора. Вслѣдствіе того помѣщики, считая запасный хлѣбъ крестьянъ своею собственностью, располагали имъ произвольно, и потому появились, подъ разными предлогами, недоборы или недоимки. Казенные крестьяне, считая повинность эту казенною податью, уклонялись отъ исполненія ея».

Дворянство же, признавая вообще существованіе магазиновъ необходимостію, предлагало по нѣкоторымъ губерніямъ, содержать въ магазинахъ прежнюю пропорцію, по другимъ — менѣе. По нѣкоторымъ изъ тѣхъ губерній, гдѣ уменьшалась пропорція запасовъ, предпола-

галось собирать деньги, въ количествѣ, соотвѣтственномъ цѣнности остальной части установленной пропорціи, или продать прежде внесенные запасы для составленія запасныхъ капиталовъ. Предполагалось отводить особые участки и весь собираемый съ нихъ хлѣбъ обращать въ магазины.

Министерство полиціи вывело изъ этихъ разнородныхъ мнѣній то заключеніе, что учрежденіе магазиновъ признается несомнѣнно дворянствомъ и начальниками 38 губерній, и на этомъ основаніи представило въ Государственный Совѣтъ проектъ положенія о продовольственныхъ комитетахъ при губернскихъ правленіяхъ.

Проектъ этотъ вызвалъ опять замѣчанія, вслѣдствіе чего отъ губернаторовъ были затребованы еще нѣкоторыя разъясненія. По полученіи ихъ отзывовъ, комитетъ министровъ нашелъ, что 19-лѣтній опытъ, съ 1799 г. (постановленіе объ учрежденіяхъ во всемъ государствѣ сельскихъ хлѣбныхъ запасныхъ магазинахъ), показалъ, что это учрежденіе магазиновъ соединено съ неудобствомъ и отягощеніемъ, а между тѣмъ по обширности Россіи и разнообразію въ ней климатовъ повсемѣстнаго неурожая быть не можетъ. Поэтому, если основательна отмѣна хлѣбнаго сбора, то нѣтъ надобности и въ постоянномъ денежномъ; кромѣ того, принявъ на себя заботу устройства общественныхъ магазиновъ, правительство должно бы было употребить сборъ нѣсколькихъ лѣтъ на постройку ихъ, поддержаніе и присмотръ, что повлечетъ еще большія неудобства, чѣмъ при хлѣбномъ сборѣ. Поэтому, комитетъ опредѣляетъ: хлѣбный сборъ навсегда отмѣнить, а обезпеченіе продовольствія крестьянъ вмѣнить въ обязанность помѣщикамъ, подъ опасеніемъ отобранія имѣнія въ опеку (по указу 21 февраля 1811 г.). На непредвидѣнныя случаи неурожая собрать съ крестьянъ по 25 к. съ души. «При этихъ распоряженіяхъ народное продовольствіе будетъ обезпечено прочнѣе, чѣмъ дотолѣ, а кромѣ того не будетъ нигдѣ накопляться огромныхъ запасовъ хлѣба, безъ всякой надобности, вопреки правиламъ государственнаго хозяйства, не будетъ извлекаемо изъ обращенія знатныхъ капиталовъ чрезъ установленіе постоянной на нѣсколько лѣтъ денежной подати» (Пол. ком. мин. 8 января 1819 г.»).

7 іюня 1821 года объявлено комитету министровъ, что государь откладывалъ подписаніе проекта указа комитета, ибо былъ предувѣренъ въ пользѣ существованія сельскихъ запасныхъ магазиновъ, а теперь, когда въ Черниговской и другихъ губерніяхъ открылся недостатокъ въ продовольствіи, увѣрился въ необходимости существованія магазиновъ, и потому повелѣваетъ распорядиться о немедлен-

номъ возстановленіи сельскихъ запасныхъ магазиновъ на прежнемъ или лучше устроенномъ основаніи, а потомъ заняться соображеніемъ, какъ устранить прежде встрѣчавшіяся неудобства и затрудненія по наполненію и содержанію магазиновъ.

VII.

Результатомъ этого указа явился законъ 1822 г. «объ учрежденіи въ каждой губерніи коммиссіи для продовольствія въ неурожайные годы жителей хлѣбомъ и денежнымъ пособіемъ» (именной указъ 14 апрѣля 1822 г., № 29000). Въ указѣ этомъ объясняется, что постановленія 1799 года не достигли предполагаемой цѣли, такъ какъ въ два послѣдніе неурожайные года оказалось, что магазинные запасы не устранили даже временно недостатокъ продовольствія, а потому теперь и выработаны, какъ «основанія для составленія внутреннихъ запасовъ», такъ и «мѣры пособія въ неурожайные годы». Такимъ образомъ, въ самомъ вступленіи къ этому закону различаются двоякаго рода мѣры, какъ бы для обычныхъ годовъ и для неурожайныхъ. Въ каждой губерніи образуются *или* хлѣбные запасы *или* денежные капиталы, что опредѣляется *мѣстными* коммиссіями, пріемля въ соображеніе: а) количество собственныхъ хлѣбныхъ произведеній губерніи, б) положеніе ея относительно путей сообщенія и хлѣбной торговли, в) способы промышленности и г) удобность содержать хлѣбные магазины.

Въ силу этого положенія и на основаніи рѣшенія мѣстныхъ коммиссій, хлѣбные запасы были введены въ 40 губерніяхъ, въ томъ числѣ въ Московской; денежные же—въ двѣнадцати, а именно: Владимірской, Волынской, Казанской, Новгородской, Оренбургской, Пензенской, Полтавской, Рязанской, Смоленской, Черниговской, Херсонской и Ярославской. Изъ этого перечня видно, что денежные капиталы образованы были въ губерніяхъ, стоящихъ въ самыхъ разнообразныхъ условіяхъ по отношенію даже къ тѣмъ руководящимъ основаніямъ, которыя были представлены правительствомъ для рѣшенія вопроса. Изъ мотивовъ рѣшенія видно, что главное вниманіе обращалось на то, хватаетъ или не хватаетъ обыкновенно своего хлѣба, но прилагалось оно тоже различно: гдѣ не хватаетъ своего хлѣба, тамъ находили образованіе хлѣбныхъ запасовъ затруднительнымъ, а потому установляли денежные, гдѣ обыкновенно хватаетъ своихъ запасовъ, тамъ нѣтъ надобности образовывать запасные магазины, такъ какъ въ случаѣ нужды въ хлѣбѣ можно купить его, а

потому опредѣлили образовать денежные капиталы. Тамъ, гдѣ установленъ хлѣбный сборъ, т. е. тоже по самымъ разнообразнымъ губерніямъ, основанія его установленія также весьма различны. Такъ, напримѣръ, въ нехлѣбородныхъ губерніяхъ, гдѣ, какъ это только что отмѣчено нами, въ однихъ мѣстахъ признали образованіе хлѣбныхъ запасовъ затруднительнымъ — въ другихъ именно по нехлѣбородности ихъ нашли нужнымъ устроить хлѣбные запасы, потому что не имѣя ихъ, въ случаѣ нужды, можно остаться безъ хлѣба.

Количество хлѣбныхъ запасовъ законъ опредѣляетъ вездѣ, гдѣ они будутъ приняты, одно: по двѣ четверти на ревизскую душу, составляя ихъ постепенными годовыми взносами по 4 гарнца на ревизскую душу.

Гдѣ установлены денежные сборы, тамъ «должно составлять сумму, потребную на покупку хлѣба, считая *по одной четверти* на ревизскую душу» и опредѣляя цѣну по пятилѣтней сложности по губерніи. Въ составъ этого капитала собирать ежегодно по 25 к. съ ревизской души, пока не составится опредѣленная для этой губерніи по только что приведенному разсчету сумма. Выдача ссуды помѣщичьимъ крестьянамъ обезпечивается или залогомъ имѣнія или, при не достаточности его, надежнымъ поручительствомъ. При несоблюденіи же этого правила и при несостоятельности помѣщика, обезпеченіе суммъ «обращается на тѣхъ, кто опредѣлилъ выдачу оныхъ». Но предусмотрительность въ обезпеченіи ссудъ, выдаваемыхъ помѣщичьимъ крестьянамъ, идетъ и далѣе, а именно: если правительство найдетъ необходимымъ выдать пособіе помѣщичьимъ крестьянамъ, а имѣніе помѣщика не обезпечиваетъ возврата ссуды и нѣтъ поручительства, то имѣніе, въ которомъ крестьянамъ выдано пособіе, берется въ опеку, а на остальныя налагается запрещеніе, соразмѣрное ссудѣ.

Только что изложенное положеніе заключаетъ въ себѣ много новаго, сравнительно съ прежнимъ: во первыхъ, оно вводитъ, помимо хлѣбныхъ запасовъ, денежные, не практиковавшіеся до тѣхъ поръ; во вторыхъ, что существенно не только для законодательства по продовольственному дѣлу, вмѣсто одной общей для всей Имперіи регламентаціи, оно признаетъ значеніе мѣстныхъ условій; въ зависимости отъ нихъ и по рѣшенію мѣстныхъ органовъ власти установляется та или иная система опезпеченія, по установленіи ея, если принята система хлѣбныхъ запасовъ — установляется родъ хлѣбовъ и родъ состава ихъ (зерномъ или мукою) въ зависимости отъ мѣстныхъ же условій и мѣстными же властями; если принята денежная система, то количество денежнаго капитала опредѣляется также по мѣстнымъ

цѣнамъ; наконецъ, выдача ссуды изъ денежныхъ капиталовъ—деньгами или зерномъ также опредѣляется по мѣстнымъ обстоятельствамъ и по данному случаю. Внесеніе этого новаго начала несомнѣнно нужно признать результатомъ того ознакомленія съ различіемъ мѣстныхъ условій и съ значеніемъ этихъ различій, какое получилось изъ свѣдѣній, доставленныхъ мѣстными жителями 38 губерній.

Введеніе этого положенія, однако, также не поставило дѣла обезпеченія народнаго продовольствія удовлетворительно. Нужно, однако, признать, что положеніе хлѣбныхъ запасовъ не могло быть удовлетворительнымъ уже потому, что вслѣдъ за истощеніемъ ихъ во время войны 1812 года, наступилъ затѣмъ съ 1816 по 1822 г. періодъ сильнаго колебанія по этому вопросу въ законодательныхъ сферахъ, — колебанія, соединеннаго къ тому же съ преобладаніемъ отрицательнаго отношенія къ хлѣбнымъ запасамъ; понятное дѣло, что это не могло не только не отразиться самымъ неблагопріятнымъ образомъ на пополненіи магазиновъ, но должно было даже повести къ уничтоженію ихъ тамъ, гдѣ они были. Въ виду одного уже этого, нельзя было ожидать быстраго увеличенія запасовъ по изданіи положенія 1822 г. Кромѣ того, послѣ этого года повторялись опять частые неурожаи. Такимъ образомъ, обстоятельства не благопріятствовали провѣркѣ значенія закона 1822 г. Тѣмъ не менѣе, положеніе 1822 г. требовало пересмотра, такъ какъ императоръ собственноручно написалъ: «Я убѣжденъ въ пользѣ бывшихъ сельскихъ магазиновъ. Желаю, чтобы комитетъ (министровъ) занялся вновь разсужденіемъ того, что побудило ихъ уничтожить, и не лучше ли ихъ возстановить, и на какомъ основаніи». Въ силу этого повелѣнія поручено было министру внутреннихъ дѣлъ Ланскому представить комитету мининистровъ всѣ нужныя свѣдѣнія. Ланской внесъ предложеніе, въ которомъ, между прочимъ, выясняетъ, что та и другая мѣра, т. е. какъ хлѣбные запасы, такъ и денежные капиталы, сами по себѣ взятые, заключаютъ въ себѣ неудобство. Надо и то, и другое. Развиваетъ онъ это положеніе слѣдующимъ образомъ:

«*Магазины* весьма полезны для *частныхъ* пособій, если одинъ или нѣсколько лишатся своей жатвы отъ засухи, града и т. п.; если нужно на посѣвъ, продовольствіе, то изъ магазина получатъ скоро и во время. Тутъ нѣтъ нужды въ тѣхъ формахъ и той потерѣ времени, которыя происходятъ при просьбѣ о денежномъ пособіи, при закупкѣ хлѣба. Но содержать магазины для того, чтобы посредствомъ ихъ обезпечить общее продовольствіе крестьянъ и засѣвы въ случаѣ общаго недостатка въ хлѣбѣ, есть дѣло неудобное: 1) Держать безъ

всякаго оборота по 2 ч. на душу, что равно 35 мил. ч.—не соотвѣтствуетъ правиламъ государственнаго хозяйства. 2) Едва ли это можетъ быть исполнено безъ обремененія поселянъ. 3) Надо хлѣбъ каждый годъ освѣжать — или требуя за него новый, или раздавая взаймы. Первое обременительно для крестьянъ и составляетъ вторую на нихъ подать; второе—если имъ не надо займа, если и свои трудно сбыть—по тѣмъ же причинамъ неудобно. Притомъ, если $^1/_2$ или $^2/_3$ его роздано, то при неурожаѣ остальнаго будетъ недостаточно, и надо за пособіемъ обращаться къ правительству. При отсутствіи наблюденія за содержаніемъ хлѣба въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, едва ли можно обезпечиться, чтобы и какая либо часть онаго находилась въ магазинахъ».

«*Денежные* капиталы выгодны въ томъ отношеніи, что имѣя ихъ, можно въ случаѣ нужды тотчасъ же распорядиться покупкою хлѣба, скорой доставкѣ котораго очень благопріятствуютъ водяныя сообщенія и извозы. Въ Бѣлоруссіи былъ примѣръ, что при неурожаѣ навезли хлѣба столько, что цѣна ему была обыкновенная, но затрудненіе состояло не въ томъ, что хлѣба нѣтъ, а въ томъ, что не за что было покупать. Вторая выгода отъ капиталовъ въ томъ, что храненіе его и разсчеты не затрудняютъ крестьянъ, что онъ приращается процентами и можетъ принести пользу не только при недостаткѣ въ продовольствіи, но и при другихъ нуждахъ».

«Неудобство же въ томъ, что крестьянину легче внести хлѣбъ натурою, нежели деньги. *Оттого и всѣ недоимки, что крестьянину некуда сбывать своихъ произведеній за порядочную цѣну*».

Поэтому, во избѣжаніе неудобствъ, онъ предлагаетъ устроить вездѣ хлѣбный сборъ, но въ меньшемъ размѣрѣ и кромѣ того—денежный.

Такимъ образомъ, Ланскому первому принадлежитъ весьма удачно и точно мотивированное опредѣленіе роли тѣхъ и другихъ запасовъ и указаніе на необходимость установленія двухъ особыхъ мѣръ для удовлетворенія частичной и болѣе общей нужды. Непосредственно изъ этого уже развилось потомъ образованіе мѣстныхъ—уѣздныхъ и губернскихъ продовольственныхъ средствъ. Но въ тотъ моментъ мысль эта не имѣла успѣха.

VIII.

Между тѣмъ, какъ уже отмѣчено выше, съ 1822 г. частые неурожаи препятствовали сбору хлѣба и денежныхъ капиталовъ въ должномъ количествѣ. Затѣмъ наступилъ неурожай 1833 г., когда правительство назначило на покупку хлѣба 29,768,212 р. 84$^1/_2$ к. ассиг. и

когда, согласно заключенію медицинскаго совѣта, было разослано ко всѣмъ начальникамъ губерніи наставленіе о приготовленіи хлѣба изъ винной барды, *изъ соломы* и другихъ веществъ. Размѣры этого неурожая снова обратили вниманіе правительства на правильную постановку обезпеченія народнаго продовольствія. Указъ сенату 5 іюля 1834 г. (№ 7253) прямо говоритъ: «опытъ *минувшаго* года» показалъ, что правила 1822 г. недостаточны. Образованъ особый комитетъ для пересмотра ихъ, который и издалъ новыя правила, дѣйствующія съ небольшими измѣненіями и до сихъ поръ. Основное отличіе ихъ отъ правилъ 1822 г. заключается въ установленіи *хлѣбныхъ* магазиновъ *во всѣхъ губерніяхъ* и *денежнаго* сбора для *всѣхъ* губерній, что, какъ указано, предлагалось Ланскимъ ранѣе. *Хлѣбный запасъ* долженъ составлять по одной четверти ржи или пшеницы и по получетверти овса или ячменя на ревизскую душу; для составленія его собирается ежегодно по получетверику ржи и по два гарнца яроваго хлѣба съ ревизской души, пока не составится опредѣленный запасъ въ 1 ч. озимаго и $^1/_2$ ч. яроваго на душу. *Денежный* капиталъ составляется въ размѣрѣ 1 р. 60 к. ассигн. съ ревизской души, для чего собирается ежегодно по 10 к. ассигн. съ души, и составляетъ общественную собственность губерніи. Въ городахъ собирается съ мѣщанъ по 15 к. съ души въ теченіе 20 лѣтъ, а существующіе городскіе магазины остаются на прежнемъ основаніи. Остальныя правила не представляютъ существенныхъ отступленій отъ правилъ 1822 г.

Ссуды по правиламъ 1834 г. могутъ быть двухъ родовъ: 1) частныя по распоряженію мѣстнаго начальства въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣкоторыя семейства или немногія селенія постигнуты неурожаемъ или потерпѣли отъ градобитія, пожара и т. п.; 2) общія—чрезвычайныя, выдаваемыя съ разрѣшенія высшаго правительства, въ случаѣ важнаго во всей губерніи или въ большей части оной неурожая и непомѣрнаго, вслѣдствіе того, возвышенія цѣнъ на хлѣбъ.

Частныя ссуды дѣлаются лишь хлѣбомъ изъ запасныхъ магазиновъ, для чего можетъ быть выдано не свыше четвертой части «всего находящагося налицо въ магазинѣ хлѣба», и то лишь для пособія на посѣвъ, и притомъ каждому нуждающемуся не болѣе того, что нужно на посѣвъ обыкновенно обрабатываемыхъ имъ полей. Ссуды изъ другой четверти находящагося на лицо въ магазинѣ хлѣба, и тоже только на посѣвъ, выдаются съ разрѣшенія коммиссіи.

Пособіе изъ денежнаго капитала дѣлается заимообразно деньгами или хлѣбомъ, смотря по удобности, и лишь съ разрѣшенія высшаго правительства.

Неурожай 1840 года опять вызвалъ сомнѣніе въ благотворности существовавшей системы обезпеченія народнаго продовольствія, что и было выражено во всеподданнѣйшемъ отчетѣ. Между тѣмъ урожай слѣдующаго года былъ хуже предыдущаго. Существовавшія узаконенія продолжали дополняться, и въ 1842 г. было издано спеціальное «положеніе о обезпеченіи продовольствія государственныхъ крестьянъ» (№ 15386), въ которомъ сказано: «мѣры обезпеченія основываются на *взаимномъ застрахованіи* государственными крестьянами своего продовольствія посредствомъ опредѣленныхъ ниже хлѣбныхъ и денежныхъ взносовъ для составленія хлѣбныхъ запасовъ» (ст. 3).

Но такъ какъ въ положеніи этомъ вездѣ рѣчь идетъ о *заимствованіи*, то очевидно, что оно основано не на идеѣ взаимнаго *страхованія*, а имѣетъ въ виду лишь взаимный *кредитъ*.

Несмотря на всѣ эти узаконенія, появлявшіяся отъ времени до времени, которыми правительство какъ бы думало установить разъ навсегда извѣстную мѣру обезпеченія и запасти хлѣба на всѣ будущіе случаи неурожая, запасы въ дѣйствительности на практикѣ собирались плохо. Въ 1842 году запасовъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ числилось налицо 5.630,099 четвертей и почти столько же въ недоимкахъ. Но министерство сомнѣвалось въ вѣрности этихъ свѣдѣній, «потому что числившійся въ помѣщичьихъ магазинахъ хлѣбъ не весь состоялъ дѣйствительно налицо». Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за этотъ годъ значится слѣдующее: «состояніе хлѣбныхъ и денежныхъ запасовъ, для обезпеченія народнаго продовольствія въ государствѣ, весьма неудовлетворительно. Важная часть эта въ безпорядкѣ; всеобщая безпечность въ урожайные годы причиною тому, что каждый новый неурожай заставалъ, такъ сказать, всѣхъ врасплохъ и продолжительный всеобщій неурожай могъ поставить правительство и народъ въ самое затруднительное положеніе. Многолѣтній опытъ доказалъ неопровергаемо, что самыя основанія принимавшихся мѣръ требовали измѣненія. Денежный сборъ вовсе не соотвѣтствовалъ цѣли, потому что крестьянинъ, отдавая въ запасъ, въ продолженіе десяти урожайныхъ лѣтъ сряду, цѣну одного фунта хлѣба, получалъ за то въ одинъ неурожайный годъ не десять фунтовъ, которые отдалъ, а только одинъ или два. Хлѣбный сборъ отвѣчалъ цѣли, но онъ, по незначительности и по частымъ неурожаямъ, никогда не могъ составить должнаго количества запасовъ и, по необходимости, расходовался преждевременно. Кромѣ того, большая половина его, несмотря ни на какія мѣры, всегда оставалась въ недоимкахъ».

1844 г. былъ опять неурожайный. Исходъ жатвы этого года, а

также постоянные болѣе или менѣе значительные неурожаи по Имперіи въ связи съ неудовлетворительнымъ состояніемъ дѣла обезпеченія продовольствія, вызвали со стороны частныхъ лицъ нѣсколько представленныхъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ проектовъ о мѣрахъ къ обезпеченію продовольствія, причемъ нѣкоторые изъ нихъ представляли собою возвращеніе къ идеѣ проекта гр. Шувалова, о которомъ говорено выше.

Не лишенъ интереса проектъ члена московскаго общества сельскаго хозяйства, Офросимова, написанный на предложенную обществомъ задачу по этому предмету. Авторъ доказываетъ, «что *земледѣлецъ-поселянинъ* для удовлетворенія своихъ насущныхъ потребностей *вынуждается крайностію продавать произведенія свои за первую предлагаемую цѣну*, даже за совершенный безцѣнокъ; что въ этомъ обстоятельствѣ заключается сущность зла». Далѣе Офросимовъ видитъ причину пониженія цѣнъ, во первыхъ, въ занятіи хлѣбопашествомъ многихъ лицъ, не принадлежащихъ къ земледѣльческому сословію, во вторыхъ—въ монополіи покупщиковъ хлѣба. На такихъ соображеніяхъ Офросимовъ предлагалъ, чтобы правительство назначало среднія цѣны на хлѣбъ и чтобы право производить хлѣбопашество предоставлено было единственно земледѣльцамъ-поселянамъ.

Правительство нашло, что «гораздо полезнѣе видѣть нашихъ мѣщанъ честными и трудолюбивыми земледѣльцами, чѣмъ вредными для общества и безполезными для самихъ себя барышниками, такъ называемыми кулаками, сводчиками, перекупщиками и т. п., а нерѣдко и совершенно бездѣльниками-бродягами».

Въ слѣдующемъ году опять потребовались пособія отъ правительства, при чемъ были выдачи и *безвозвратныхъ* пособій. Опять подаются проекты, между прочимъ, о *страхованіи* народнаго продовольствія. Правительство останавливается серьезнѣе на мысли объ общественныхъ запашкахъ, такъ какъ существующихъ запасовъ недостаточно.

Между тѣмъ въ 1846 году, по случаю неурожая, опять были выданы значительныя суммы въ ссуды, а также и *безвозвратныя* пособія. Всего же за неурожайные 1844—1846 годы выдано *заимообразно* 9.833,612 руб. сер., *безвозвратныхъ* пособій на счетъ продовольственнаго капитала 48,000 руб. сер. и изъ суммъ государственнаго казначейства на сумму до 1 мил. руб. сер., т. е. всего свыше 11 мил. руб. сер. Сверхъ этихъ 11 мил. изъ общественныхъ и государственныхъ средствъ, пожертвовано Ихъ Императорскими Величествами 12,000 руб. сер. во время путешествія въ губерніяхъ Витебской, Ковенской и Псковской.

Снова поступаютъ проекты объ учрежденіи казенныхъ магазиновъ для покупки хлѣба при низкихъ цѣнахъ и продажѣ его при возвышеніи ихъ, что съ успѣхомъ примѣнялось въ Петербургѣ и въ сибирскихъ губерніяхъ. Въ числѣ проектовъ были и проекты страхованія продовольствія. Таковъ проектъ неизвѣстнаго лица, представленный въ 1847 году. По мысли этого проекта, долженъ быть составленъ продовольственный капиталъ въ 32 мил. руб. сер., раздѣленный на купоны по 100 р., которые обязательно разбираются по купону на 50 душъ крестьянъ; деньги вносятся въ теченіе года или уплачиваются какъ банковый долгъ, обезпечиваясь недвижимостью помѣщиковъ и круговой отвѣтственностью крестьянъ. До собранія капитала взамѣнъ его выпускаются кредитные билеты, въ 50 руб. каждый. Помѣщики и сельскія общества обязываются страховать продовольствіе и потерпѣвшимъ отъ неурожая отпускается на годовое продовольствіе *безвозвратно* до $1^1/_2$ четв. на душу, а на посѣвъ *заимообразно*. Для выдачи же пособій по всему государству имѣются магазины въ разстояніи 100 в. одинъ отъ другого. Проектъ этотъ былъ отвергнутъ.

Между тѣмъ къ 1850 г. кончился срокъ для сбора съ помѣщичьихъ крестьянъ хлѣба и денегъ на составленіе продовольственнаго запаса, но министерство, «убѣдясь опытомъ, что собранные уже хлѣбные запасы и денежные капиталы никакъ не могутъ быть признаны достаточными для совершеннаго успокоенія всѣхъ опасеній по предмету продовольствія на будущее время», предположило прекратить пока только денежный сборъ, а хлѣбный продолжать въ прежнемъ размѣрѣ.

Въ то же время въ неурожайные годы правительство стало ограничивать выдачу денежныхъ пособій, такъ какъ въ 1847 году обнаружилось, что «помѣщики, получая въ ссуду деньги для продовольствія крестьянъ, употребляли ихъ на свои надобности. Въ одномъ продовольственномъ комитетѣ заемщики только переходили изъ присутствія въ другую комнату, и тамъ многіе проигрывали въ карты деньги, выданныя имъ совсѣмъ для другаго употребленія». Начальникъ Смоленской губерніи также сообщилъ, что «невозвратное зло, какъ выражаются предводители дворянства, послѣдовало отъ раздачи правительствомъ ссудъ деньгами, ибо соблазнъ къ полученію денегъ дѣйствуетъ сильно на всѣхъ помѣщиковъ, находящихся и не находящихся въ нуждѣ, и многіе помѣщики, получивъ деньги, не употребляли ихъ для той цѣли, для которой получили, или давали только часть, *оставляя крестьянъ своихъ въ бѣдствіи*. Первый случай, (т. е. соблазнъ къ полученію денегъ), подтвердился и въ настоящее время (въ 1851 г.). По губерніи распространились слухи, что правительство

ассигновало сумму для раздачи помѣщикамъ на закупку хлѣба для продовольствія ихъ крестьянъ; многіе изъ помѣщиковъ пріѣхали въ городъ просить денегъ; когда же узнали, что въ продовольственной коммиссіи лишь составляется одно предположеніе объ оказаніи пособія не деньгами, *а хлѣбомъ*, то желающіе уже не являлись» (Матеріалы по вопросу объ обезпеченіи продовольствія [3]), ч. II, стр. 115, 141—142). Имѣя передъ собою такіе факты, правительство вообще стало относиться разборчивѣе къ требованіямъ о пособіяхъ и съ 1853 года выдавало ихъ не иначе, какъ хлѣбомъ, и значительно умѣреннѣе, такъ что съ 1853 года по 1860 годъ, несмотря на то, что тутъ были и неурожайные годы, кромѣ того годы войны, выдано было пособій не болѣе 1 мил. руб. сер., т. е. по 140,000 руб. въ годъ, тогда какъ въ три предшествовавшія семилѣтія, съ 1833 по 1853 годъ выдано 28 мил. руб. сер., т. е. $1^1/_3$ мил. руб. въ годъ. Тогда же—въ 1854 году, когда министерство распорядилось выдавать пособія съ крайней осмотрительностью и не иначе, какъ хлѣбомъ, рѣшено было не выдавать *безвозвратныхъ* пособій, а вмѣсто нихъ, при возвышеніи цѣнъ на хлѣбъ, отпускать его въ половинной цѣнѣ противъ заготовленной и лишь совершенно неимущимъ—безденежно.

Что касается законодательства, то движеніе его выражалось лишь въ частныхъ дополненіяхъ и измѣненіяхъ, и правительство не рѣшалось приступать къ какимъ либо основнымъ измѣненіямъ положенія 1834 года и, несмотря на наступленіе срока прекращенія хлѣбнаго и денежнаго продовольственнаго сбора, распорядилось о продолженіи его вплоть до пересмотра продовольственнаго устава. Было даже приступлено къ этому пересмотру по окончаніи срока, опредѣленнаго для продовольственныхъ сборовъ, но пересмотръ этотъ былъ пріостановленъ, вслѣдствіе возникшаго вопроса объ измѣненіи быта помѣщичьихъ крестьянъ, и уставъ о народномъ продовольствіи изд. 1857 г. заключаетъ въ себѣ лишь сводъ дѣйствовавшихъ до того постановленій, безъ всякихъ нововведеній и измѣненій. На всѣ представленія нѣкоторыхъ мѣстныхъ начальствъ о прекращеніи продовольственнаго сбора, въ виду истеченія срока его, разрѣшенія не получалось, тѣмъ болѣе, когда возникъ вопросъ объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду предстоящаго освобожденія крестьянъ, требованія о пополненіи магазиновъ стали со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ настой-

---

[3]) Составлено, по приказанію министра внутреннихъ дѣлъ, въ хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

чивѣе, и губернаторамъ ежегодно подтверждалось, чтобы они приняли къ тому мѣры.

Къ 1861 г. налицо числилось, по свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, по 48 губерніямъ 8.236,326 четвертей озимаго хлѣба и 4.310,972 четв. яроваго, и 9.279,920 руб. $21^1/_2$ коп. денежнаго капитала.

IX.

Наступилъ 1861 годъ. Обнародовано положеніе 19 февраля. По отношенію къ народному продовольствію оно заключаетъ въ себѣ не много статей. Сюда относится статья 9 общаго положенія, слагающая съ помѣщиковъ, между прочимъ, обязанности по продовольствію крестьянъ, ст. 10, гласящая, что «на самихъ крестьянъ возлагается попеченіе по общественному продовольствію и призрѣнію и отвѣтственность за исправное отбываніе слѣдующихъ съ нихъ казенныхъ и земскихъ, натуральныхъ и денежныхъ повинностей, на основаніяхъ, изложенныхъ ниже». Ниже же въ раздѣлѣ третьемъ говорится, что крестьяне обязаны въ числѣ прочихъ сборовъ нести сборъ на обезпеченіе продовольствія (стат. 164); далѣе, что «на крестьянскія общества возлагается обязательное», въ числѣ другихъ «мірскихъ повинностей», «устройство и поддержаніе сельскихъ запасныхъ магазиновъ, на основаніи законовъ» (ст. 179). Слѣдующая затѣмъ статья 180 говоритъ: «мірскія повинности, смотря по свойству ихъ и усмотрѣнію общества, могутъ быть отправляемы: или посредствомъ денежныхъ сборовъ, или натурою». Другія статьи въ положеніи 19 февраля 1861 года, касающіяся продовольствія, опредѣляли лишь права и обязанности волостнаго и сельскаго управленія по вопросамъ продовольствія. Такимъ образомъ, согласно положенію, весь уставъ народнаго продовольствія представлялся нетронутымъ, исключая того, что попеченіе по сему предмету возлагается на самихъ крестьянъ. Но въ дѣйствительности статья 180 общаго положенія, предоставлявшая мірскому сходу опредѣлять, отправляются ли мірскія повинности натурою или деньгами, и слѣдовательно допускавшая замѣну хлѣбнаго сбора денежнымъ, вносила коренное измѣненіе въ дѣйствовавшій дотолѣ уставъ, обязывавшій имѣть *повсемѣстно хлѣбный* сборъ.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что допуская въ принципѣ возможность такой замѣны, законъ, однако, не установилъ никакихъ правилъ относительно нея ни въ положеніи 19 февраля 1861 года, ни долгое время послѣ того, и не смотря на то, что уже въ слѣдующемъ 1862 году были выработаны нѣкоторыя измѣненія продовольственной

части въ селеніяхъ временно-обязанныхъ крестьянъ (№ 39081), они не заключаютъ въ себѣ ни слова объ условіяхъ и порядкѣ замѣны хлѣбныхъ запасовъ денежными. Въ правилахъ этихъ, между прочимъ, не дѣлается никакого различія между выдачей ссудъ на обсѣмененіе и продовольствіе, что составляло также существенное отступленіе отъ прежняго порядка, установлявшаго для выдачи ссудъ на продовольствіе чрезвычайный порядокъ. Что же касается основаній и правилъ перехода на денежный сборъ, то относительно этого, какъ уже отмѣчено, приведенное узаконеніе не заключаетъ въ себѣ ни слова. Между тѣмъ въ изданныхъ въ 1864 году временныхъ правилахъ для земскихъ учрежденій по народному продовольствію, замѣна хлѣбнаго сбора денежнымъ прямо предусматривается статьею 47 сихъ правилъ, гласящею: «опредѣленія сельскихъ сходовъ объ обращеніи хлѣбныхъ общественныхъ запасовъ въ денежный общественный капиталъ, расходуемый лишь на потребности продовольствія, подлежатъ разсмотрѣнію и утвержденію уѣздныхъ земскихъ управъ».

Изъ буквальнаго смысла этой статьи, при отсутствіи въ уставѣ продовольствія, а равно и въ какихъ либо другихъ общихъ узаконеніяхъ правилъ объ основаніяхъ перехода на денежный продовольственный сборъ, явствуетъ, что уѣзднымъ земскимъ управамъ предоставляется не только утверждать или не утверждать такой переходъ, но и разсматривать его, т. е. по своему усмотрѣнію утверждать или не утверждать въ немъ то или другое, иначе говоря—признать основанія этого перехода соотвѣтствующими своему назначенію или нѣтъ, установляемый денежный сборъ замѣняющимъ хлѣбные запасы или нѣтъ. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи законъ предоставлялъ уѣзднымъ земствамъ довольно широкій просторъ относительно направленія и веденія дѣла народнаго продовольствія. Точно также ст. 46 временныхъ правилъ не только давала возможность, но и вмѣняла въ обязанность для земства слѣдить за сохранностью хлѣбныхъ запасовъ. Въ статьѣ этой значится: «земскія учрежденія не входятъ въ *непосредственныя* распоряженія по взносу, храненію и расходованію хлѣбныхъ общественныхъ запасовъ сельскихъ обществъ, предоставляя это усмотрѣнію общественныхъ сходовъ, и ограничиваются надзоромъ *за ненарушеніемъ сходами правилъ о сихъ запасахъ*». Если послѣднее положеніе должно было имѣть какое либо значеніе, то оно должно было заключаться въ предоставленіи земству тѣхъ правъ и обязанностей, которыя до положенія о земскихъ учрежденіяхъ принадлежали коммиссіямъ народнаго продовольствія, тѣмъ болѣе, что по ст. 45 тѣхъ же правилъ «обязанности, по дѣ-

ламъ народнаго продовольствія: коммиссій народнаго продовольствія, уѣздныхъ предводителей дворянства, палатъ и окружныхъ управленій государственныхъ имуществъ и удѣльныхъ конторъ, возлагаются на губернскія и уѣздныя земскія учрежденія»... «Земскія учрежденія, говорится далѣе въ той же статьѣ, руководствуются существующими правилами устава народнаго продовольствія съ дополненіями и изъятіями, изложенными въ нижеслѣдующихъ статьяхъ». Дополненія же эти и изъятія не касаются ни стт. 127 и 128 устава о народномъ продовольствіи изд. 1857 г., которыми опредѣляется размѣръ запаса и ежегоднаго взноса, ни ст. 179 того же устава, которою опредѣляется, какая часть находящагося налицо хлѣба можетъ быть выдана. Очевидно, за соблюденіемъ этихъ правилъ земство и должно было слѣдить; иначе опять таки не имѣютъ значенія стт. 48 и 49 временныхъ правилъ, предписывающія уѣзднымъ управамъ наблюдать за дѣйствіями сельскихъ сходовъ по продовольствію, производить ревизіи магазиновъ, разсматривать отчетныя вѣдомости о положеніи сельскихъ хлѣбныхъ запасовъ и, «*обнаруживъ нарушеніе правилъ въ дѣйствіяхъ сельскихъ сходовъ* по распоряженію общественными запасами или капиталами продовольствія», распоряжаться о прекращеніи и *исправленіи* безпорядка.

Но само собою разумѣется, что при такомъ порядкѣ земство могло только исправлять нарушенія, а не предупреждать ихъ, такъ какъ самый приговоръ о выдачѣ ссуды не восходилъ на усмотрѣніе управы. Это обстоятельство, не предусмотрѣнное въ свое время, вызвало Высочайше утвержденное 7 декабря 1867 г. положеніе комитета министровъ, коимъ въ видѣ временной мѣры постановлено, что «для предупрежденія непредусмотрительнаго расходованія хлѣбныхъ сельскихъ запасовъ со стороны крестьянскихъ обществъ, ссуды, до половины хранящагося налицо хлѣба, выдаются не иначе какъ съ разрѣшенія уѣздныхъ управъ, а свыше половины—съ утвержденія губернскихъ управъ. Распоряженіе это явилось результатомъ Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 25 апрѣля 1866 года, которымъ опредѣлились составныя части дѣйствующей и донынѣ системы обезпеченія народнаго продовольствія. Согласно этому мнѣнію, помимо: а) мѣстныхъ хлѣбныхъ запасовъ или денежныхъ капиталовъ, принадлежащихъ составившимъ ихъ *сельскимъ обществамъ*, образуется б) губернскій продовольственный капиталъ отчисленіемъ 48 коп. сер. на мужскую ревизскую душу всѣхъ сословій, участвовавшихъ въ составленіи продовольственныхъ капиталовъ и затѣмъ в) общій продовольственный капиталъ, образующійся

изъ остатковъ бывшаго денежнаго сбора за произведенными отчисленіями изъ него. Съ этимъ вмѣстѣ прекращается сборъ на составленіе продовольственнаго капитала. Съ этими основными измѣненіями уставъ объ обезпеченіи народнаго продовольствія и вошелъ въ продолженіе 1868 года. Но и здѣсь не былъ опредѣленъ порядокъ обращенія хлѣбныхъ запасовъ въ денежные и лишь въ 1869 г. 15 апрѣля Высочайше утвержденнымъ положеніемъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія указаны эти правила для не земскихъ губерній. Въ нихъ говорится, что замѣна хлѣбныхъ запасовъ денежными капиталами можетъ быть разрѣшена только обществамъ такихъ селеній, *гдѣ хлѣбопашество не составляетъ главнаго занятія жителей* и гдѣ поэтому содержаніе хлѣбныхъ запасовъ обременительно. При удовлетвореніи ходатайства объ этомъ, разрѣшается продажа хлѣбнаго запаса и магазина, а деньги за разобранный въ ссуду хлѣбъ уплачиваются по среднимъ за пять лѣтъ цѣнамъ, и какъ эти, такъ и вырученныя изъ продажи запасовъ и магазина, поступаютъ въ запасъ мѣстнаго продовольственнаго капитала.

Изъ этихъ правилъ, относящихся только до губерній, гдѣ земскія учрежденія *не* введены, видно, что правительство допускало замѣну хлѣбнаго сбора денежнымъ лишь какъ исключеніе для мѣстностей не земледѣльческихъ и не потому, чтобы находило для этихъ послѣднихъ денежный капиталъ болѣе удовлетворяющимъ потребностямъ обезпеченія, а лишь потому, что для нихъ хлѣбный сборъ былъ бы обременителенъ. Что касается губерній, гдѣ введены земскія учрежденія, то лишь въ 1874 г. Высочайше утвержденнымъ 21 мая мнѣніемъ Государственнаго Совѣта указанъ для всѣхъ земствъ однообразный порядокъ обращенія хлѣбныхъ запасовъ въ денежные капиталы. При этомъ въ видѣ общаго правила преподано, что разрѣшается такая замѣна «лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда по имѣющимся въ виду управы даннымъ такая замѣна хлѣбныхъ запасовъ денежными признается возможною». При разрѣшеніи соблюдаются слѣдующія правила: 1) деньги взамѣнъ установленнаго количества хлѣба вносятся по *высшей* изъ годовыхъ средне-сложныхъ справочныхъ цѣнъ въ теченіе предшествовавшихъ 10-ти лѣтъ; 2) распродажа хлѣбныхъ запасовъ разрѣшается лишь въ мѣрѣ, соовѣтствующей сдѣланнымъ въ дѣйствительности, взамѣнъ ихъ денежныхъ взносовъ, а магазины предоставляются въ распоряженіе сельскихъ сходовъ лишь по взносѣ всего общественнаго продовольственнаго капитала. Правила эти, какъ то видно изъ циркуляра министерства внутреннихъ дѣлъ 1 мая 1875 г. (№ указа 4668) имѣли въ виду подчинить земскую дѣятельность въ этомъ отношеніи

«большему контролю правительства». Въ тоже время, сравнивая ихъ съ правилами о томъ же для не земскихъ губерній, нельзя не придти къ заключенію, что правительство отдаетъ предпочтеніе хлѣбнымъ запасамъ передъ денежнымъ сборомъ. Ограничивъ для *не*—земскихъ губерній обращеніе хлѣбныхъ запасовъ денежными лишь такими селеніями, гдѣ хлѣбопашество не составляетъ главнаго занятія жителей, и какъ бы обезпечивъ, такимъ образомъ, малую распространенность тамъ такого обращенія, правительство установило тамъ для замѣны болѣе льготныя условія, чѣмъ для земскихъ губерній. Во-первыхъ тамъ разрѣшается продажа запасовъ и магазина для обращенія вырученныхъ денегъ въ продовольственный капиталъ; здѣсь же и то, и другое продается лишь по сборѣ денегъ, что конечно значительно тормозитъ такой переходъ, ибо общество можетъ продать каждую четверть хлѣба лишь по взносѣ за нее денегъ, т. е., чтобы обезпечить одну четверть, должно сперва имѣть ихъ двѣ. Во вторыхъ, въ не земскихъ губерніяхъ за разобранный хлѣбъ уплачиваются деньги по *среднимъ* цѣнамъ за пять лѣтъ, а въ земскихъ—по *высшимъ среднесложнымъ* [4]) за десять лѣтъ, что опять увеличиваетъ тотъ капиталъ, который надо собирать, чтобы продавать запасы, и который надо окончательно собрать, чтобы продать магазинъ. Такимъ образомъ, правила эти, затрудняя переходъ на денежный сборъ, въ тоже время размѣръ суммы денежнаго сбора поставили въ зависимость лишь отъ цѣнъ предшествующаго десятилѣтія, тогда какъ прежде земства могли руководствоваться всѣми обстоятельствами даннаго случая. Это было тѣмъ болѣе существенно, что сборъ этотъ можетъ служить обезпеченіемъ лишь для даннаго селенія, при чемъ всѣ условія, въ которыхъ оно стоитъ, имѣютъ существенное значеніе. По правиламъ же 1874 г. различіе въ степени обезпеченности двухъ рядомъ лежащихъ селеній ставится въ зависимость лишь отъ момента перехода, причемъ сужденіе и представленіе самого общества, а равно и земства о томъ, какой капиталъ по мѣстнымъ условіямъ даннаго селенія нуженъ на обезпеченіе и какой оно въ состояніи внести, вовсе устранялось и вносилось нѣчто нивелирующее, не достигающее однако и этой цѣли. Въ этой нивелировкѣ тѣмъ болѣе не было надобности, что, если бы

---

4) По ст. 104 уст. о обезп. нар. прод. изд. 1889 г. «*Сложная* цѣна составляется изъ всѣхъ разныхъ цѣнъ посредствомъ сложенія всѣхъ ихъ вмѣстѣ и раздѣленія потомъ суммы, отъ сего сложенія происшедшей, на столько, сколько взято было цѣнъ въ сложеніе. *Средняя* же цѣна выводится посредствомъ сложенія вмѣстѣ *только самой высшей* и *самой низшей* и *раздѣленіе* потомъ сложной суммы *на два*».

земство нашло, что по мѣстнымъ условіямъ данное селеніе въ состояніи внести такой лишь капиталъ, который не составляетъ для него настоящаго обезпеченія, то оно всегда можетъ такъ сказать дополнить эту сумму, такъ какъ по ст. 55 врем. прав. (ст. 15 по изд. 1889 г.) земству предоставляется право учреждать сборы на продовольствіе для усиленія прбдовольственнаго капитала, который такимъ образомъ и можетъ являться какъ бы дополнительнымъ къ капиталамъ сельскихъ обществъ.

Тѣмъ же узаконеніемъ 1874 г. установляется и порядокъ разрѣшенія ссудъ изъ хлѣбныхъ запасовъ и денежныхъ капиталовъ, причемъ уѣздной управой разрѣшается выдача въ такомъ размѣрѣ, чтобы по выдачѣ оставалось «не менѣе половины установленныхъ запасовъ», тогда какъ по прежнимъ узаконеніямъ разрѣшалась до половины «находящагося въ магазинѣ на лицо хлѣба». Кромѣ того, въ правилахъ этихъ указанъ порядокъ разсмотрѣнія приговоровъ путемъ мѣстнаго дознанія.

Затѣмъ, вплоть до изданія Положенія о земскихъ учрежденіяхъ 12 іюня 1890 г., не было введено какихъ либо законоположеній, вносящихъ существенныя измѣненія въ уставъ о народномъ продовольствіи. Новое же положеніе о земскихъ учрежденіяхъ ст. 2 п. III къ вѣдомству земскихъ учрежденіяхъ относитъ: «*завѣдываніе* дѣлами по обезпеченію народнаго продовольствія» и «*попеченіе* объ устраненіи недостатка продовольственныхъ средствъ», тогда какъ по прежнимъ правиламъ и по уставу 1889 года земству принадлежало «наблюденіе» за ненарушеніемъ постановленій устава. Затѣмъ ст. 109 Новаго положенія предоставляетъ губернскому земству «въ развитіе правилъ», содержащихся въ уставѣ о народномъ продовольствіи «издавать обязательныя постановленія», относительно храненія хлѣбныхъ запасовъ, перехода на денежный сборъ устройства и содержанія магазиновъ. Естественнымъ слѣдствіемъ этихъ законоположеній является отмѣна ст. 39 (по изд. 1889 г.) устава о обезпеченіи народнаго продовольствія, предоставлявшей сельскимъ сходамъ непосредственное распоряженіе хлѣбными запасами. Такимъ образомъ новое положеніе расширяетъ сферу дѣятельности земства относительно хлѣбныхъ запасовъ, не исключая и правилъ о замѣнѣ ихъ денежнымъ сборомъ.

X.

Мы обозрѣли, такимъ образомъ, насколько позволило время, исторію законодательства по обезпеченію народнаго продовольствія отъ

древнѣйшихъ временъ до послѣднихъ дней и на основаніи этого можемъ установить слѣдующіе крупные періоды ея:

I. До Петра I, когда мѣры носили случайный и не предупредительный характеръ.

II. Отъ Петра I до Екатерины II, когда явилась мысль о необходимости установленія *запасовъ, предупреждающихъ* послѣдствія голода.

III. Съ 1765 г. по 1799 г., когда издавались постановленія объ учрежденіи хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ у крестьянъ отдѣльныхъ вѣдомствъ.

IV. Съ 1799 по 1816 г., когда создалось первое общее положеніе о хлѣбныхъ запасныхъ магазинахъ и положено прочное начало дѣйствующей системѣ.

V. Съ 1816 по 1822 г., когда авторитетъ системы, установленной въ 1799 г., поколебался и законодательныя работы то приходили къ отмѣнѣ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ и замѣнѣ ихъ денежнымъ сборомъ, то къ совершенной отмѣнѣ государственныхъ заботъ объ обезпеченіи продовольствія и возложенію ихъ на помѣщиковъ и соотвѣтствующія вѣдомства.

VI. Съ 1822 по 1834 года, когда въ зависимости отъ мѣстныхъ властей установлялись хлѣбные или денежные запасы.

VII. Съ 1834 до 1861 года, когда основой обезпеченія продовольствія признано повсемѣстное существованіе хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ и въ то же время установленъ повсемѣстный денежный сборъ для образованія губернскаго продовольственнаго капитала.

VIII. Съ 1861 г. и до нашего времени, когда въ зависимости отъ усмотрѣнія самихъ сельскихъ обществъ, установляется хлѣбный или денежный сборъ и затѣмъ выдѣляются губернскій и имперскій продовольственные капиталы.

Таковъ ходъ исторіи законодательства, изъ которой вытекаетъ: 1) что сознаніе важности обезпеченія народнаго продовольствія съ теченіемъ времени возрастаетъ; 2) что всѣ принимавшіеся къ тому до послѣдняго времени мѣры—недостаточны. Говорить о томъ, въ чемъ заключается недостатокъ ихъ, не представивъ данныхъ о современномъ фактическомъ положеніи этого дѣла, было бы преждевременно. Но нельзя не отмѣтить, что чрезъ всю исторію законодательства постоянно проходятъ указанія на то, что возвратъ выдаваемыхъ ссудъ, какъ хлѣбныхъ, такъ и денежныхъ является обременительнымъ, что въ моменты голода правительство неоднократно прибѣгало къ выдачѣ безвозвратныхъ пособій, что, наконецъ, держась до 1834 г. такого взгляда,

согласно которому въ хлѣбныхъ запасахъ самихъ сельскихъ обществъ должно заключаться все обезпеченіе продовольствія, оно съ 1834 г. установляетъ еще и денежный сборъ на образованіе капитала, составляющаго «общественную собственность губерніи», что можно разсматривать уже какъ бы нѣкоторый переходъ къ системѣ страхованія, переходъ проведенный впослѣдствіи далѣе путемъ выдѣленія общаго по Имперіи продовольственнаго капитала, что представляетъ собою уже болѣе широкое обобществленіе продовольственныхъ средствъ. Въ то же время мы видимъ, что въ различнаго рода проектахъ высказывается мысль о страхованіи продовольствія и объ учрежденіи магазиновъ для продажи хлѣба въ предупрежденіе подъема цѣнъ на хлѣбъ. Эти проекты заслуживаютъ вниманія въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуютъ въ какомъ направленіи работаетъ общественная мысль надъ вопросомъ объ обезпеченіи народнаго продовольствія. Въ то же время они удостовѣряютъ, что этотъ вопросъ никогда не былъ чуждъ общественному сознанію. Тѣмъ менѣе онъ можетъ быть чуждъ теперь, когда многія земства стремятся проводить въ жизнь тѣ или иныя мѣры, направленныя къ подъему уровня экономическаго благосостоянія массъ.

Въ настоящемъ же случаѣ задача ставится даже не такъ широко: рѣчь идетъ не о подъемѣ, а лишь о непониженіи, что обнимаетъ, на нашъ взглядъ, предметъ гораздо большей важности. Каждый неурожай уничтожаетъ экономическую самостоятельность нѣсколькихъ единицъ. Каждая вынужденная осенняя продажа продукта, пріобрѣтаемаго впослѣдствіи тѣмъ же продавцемъ за болѣе дорогую цѣну, не только отнимаетъ почву у всякаго начинанія, стремящагося поднять экономическое благосостояніе массъ, но прямо ведетъ къ пониженію существующаго не высокаго уровня экономическаго положенія массъ. Слѣдовательно въ вопросѣ объ обезпеченіи народнаго продовольствія задача ставится крайне элементарно; она сводится къ установленію препятствій для такого пониженія, но тѣмъ настоятельнѣе осуществленіе ея и тѣмъ болѣе серьезной и всеобъемлющей является она.

Н. Каблуковъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВА ОСВОБОЖДЕННЫМЪ ИЗЪ ЗАКЛЮЧЕНІЯ.

I.

Покровительство освобожденнымъ изъ заключенія появилось впервые на свѣтъ въ видѣ самостоятельной благотворительной дѣятельности отдѣльнаго частнаго человѣка. Оно преслѣдовало сначала только одну цѣль—оказать добровольную помощь жаждущему ея, бѣдствующему выходцу изъ заключенія, облегчить ему хоть сколько нибудь борьбу съ суровыми, безпощадными условіями жизни. Это благотворительное покровительство возникло еще во времена язычества вмѣстѣ съ развитіемъ чувства состраданія къ бѣдствующему ближнему и возведеніемъ благотворительности на степень добродѣтели. Еще до появленія христіанства случалось, что язычникъ, встрѣчая бѣдствующаго выходца изъ тюрьмы, покрытаго рубищемъ, истомленнаго голодомъ, сыростью, грязью, бросалъ ему милостыню, изъ чувства состраданія. Съ появленіемъ христіанства [1]) и возведеніемъ сострадательности къ заключеннымъ на степень христіанскаго долга къ ближнему, благотворительное единоличное покровительство освобожденнымъ изъ заключенія нашло себѣ новую поддержку въ христіанской вѣрѣ и стало сильно распространяться между христіанами, главнымъ образомъ, относительно христіанъ, освобожденныхъ изъ заключенія, наложеннаго за исповѣданіе христіанской вѣры. Съ возведеніемъ христіанства на степень господствующей государственной религіи исчезла изъ тюрьмы главная, наибольшая часть заключенныхъ, вызывавшихъ покровительство со стороны христіанъ, по выходѣ изъ заключенія—исчезли заключенные за исповѣданіе христіанской вѣры, а вмѣстѣ съ ихъ исчезновеніемъ сильно сократилось и покровитель-

ство освобожденнымъ изъ заключенія. Оно стало производиться ужъ въ небольшей степени. Съ середины V вѣка, съ великаго переселенія народовъ и образованія новыхъ государствъ въ Европѣ, покровительство стало падать все больше и больше и вскорѣ дошло до ничтожныхъ размѣровъ. На мѣсто сострадательности выступила грубость нравовъ и почти задушила благотворительное покровительство отдѣльнаго человѣка. Такъ было до XVIII вѣка.

Въ XVIII вѣкѣ, благодаря упорнымъ вѣковымъ трудамъ поборниковъ мысли и облагороженнаго чувства, стало сильно распространяться и развиваться общее смягченіе нравовъ, а вмѣстѣ съ нимъ— и чувство сострадательности къ ближнему. Появились постоянныя учрежденія, предназначенныя для благотворительнаго покровительства освобожденнымъ изъ заключенія. Эти учрежденія явились впервые въ крайне скромныхъ размѣрахъ въ послѣдней четверти XVIII вѣка, сначала въ Сѣверной Америкѣ, а потомъ и въ Европѣ, и стали понемногу распространяться и развиваться въ началѣ XIX столѣтія. Они не заглушили благотворительнаго покровительства отдѣльныхъ лицъ. Напротивъ, съ постепеннымъ распространеніемъ и развитіемъ чувства сострадательности къ ближнему, и единоличное покровительство продолжало распространяться и развиваться все дальше и дьльше—вплоть до нашего времени. Но они до нѣкоторой степени явились конкуррентами единоличному благотворительному покровительству, отвлекая на свою сторону наиболѣе сострадательныхъ и энергичныхъ людей, ясно сознававшихъ, что учрежденіе можетъ сдѣлать больше добра, чѣмъ отдѣльный частный человѣкъ.

Самое возникновеніе учрежденій и благотворительнаго покровительства[2]) и ихъ дальнѣйшая судьба весьма интересны. Въ семидесятыхъ годахъ [3]) XVIII столѣтія въ Филадельфіи, главнымъ городѣ штата Пенсильваніи, случайно поселился близь тюрьмы гражданинъ Ричардъ Уистеръ. Каждый день видѣлъ онъ, какъ отворялись тюремныя ворота и выпускали заключенныхъ, отбывшихъ заключеніе. Большинство изъ нихъ принадлежало къ бѣдному люду и выходило изъ тюрьмы въ лохмотьяхъ, безъ гроша денегъ въ карманѣ. Нужда и безпомощность ждали ихъ на волѣ. Это ежедневное зрѣлище произвело глубокое впечатлѣніе на Уистера. Человѣкъ со средствами, крайне добрый, онъ не могъ остаться равнодушнымъ при плачевномъ видѣ этихъ людей и рѣшился по мѣрѣ силъ помогать нуждающимся выходцамъ деньгами, одеждой, пищей и т. д. Но средства Уистера истощались, а тюрьма продолжала освобождать все новыхъ и новыхъ неимущихъ. Было ясно, что рано или поздно настанетъ день, когда

Уистеръ, при всемъ желаніи, будетъ не въ сосноянiи помочь неимущему, освобожденному изъ заключенія. Ища выхода изъ этого положенія и сознавая въ тоже время бѣдственное состояніе арестантовъ во время пребыванія въ заключеніи, Уистеръ пришелъ къ мысли устроить частное общество для вспомоществованія нуждающимся заключеннымъ и дѣйствительно основалъ его 7 февраля 1776 года [4]). Въ 1787 году это общество преобразовалось въ общество устраненія бѣдственнаго положенія общественныхъ тюремъ и въ этомъ видѣ существуетъ до сихъ поръ. Какъ первоначальное, такъ и преобразованное общество продолжали оказывать пособія неимущимъ, освобожденнымъ изъ заключенія. Такъ было въ Сѣверной Америкѣ. Но и въ Европѣ уже раздавались горячія проповѣди Джона Говарда [5]) о необходимости тюремныхъ преобразованій, производили глубокое впечатлѣніе и быстро увеличивали ряды сторонниковъ тюремной реформы.

Ужасное бѣдственное положеніе заключенныхъ и необходимость тюремныхъ преобразованій были открыто признаны въ Англіи, вызвали рядъ попытокъ къ проведенію реформъ и между прочимъ, вызвали указъ 1792 г. [6]). Этотъ указъ давалъ право судьѣ препроводить освобожденнаго изъ заключенія въ тотъ приходъ, на которомъ лежала обязанность оказать помощь этому человѣку, какъ безпомощному бѣдняку, мѣстному прихожанину. Нѣсколько лѣтъ спустя, 24 апрѣля 1797 г. [7]), въ Даніи, на островѣ Фіоніи, въ Одензее было основано первое въ Европѣ общество вспомоществованія освобожденнымъ изъ заключенія. Въ 1802 году [8]) образовалось въ Англіи частное Общество покровительства освобожденнымъ изъ заключенія. Въ 1806 г. [9]) въ Австріи фонъ Дорфлетъ завѣщалъ капиталъ съ тою цѣлью, чтобъ на проценты съ него оказывали помощь освобожденнымъ изъ заключенія, и эта помощь производилась то судами, то городскимъ начальствомъ. Въ 1808 г. [10]) чины высшей полиціи въ Вѣнѣ составили капиталъ для расходованія процентовъ съ него на помощь тюремнымъ выпущенникамъ, и, постоянно увеличивая его, довели къ 1861 г. до 27,314 флориновъ [11]). Вотъ и всѣ учрежденія покровительства, появившіяся въ Сѣверной Америкѣ и Западной Европѣ въ промежутокъ времени между 1776 и 1817 годами. Всѣ они, стремясь къ покровительству освобожденнымъ изъ заключенія, ставили одну цѣль — оказать добровольную помощь желающему ея, бѣдствующему, освобожденному изъ заключенія, а потому всѣ они были учрежденіями благотворительнаго покровительства. Покровительство производилось посредствомъ индивидуальной помощи, т. е.

направленной порознь, въ отдѣльности на каждаго изъ покровительствуемыхъ, а не посредствомъ коллективной, т. е. направленной заразъ совмѣстно на нѣсколькихъ покровительствуемыхъ, и при томъ производилось если не исключительно, то главнымъ образомъ посредствомъ матеріальной помощи, напр., денежныхъ пособій, пищи, одежды и т. д. Число учрежденій благотворительнаго покровительства, какъ мы видѣли, было весьма не велико. Распространаніе ихъ шло весьма туго. Это обусловливалось многими обстоятельствами: 1) недостаточнымъ распространеніемъ и развитіемъ чувства сострадательности къ ближнему, 2) новизной учрежденія, 3) недостаточной подготовленностью къ нему со стороны дѣятелей и 4) недостаточнымъ распространеніемъ и развитіемъ сознанія, что эти учрежденія, будучи средствомъ борьбы противъ нужды и бѣдности, полезны для народнаго благосостоянія. Въ промежутокъ времени съ 1817 г. до нашихъ дней распространеніе и развитіе учрежденій благотворительнаго покровительства постепенно все болѣе и болѣе возрастаетъ. Съ 1827 года появляется коллективная благотворительная помощь освобожденнымъ изъ заключенія. Въ 1827 г. [12]) въ Россіи петербургскій комитетъ попечительнаго о тюрьмахъ Общества устроилъ при городской тюрьмѣ особое небольшое отдѣленіе для временнаго пристанища и прокормленія тюремныхъ выпущенниковъ впредь до пріисканія ими занятій и мѣста. Это было первое убѣжище для освобожденныхъ изъ заключенія въ просвѣщенномъ мірѣ. Впослѣдствіи подобныя убѣжища стали появляться и въ другихъ странахъ, частью съ цѣлью доставленія временнаго пристанища, частью съ цѣлью доставленія временнаго пристанища и работы выпущенникамъ изъ заключенія. Въ настоящее время учрежденія благотворительнаго покровительства существуютъ не у всѣхъ, но у весьма многихъ изъ просвѣщенныхъ народовъ, напримѣръ, у американцевъ въ Соединенныхъ Штатахъ, у англичанъ, бельгійцевъ, голландцевъ, французовъ, швейцарцевъ, итальянцевъ, австрійцевъ, германцевъ, датчанъ, шведовъ, норвежцевъ, русскихъ и т. д. при чемъ имѣютъ обыкновенно различную распространенность и нерѣдко различное развитіе.

II.

Учрежденія благотворительнаго покровительства, несомнѣнно, были весьма важнымъ шагомъ впередъ, но далеко не послѣднимъ. Новая мысль появилась въ Англіи и осуществилась въ 1817 г. Съ 1813 г. [13]) знаменитая англичанка мистрисъ Елизабетъ Фрай, женщина хорошаго

общества, со средствами, умная, образованная, необыкновенно добрая и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма энергичная, начинаетъ къ удивленію общества посѣщать женское отдѣленіе Ньюгетской тюрьмы въ Лондонѣ. Она изучаетъ арестантокъ, разговариваетъ съ ними, старается внушить имъ правила религіи и нравственности, стремится привести ихъ къ исправленію, а бѣдствующимъ, освобожденнымъ изъ заключенія оказываетъ, по ихъ желанію, матеріальную и нравственную помощь и сверхъ того старается посредствомъ этой помощи удержать выпущенницъ наказательнаго заключенія на честномъ пути, но не иначе, какъ съ ихъ добровольнаго согласія. Въ видѣ этой дѣятельности, появляется на свѣтъ первое, единоличное благотворительно-предохранительное покровительство освобожденнымъ изъ заключенія. Благодаря энергіи мистрисъ Фрай, вскорѣ въ Лондонѣ въ 1817 г. [14]) появляется и первое учрежденіе такого покровительства. Это—Общество исправленія арестантокъ Ньюгетской тюрьмы. Въ томъ же 1817 г. [15]) учреждается въ Лондонѣ Общество улучшенія тюремныхъ порядковъ и оно, между прочимъ, начинаетъ оказывать благотворительно-предохранительное покровительство освобожденнымъ изъ заключенія.

17 ноября 1822 года [16]) образуется во Франціи, въ Страсбургѣ Общество нравственнаго исправленія и покровительства несовершеннолѣтнимъ департамента Нижняго Рейна, освобожденнымъ изъ заключенія.

Въ 1824 г. [17]) образуется въ Голландіи частное Общество огражденія арестантовъ отъ вреда. Оно, между прочимъ, оказываетъ и благотворительно-предохранительное покровительство освобожденнымъ изъ заключенія.

Въ 1818 году [18]) въ Швейцаріи правительство Женевскаго кантона позволило комитету наблюденія за нравственностью, составленному изъ частныхъ лицъ, посѣщать тюрьмы и содѣйствовать исправленію заключенныхъ, а въ 1825 году поручило этому комитету также надзоръ и покровительство относительно освобожденныхъ изъ заключенія.

Въ 1826 году [19]) подъ вліяніемъ мистрисъ Фрай, пасторъ Теодоръ Флиднеръ образуетъ первое въ Германіи Вестфальско-Рейнское тюремное Общество, которое, между прочимъ, ставитъ своей цѣлью и благотворительно-предохранительное покровительство освобожденнымъ изъ наказательнаго заключенія. Затѣмъ [20]) приверженцы Флиднера, Ридловъ и Шмальцъ основываютъ въ 1827 году подобное Общество въ Берлинѣ.

Въ 1842 году [21]) мистрисъ Фрай вмѣстѣ съ Іосифомъ Гёрней, осмотрѣвъ датскія тюрьмы, составили докладъ объ ихъ плачевномъ состояніи и необходимости преобразованій, а въ томъ числѣ и о необходимости учредить Общества благотворительно-предохранительнаго покровительства освобожденнымъ изъ заключенія, и подали этотъ докладъ датскому королю. Король указомъ 25 іюня 1842 года предписалъ произвести различныя тюремныя преобразованія и разрѣшилъ, между прочимъ, основать подобное общество. Оно [22]) было основано стараніями Давида въ 1843 году.

Въ 1844 году [23]) въ Италіи, въ городѣ Флоренціи, образовалось частное Общество покровительства освобожденнымъ изъ заключенія, а съ 1859 г. [24]) оно оффиціально превратилось въ Общество благотворительно-предохранительнаго покровительства.

Въ 1846 г. [25]) Въ Австріи, въ Грацѣ, образовалось благотворительно-предохранительное Общество покровительства малолѣтнимъ, какъ освобожденнымъ изъ заключенія, такъ и прочимъ безпомощнымъ, не бывшимъ въ заключеніи.

Въ Швеціи [26]) въ 1860 году шведская королева Софія учредила домъ для женщинъ, освобожденныхъ изъ заключенія, представляющій собою ничто иное, какъ учрежденіе благотворительно-предохранительнаго покровительства.

Въ 1871 году въ Россіи предсѣдательница петербургскаго Дамскаго Тюремнаго Комитета, принцесса Евгенія Максимильяновна Ольденбургская предложила комитету устроить убѣжище для женщинъ, освобожденныхъ изъ петербургскихъ мѣстъ заключенія [27]). Комитетъ одобрилъ это предложеніе, а въ 1872 году одобрилъ и проектъ временнаго устава для убѣжища. Министръ внутреннихъ дѣлъ разрѣшилъ открытіе этого убѣжища и временный уставъ. Убѣжище было открыто 5 октября 1872 года, а черезъ два года Дамскій Комитетъ, на основаніи опыта, разработалъ новый уставъ убѣжища и представилъ его Министру внутреннихъ дѣлъ на утвержденіе. Утвержденіе новаго устава послѣдовало 1 іюня 1874 года Это убѣжище процвѣтаетъ, является въ Россіи первымъ и притомъ превосходнымъ образцомъ учрежденій благотворительно-предохранительнаго покровительства. Кромѣ этого женскаго благотворительно-предохранительнаго убѣжища, въ Россіи существуетъ еще пять мужскихъ: два—въ Петербургѣ и по одному въ Москвѣ, Одессѣ и Псковѣ.

Первое петербургское убѣжище [28]) открыто 1 октября 1875 года петербургскимъ мужскимъ Комитетомъ попечительнаго о тюрьмахъ Общества и состоитъ изъ двухъ отдѣленій: изъ отдѣленія для взро-

слыхъ и отдѣленія для малолѣтнихъ, освобожденныхъ изъ петербургскихъ мѣстъ заключенія. Петербургскій Комитетъ хлопоталъ только объ учрежденіи убѣжища для малолѣтнихъ выпущенниковъ, а предсѣдатель петербургскаго Комитета сталъ хлопотать лично объ учрежденіи убѣжища для выпущенниковъ всякаго возраста. Оба ходатайства были удовлетворены Министромъ внутреннихъ дѣлъ. Уставъ убѣжища для выпущенниковъ всякаго возраста былъ утвержденъ 8 апрѣля 1875 года, а уставъ убѣжища для выпущенниковъ малолѣтняго возраста—26 іюня 1875 г. Не имѣя средствъ открыть два отдѣльныхъ убѣжища, петербургскій мужской комитетъ открылъ одно съ двумя отдѣленіями: однимъ для взрослыхъ, а другимъ для малолѣтнихъ.

Второе [29]) петербургское убѣжище предназначено исключительно для несовершеннолѣтнихъ, освобожденныхъ изъ заключенія. Оно основано, если не ошибаюсь, въ 1880 году трудами петербургскаго Общества пособія несовершеннолѣтнимъ, освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія. Это Общество возникло по инціативѣ Елизаветы Евгеніевны Вагановой, открылось въ апрѣлѣ 1879 года, энергично дѣйствуетъ до сихъ поръ и пользуется не только искреннимъ сочувствіемъ выдающихся представителей суда, администраціи и публики, но и высокимъ покровительствомъ Государя Императора и Государыни Императрицы. Въ 1883 году Ихъ Императорскія Величества, обративъ вниманіе на полезную дѣятельность Общества, удостоили пожертвовать ему единовременно 800 рублей, а Государь Императоръ сверхъ того даровалъ ежегодную субсидію изъ суммъ Государственнаго казначейства въ размѣрѣ 1,000 рублей. Членами Общества состоятъ: Е. Е. Ваганова, М. П. Аничкова, графиня О. В. Левашева, О. И. Лонгинова, начальникъ главнаго тюремнаго управленія М. Н. Галкинъ-Враской, членъ Государственнаго Совѣта Н. И. Стояновскій (предсѣдатель Комитета Общества), графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ, А. К. Лонгиновъ, Н. К. Ермолинъ и многіе другіе.

Въ 1885 году [30]), по инціативѣ члена одесской судебной палаты, Шимановскаго и помощника присяжнаго повѣреннаго Альберта, съ разрѣшенія Министра внутреннихъ дѣлъ, открыто въ городѣ Одессѣ убѣжище для несовершеннолѣтнихъ, освобожденныхъ изъ заключенія.

Московское убѣжище [31]) предназначено лишь для несовершеннолѣтнихъ, освобожденныхъ изъ заключенія въ г. Москвѣ и ея окрестностяхъ. Оно открыто 16 февраля 1886 года. Честь открытія принадлежитъ московскому Обществу пособія несовершеннолѣтнимъ, освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія. Это Общество возникло по инціативѣ княгини Салтыковой-Головкиной. Уставъ его утвержденъ

министромъ внутреннихъ дѣлъ 5 декабря 1884 года, а открытіе самаго Общества послѣдовало 14 марта 1885 года.

Наконецъ, нѣкоторые изъ жителей города Пскова [32]) обратились съ просьбой къ Н. И. Стояновскому, предсѣдателю Комитета петербургскаго Общества пособія несовершеннолѣтнимъ, освобожденнымъ изъ заключенія. Они просили почтеннаго предсѣдателя объ исходатайствованіи разрѣшенія у Министра внутреннихъ дѣлъ открыть въ городѣ Псковѣ отдѣленіе вышеозначеннаго Общества съ убѣжищемъ для несовершеннолѣтнихъ, освобожденныхъ изъ заключенія. До 50 человѣкъ изъявляли готовность сдѣлаться членами отдѣленія, а земство предлагало помѣщеніе для убѣжища. 12 іюня 1886 года Министръ внутреннихъ дѣлъ утвердилъ это ходатайство. Псковское отдѣленіе открылось и основало убѣжище.

Въ 1878 году въ Норвегіи, въ городѣ Христіаніи, открылось Общество покровительства освобожденнымъ изъ мѣстной каторжной тюрьмы, являющееся благотворительно-предохранительнымъ учрежденіемъ [33]).

Въ 1879 г. въ Испаніи открылось Общество попеченія о мадридскихъ тюрьмахъ, являющееся также благотворительно-предохранительнымъ учрежденіемъ [34]).

Въ нѣкоторыхъ Соединенныхъ Штатахъ сѣверной Америки также существуютъ учрежденія благотворительно-предохранительнаго покровительства, но когда именно явилось первое изъ нихъ, это трудно опредѣлить съ точностью. Можно сказать только одно, что въ 1824 году въ Бостонѣ, въ Штатѣ Массачусетсъ, образовалось тюремно-попечительное Общество, которое послѣ 1824 г. превратилось отчасти въ учрежденіе благотворительно-предохранительнаго покровительства [35]). А вслѣдъ затѣмъ черезъ нѣсколько лѣтъ явились и другія частныя Общества, оказывавшія между прочимъ и такое покровительство. Замѣчательно, что въ послѣдніе годы сами освобожденные изъ заключенія сознаютъ необходимость существованія благотворительно-предохранительныхъ учрежденій коллективной помощи и стараются заводить ихъ и поддерживать на свой счетъ. Это совершенно новое явленіе наблюдается въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Иниціатива принадлежитъ Михаилу Дуннъ [36]). Отсидѣвъ долгое время въ тюрьмѣ Зингъ-Зингъ, въ штатѣ Нью-Іоркъ, и близко познакомившись съ бѣдственнымъ положеніемъ освобожденныхъ изъ заключенія, трудностью для нихъ остаться на честномъ пути, Дуннъ пришелъ къ мысли, что освобожденные сами должны собственными силами облегчить свое положеніе, устроивъ съ по-

мощью своего труда такіе рабочіе дома, въ которыхъ каждый освобожденный получалъ бы кровъ, пищу, одежду и прочее въ вознагражденіе за свой трудъ. По выходѣ изъ тюрьмы, Дунпъ всей душей отдался осуществленію своей мысли, и ему дѣйствительно удалось постепенно устроить нѣсколько подобныхъ рабочихъ домовъ въ нѣкоторыхъ изъ Соединенныхъ Штатовъ, напримѣръ, въ Штатѣ Иллинойсъ—въ городѣ Чикаго, въ Штатѣ Калифорніи—въ городѣ Санъ-Франциско, въ Штатѣ Мичиганъ—въ городѣ Детруа, и т. д.

Разсматривая число учрежденій благотворительно-предохранительнаго покровительства [37]) сравнительно съ потребностью въ этомъ покровительствѣ въ данной странѣ, мы можемъ признать, на основаніи имѣющихся данныхъ [38]), что число этихъ учрежденій: а) достаточно — въ Англіи съ Валлисомъ, Голландіи, Баденѣ, Бременѣ, Виртембергѣ, Гамбургѣ, Гессенъ-Дармштатѣ, Мекленбургѣ, Саксоніи и, можетъ быть, Финляндіи; б) недостаточно, въ менѣе большей степени, — въ Баваріи, въ Эльзасъ-Лотарингіи, въ Брауншвейгѣ, въ Саксенъ-Кобургъ-Готѣ, въ Саксенъ-Веймарѣ, во Франціи, Швейцаріи, Швеціи, Норвегіи, Даніи и Шотландіи; в) недостаточно въ большой степени—въ Пруссіи, въ Италіи и Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки и г) недостаточно въ величайшей степени — въ Ирландіи, Австріи, Венгріи, Россіи и Испаніи. Благотворительно-предохранительное покровительство освобожденнымъ изъ заключенія производится разными способами: 1) посредствомъ матеріальной индивидуальной помощи, напр., посредствомъ выдачи денежныхъ пособій, пищи, одежды, билета на проѣздъ, рабочихъ инструментовъ отдѣльному лицу и т. д.; 2) посредствомъ индивидуальной нравственной помощи, напр., посредствомъ наставленій въ нравственности, въ религіи, совѣтовъ, рекомендацій, пріисканія занятій отдѣльному покровительствуемому лицу и т. д.; 3) посредствомъ матеріальной коллективной помощи, напр., посредствомъ устройства временныхъ убѣжищъ съ прокормленіемъ или безъ прокормленія, посредствомъ устройства рабочихъ домовъ, заразъ для нѣсколькихъ покровительствуемыхъ, и 4) посредствомъ коллективной нравственной помощи, напр., посредствомъ наставленій въ религіи и нравственности, обученія заразъ нѣсколькихъ покровительствуемыхъ и т. д. Учрежденія благотворительно-предохранительнаго покровительства освобожденнымъ изъ заключенія обязаны своимъ распространеніемъ и развитіемъ преимущественно частнымъ лицамъ, а затѣмъ уже правительствамъ и законодателямъ. Главнѣйшими условіями, благопріятствующими распространенію и развитію этихъ учрежденій, служатъ: 1) возрастающее

распространеніе и развитіе чувства сострадательности къ ближнему; 2) возрастающее распространеніе и развитіе сознанія, что эти учрежденія, будучи средствомъ борьбы противъ нужды и бѣдности, полезны для народнаго благосостоянія; 3) возрастающее распространеніе и развитіе сознанія, что необходимо принять мѣры противъ рецедива и что учрежденія покровительства, при нѣкоторыхъ условіяхъ, по свидѣтельству статистики, дѣйствительно служатъ хорошимъ средствомъ къ предупрежденію преступленій со стороны освобожденныхъ изъ заключенія; 4) энергичность основателей и членовъ благотворительно-предохранительныхъ учрежденій; 5) опытность этихъ лицъ и 6) привычка въ народѣ къ этимъ учрежденіямъ.

III.

Учрежденіями благотворительнаго и учрежденіями благотворительно-предохранительнаго покровительства не исчерпывается вся область учрежденій покровительства освобожденнымъ изъ заключенія. Замѣтивъ, что учрежденія благотворительно-предохранительнаго покровительства служатъ хорошимъ средствомъ противъ рецидива преступленій, нѣкоторые законодатели сдѣлали обязательнымъ для нѣкоторыхъ освобожденныхъ изъ наказательнаго заключенія подвергаться покровительству, направленному къ удержанію человѣка отъ преступленія. Правда, эти законодатели не указали прямо и ясно, что обязательное покровительство должно быть лишь предохранительнымъ, т. е. должно быть направлено лишь къ тому, чтобъ предохранить народъ отъ новыхъ преступленій со стороны людей, освобожденныхъ изъ наказательнаго заключенія, внушающихъ опасеніе, что безъ нравственной, а въ случаѣ надобности, и матеріальной помощи на первое время по освобожденіи изъ заключенія, они не устоятъ отъ вступленія на преступный путь. Правда, эти законодатели не указали прямо, ясно и полно, въ чемъ именно должна состоять эта матеріальная и нравственная помощь. Но уже сдѣлавъ покровительство обязательнымъ для нѣкоторыхъ освобожденныхъ изъ наказательнаго заключенія и притомъ сдѣлавъ это съ цѣлью предупредить рецидивъ, эти законодатели заложили основаніе къ возникновенію и развитію учрежденій предохранительнаго покровительства, и на этой почвѣ, дѣйствительно, стали появляться въ нѣкоторыхъ государствахъ первыя, еще не развившіяся и мало распространенныя учрежденія предохранительнаго покровительства.

Первое учрежденіе предохранительнаго покровительства освобож-

деннымъ изъ наказательнаго заключенія явилось въ Швейцаріи [39]). 24-го ноября 1838 года въ кантонѣ Санъ-Галліенъ вышелъ законъ, 6-я статья котораго постановляла, что каждый, выпущенный изъ каторжной тюрьмы (Zuchthaus) по отбытіи присужденнаго наказанія, обязательно долженъ подвергаться покровительству, по меньшей мѣрѣ, въ теченіе 3 мѣсяцевъ, а по большей—въ теченіе 3 лѣтъ. Въ виду этого закона въ 1839 году въ Санъ-Галліенѣ образовалось частное общество, занявшееся обязательнымъ покровительствомъ. Впослѣдствіи обязанность подвергаться покровительству была распространена на каждаго, освобожденнаго изъ наказательнаго заключенія въ рабочемъ домѣ, и, наконецъ, по закону 2 декабря 1882 года—на каждаго, получившаго условный досрочный отпускъ изъ-подъ какого бы то ни было наказательнаго заключенія. Тутъ уже предохранительное покровительство соединилось съ условнымъ досрочнымъ отпускомъ. Примѣру Санъ-Галліенскаго кантона послѣдовали и два другихъ: Кларусъ—въ 1849 году и рейнскій Аппенцель—въ 1864 г. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ кантонѣ было учреждено по одному частному обществу, занимающемуся обязательнымъ покровительствомъ. Но какими способами должно производиться обязательное покровительство, чтобъ быть только предохранительнымъ, это—до сихъ поръ еще не выяснилось въ Швейцаріи. Тутъ обязательное покровительство производится тѣми же способами, какъ и благотворительно-предохранительное.

Вслѣдъ за Швейцаріей выступила впередъ Франція [40]). 5—12 августа 1850 года вышелъ законъ о воспитаніи и покровительствѣ малолѣтнимъ заключеннымъ. Онъ постановилъ, въ 19-й статьѣ, что всѣ выпущенники и выпущенницы изъ исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ поступаютъ подъ покровительство учрежденій общественнаго вспомоществованія на срокъ не менѣе 3 лѣтъ. Установивъ въ 19-й статьѣ обязательное покровительство несовершеннолѣтнимъ выпущенникамъ и выпущенницамъ изъ исправительныхъ заведеній, законъ, въ 21-й статьѣ, обѣщалъ опредѣлить позднѣе и самый способъ покровительства, но не выполнилъ этого обѣщанія до сихъ поръ. Что же касается до обществъ покровительства молодежи, освобожденной изъ заключенія, то ихъ существуетъ довольно много во Франціи [41]). Самое обширное изъ нихъ основано въ 1879 году въ Парижѣ по иниціативѣ Жоржа Бонжанъ. Оно называется главнымъ обществомъ покровительства покинутыхъ или виновныхъ дѣтей и находится въ цвѣтущемъ состояніи. Въ годъ учрежденія оно имѣло капитала лишь 4,600 фр., а къ концу 1885 г. 387,019 фр. Въ 1879 году оно ока-

зало покровительство 700 дѣтямъ, а въ 1885 году 2,830. Оно завело 36 дѣтскихъ заведеній покровительства. Оказывая обязательное покровительство малолѣткамъ, французскія общества дѣйствуютъ точно также, какъ дѣйствуютъ, оказывая благотворительно-предохранительное покровительство, такъ что типъ предохранительнаго покровительства не выработался еще и во Франціи.

За Франціей слѣдуетъ Англія [42]). По закону 10 августа 1866 года директорамъ наказательно-исправительныхъ школъ (reformatory schools) для преступныхъ малолѣтокъ вмѣняется въ обязанность оказывать въ теченіе 3-хъ лѣтъ покровительство освобожденнымъ изъ этихъ заведеній. Каково должно быть здѣсь обязательное покровительство, это не опредѣлено закономъ и не выяснено практикой. Англійское тюремное начальство [43]), желая предохранить взрослыхъ, выпускаемыхъ изъ наказательнаго заключенія, отъ впаденія въ новыя преступленія, самовластно, безъ всякаго полномочія со стороны закона, принуждаетъ этихъ лицъ поступать въ убѣжища, открытыя частными обществами покровительства.

За Англіею идетъ Россія. Высочайше утвержденное 5 декабря 1866 года мнѣніе Государственнаго Совѣта объ исправительныхъ пріютахъ постановляетъ, въ 11-й статьѣ, что «выпущенные изъ пріюта несовершеннолѣтніе должны состоять, въ теченіе опредѣленнаго срока, подъ покровительствомъ пріюта, который обязанъ оказывать имъ возможное содѣйствіе въ дѣлѣ устройства ихъ будущности» [44]). Цѣль этого покровительства есть предохранительная, но самый способъ покровительства не опредѣленъ закономъ и на практикѣ онъ мало распространенъ и развитъ. Наконецъ, въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ соединенныхъ штатахъ Сѣверной Америки отдѣльные законы установляютъ правило, что арестанты нѣкоторыхъ наказательныхъ тюремъ отпускаются въ условный досрочный отпускъ не иначе, какъ съ подчиненіемъ ихъ обязательному покровительству или со стороны начальства этихъ тюремъ, или со стороны начальства и частныхъ лицъ. Таковъ, напр., законъ штата Нью-Іоркъ 24 апрѣля 1877 года относительно исправительной тюрьмы въ городѣ Эльмирѣ [45]). Таковъ законъ штата Огійо 5 мая 1885 года [46]) относительно государственной тюрьмы въ городѣ Колумбусъ. А въ этихъ законахъ опредѣлено въ общихъ чертахъ и въ чемъ должно состоять покровительство. Оно должно состоять вообще въ матеріальной и нравственной индивидуальной помощи—остаться на честномъ пути и не впасть въ преступленіе. По Нью-Іоркскому закону 1877 года арестантъ, достойный условнаго досрочнаго отпуска, получаетъ его только тогда, когда начальникъ эльмирской тюрьмы удостовѣрится,

что у выпущенника будетъ постоянное занятіе, обезпечивающее средства къ существованію. Съ потерей такого занятія выпущенникъ возвращается въ тюрьму. Нужное занятіе должно быть найдено или самимъ директоромъ тюрьмы, или самимъ арестантомъ, или его родными, друзьями. Во время пребыванія въ условномъ досрочномъ отпускѣ выпущенникъ обязательно получаетъ нравственную поддержку отъ директора тюрьмы. Директоръ имѣетъ надзоръ за выпущенникомъ, смотритъ за доброкачественностью его поведенія и, какъ только замѣтитъ, что выпущенникъ становится на дурную дорогу, тотчасъ сажаетъ его обратно въ тюрьму. По Огійскому закону 5 мая 1885 года, арестантъ, достойный условнаго досрочнаго отпуска, получаетъ его не иначе, какъ послѣ того, какъ кто нибудь изъ почтенныхъ гражданъ штата Огійо пришлетъ начальнику тюрьмы письменное заявленіе, что онъ желаетъ взять даннаго арестанта къ себѣ въ работу, доставить ему прокормленіе и жилище, и готовъ исполнять всѣ предписанія относительно содержанія условно отпущенныхъ. Тогда арестантъ получаетъ условный досрочный отпускъ и во все время его состоитъ подъ постояннымъ надзоромъ какъ со стороны начальства, такъ и со стороны гражданина покровителя. За дурное поведеніе условный досрочный отпускъ отбирается назадъ, и выпущенникъ возвращается въ тюрьму. До сихъ поръ въ штатѣ Огійо не было еще ни одного случая, чтобъ арестантъ колумбской тюрьмы не нашелъ себѣ покровителя среди честныхъ гражданъ штата.

Бросая общій взглядъ на учрежденія предохранительнаго покровительства, нельзя не замѣтить, что до сихъ поръ они очень мало распространены и мало выработаны. Нѣкоторые изъ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ опередили своихъ сосѣдей и Европу, но тѣмъ не менѣе не исчерпали ни всѣхъ возможныхъ способовъ этого покровительства, ни всѣхъ лицъ, на которыя оно должно падать. Распространеніе и развитіе этихъ учрежденій есть дѣло будущаго.

Заканчивая очеркъ учрежденій покровительства освобожденнымъ изъ заключенія, нельзя не сказать, что распространеніе, развитіе и процвѣтаніе этихъ учрежденій ко благу народа зависитъ отъ дружныхъ усилій законодателя, правительства и общества. На законодателѣ лежитъ трудная задача опредѣлить въ общемъ видѣ устройства этихъ учрежденій соотвѣтственно интересамъ всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія. Правительству принадлежитъ важная обязанность постоянно и тщательно содѣйствовать введенію, распространенію и развитію этихъ учрежденій, согласно мысли законодателя.

А обществу принадлежитъ великое благородное дѣло—откликнуться широкимъ сочувствіемъ на призывъ законодателя и правительства и добровольно помочь государству людьми и средствами въ созиданіи учрежденій покровительства освобожденнымъ изъ заключенія. Сочувствіе и содѣйствіе общества—необходимыя условія успѣха. Гдѣ общество глухо, равнодушно къ призыву законодателя и правительства, тамъ при всемъ желаніи и стараніи ихъ, дѣло покровительства стоитъ на точкѣ замерзанія. Примѣромъ можетъ служить Бельгія. Уже съ 1835 года [47]) бельгійское законодательство и правительство употребляютъ всѣ усилія, чтобъ устроить въ Бельгіи покровительство освобожденнымъ изъ заключенія. Но общество—то упорно отказываетъ въ своей помощи, то ограничивается лишь слабымъ содѣйствіемъ, и въ концѣ концовъ оказывается, что въ Бельгіи до сихъ поръ почти вовсе нѣтъ подобныхъ учрежденій. А между тѣмъ въ Англіи и Голландіи [48]), при горячемъ сочувствіи и содѣйствіи общества, они процвѣтаютъ ко благу народа. Нѣтъ спора, велика и трудна задача общества. Дѣло идетъ не о мгновенномъ широкомъ порывѣ щедрости и героизма, но о постоянныхъ, докучливыхъ, будничныхъ затратахъ труда и денегъ. Зато велика и заслуга общества предъ лицомъ отечества и человѣчества. Освобожденіе собратій изъ когтей безнравственности и преступности есть великая побѣда свѣта надъ властью тьмы.

Подводя общій итогъ нашему изслѣдованію, мы видимъ, что учрежденія покровительства освобожденнымъ изъ заключенія бываютъ троякія. Одни—имѣютъ только одну цѣль—оказать добровольную помощь жаждущему ея, бѣдствующему, освобожденному изъ заключенія. Они являются только благотворительными. Другія—преслѣдуютъ двѣ цѣли: 1) оказать добровольную помощь жаждущему ея, бѣдствующему выпущеннику изъ заключенія и 2) помочь освобожденному удержаться отъ вступленія на преступную дорогу, если онъ самъ этого желаетъ. Эти учрежденія являются благотворительно-предохранительными. Наконецъ, третьи—стремятся только къ одной цѣли—помочь выпущенному изъ наказательнаго заключенія удержаться отъ новыхъ преступленій, независимо отъ его личнаго желанія или нежеланія пользоваться этой помощью. Эти учрежденія являются предохранительными. Учрежденія благотворительнаго покровительства возникаютъ съ 1776 года, учрежденія благотворительно - предохранительнаго — съ 1817 года и учрежденія предохранительнаго—съ 1838 года.

---

[1]) Karl Krauss. Die Gefangenen und die Verbrecher unter dem Einfluss des Christenthums. Blätter für Gefängnisskunde. XXV Band. I Heft. Heidelberg. 1889. S. 5—7.

[2]) Мысль о благотворительномъ покровительствѣ высказывается многими писателями, напр., Фойницкимъ (Ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ, С.-Петербургъ, 1889 г., стр. 491).

[3]) *Fuchs*. Die Vereins-Fürsorge zum Schutz für entlassene Gefangene in ihrer geschichtlichen Entwickelung während der letzten hundert Jahre. Heidelberg. 1888. Blätter für Gefängnisskunde. XXIII Band. Separat-Heft. *Его-же*— Allgemeines Schutzwesen in Holtzendorff's und Jagemann's Handbuch des Gefängnisswesens. Hamburg. 1888. II Band. 11 Buch. I Abschnitt.

[4]) Слѣдуетъ замѣтить, что по докладу Чарльса Силлимана Римскому международному тюремному конгрессу 1885 года первое учрежденіе покровительства освобожденнымъ изъ заключенія было основано въ Филадельфіи въ 1775 году. Actes du Congrès pénitentiaire international de Rome. Novembre 1885. Tome I. Rome. 1887, p. 471—472. Если въ докладѣ Силлимана нѣтъ опечатки относительно года, то возникаетъ вопросъ, кто ошибся въ годѣ, Фуксъ или Силлиманъ. Рѣшить это трудно, но вообще больше вѣроятности, что правда на сторонѣ Фукса, такъ какъ Фуксъ спеціально занимается изслѣдованіемъ вопроса о времени возникновенія патроната въ различныхъ странахъ, а Силлиманъ касается этого вопроса лишь мелькомъ.

[5]) Джонъ Говардъ жилъ съ 1726 года по 1790 г. Въ 1774 году онъ издалъ впервые свое знаменитое сочиненіе: The state of the prisons in England and Wales with preliminary observations and an account of some foreign prisons; см. Holtzendorff und Jagemann Handbuch des Gefängnisswesens. Hamburg. 1888, I, Band. 2. Buch. I Abschn., § 8. S. 91, Bem. 1.

[6]) Fuchs, въ Holtzendorff's und Jagemann's Handbuch, II. Band. 11 Buch. I Abschn. § 2. S. 355. Bem. 9.

[7]) Fuchs, Die Vereins-Fürsorge. S. 18.

[8]) Aschrott. Strafensystem und Gefängnisswesen in England. Berlin und Leipzig. 1887. S. 268.

[9]) Fuchs, Die Vereins-Fürsorge S. 84.

[10]) Fuchs, ibid. S. 84.

[11]) Actes du Congrès pénitentiaire intern. de Rome (1885). Rome 1887. Tome II. 1-ère partie, p. 484.

[12]) Никитинъ. Тюрьма и ссылка. 1880, стр. 406—407.

[13]) *Fuchs*. Die Vereins - Fürsorge. S. 13; *Aschrott*. Strafensystem und Gefängnisswesen in England. S. 76.

[14]) Fuchs. Ibid. S. 13. Aschrott Ibid. 76.

[15]) Aschrott. Ibid. 76—77.

[16]) Fuchs Ibid. S. 58.

[17]) Fuchs in Holtzendorff's und Jagemann's Handbuch des Gefängnisswesens. II B. S. 362—363, mit. Bem. 7, 8, 9, S. 364.

[18]) Fuchs. Die Vereins-Fürsorge. S. 94.

[19]) Fuchs. Ibid. S. 47.

[20]) Fuchs. Ibid. S. 38.

[21]) Actes du Congrès. Tome II, 1-ère partie, p. 286—287.

[22]) Fuchs. Die Vereins-Fürsorge S. 18—19.

[23]) Fuchs. Ibid. S. 82.

[24]) Actes du Congrès. Tome II. 2-ème partie, p. 483, et note 1, p. 484, 575.

[25]) *Actes* du Congrès. T. II. 1-ère partie, p. 483—484. *Fuchs.* Die Vereins-Fürsorge. S. 84.

[26]) Actes du Congrès. Tome II. 1-ère partie, p. 237—238.

[27]) Никитинъ. Тюрьма и ссылка, стр. 416—421.

[28]) Никитинъ. Ibid. 421—442.

[29]) Н. К. Ермолинъ. Дѣти-преступники. С.-Петербургъ 1889, стр. 5—13.

[30]) Ермолинъ. Ibid, стр. 14.

[31]) Уставъ московскаго общества пособія несовершеннолѣтнимъ, освобожденнымъ изъ заключенія. Москва. 1888. Отчетъ комитета за 1885—86 г., стр. 3—7.

[32]) Ермолинъ. Дѣти-преступники, стр. 14.

[33]) Fuchs. Die Vereins-Fürsorge. S. 93.

[34]) Fuchs. Ibid. S. 101. Actes du Congrès. Tome II. 2-ème partie, p. 483, 545, 575, 576. Фуксъ неправильно принимаетъ общество попеченія о мадридскихъ тюрьмахъ за общество попеченія объ освобожденныхъ изъ мадридскихъ тюремъ.

[35]) *Fuchs.* Die Vereins-Fürsorge. S. 6—10. *Actes du Congrès.* Tome II. 1-ère partie, p. 745. *Галкинъ.* Матерьялы къ изученію тюремнаго вопроса. Петербургъ. 1868 г., стр. 4—5.

[36]) Aschrott. Aus dem Strafen - und Gefängnisswesen Nordamerikas. Sammlung gemeinverständlicher wissenschaftlicher Vorträge. Heft. 76. Hamburg. 1889. S. 56.

[37]) Указаніе на благотворительно-предохранительное покровительство встрѣчаются у многихъ писателей, напр., у *Fuchs'а* Allgemeines und Schutzwesen in Holtzendorff's und Jagemann's Handbuch des Gefängnisswesens. Hamburg 1888. II B. cap. II Buch. I Abschn. cap. II § 8. s 368 — 370; у *Фойницкаго* Ученіе о наказаніи. С.-Петербургъ 1889, стр. 491—496, у *William'а Tallack'а* Penological and preventive principles. London 1889, p. 259—261, 269—271.

[38]) *Fuchs.* Die Vereins-Fürsorge. *Fuchs.* Schutzwesen in Holtzendorff's und Jagemanns's Handbuch. II Band, 11 Buch, I Abschnitt. *Actes du Congrès pénitentiaire* international de Rome. Tome II. 1-ère partie, p. 178, 299, 308—309; 2-ème partie, p. 483—484, 541—546, 574—576. *Eleventh report* of the commissioners of prisons with appendices (for the year ended 31-st March, 1888). London. 1888, §§ 86—87, p. 22. Appendix, № 18, p. 139—141. *Krohne.* Lehrbuch der Gefangniskunde. Stuttgart. 1889. S. 281, Bemerk. 5. *William Tallack.* Penological and preventive principles. London. 1889. S. 259—271. *Фойницкій* — Ученіе о наказаніи, стр. 496 — 500. *Никитинъ*—Тюрьма и ссылка, стр. 416—442.

Вотъ приблизительный сводъ данныхъ, по вышеприведеннымъ источникамъ:

Великобританія. Въ Англіи съ Валлисомъ, по свидѣтельству отчета за 1887 — 88 годы, существуетъ 63 спеціальныхъ общества, посвященныхъ покровительству, да кромѣ того, по свидѣтельству Фукса за 1887 — 88 годы, 42 другихъ общества оказываютъ покровительство. Кроне говоритъ, что въ Англіи есть около 70 спеціальныхъ обществъ покровительства. Таллакъ свидѣтельствуетъ, что въ Англіи съ Валлисомъ существовало въ 1888 году около 70 обществъ покровительства. Въ Англіи съ Валлисомъ при каждой не каторжной тюрьмѣ существуетъ, по меньшей мѣрѣ, по одному обществу покровительства или же по иному покровительствующему учрежденію. Нѣкоторыя

изъ этихъ обществъ покровительствуютъ и освобожденнымъ изъ каторжныхъ тюремъ. Каторжныхъ тюремъ 11. *Въ Шотландіи*, по свидѣтельству Фукса, было въ 1885 году 6 обществъ покровительства, а въ *Ирландіи*—2.

Голландія. Въ Голландіи въ 1885 г. (Actes du Congrès) покровительство производилось главнымъ обществомъ нравственнаго исправленія заключенныхъ и многочисленными повсемѣстными отдѣленіями этого общества. По свидѣтельству же Фукса, въ Голландіи въ 1885 г. существовало 35 покровительствующихъ частныхъ союзовъ.

Германская имперія. Въ Германской имперіи въ 1887 г., по свидѣтельству Фукса, существовало болѣе 208 обществъ покровительства, но счесть всѣ ихъ не возможно по отсутствію точныхъ статистическихъ свѣдѣній. Въ это время было: въ *Виртембергѣ* одно главное центральное общество покровительства, по меньшей мѣрѣ, съ 64-мя мѣстными отдѣленія; въ *Баденѣ*—болѣе 61 покровительственнаго общества съ центральнымъ органомъ управленія во главѣ; въ *Саксоніи*—главное центральное общество покровительства съ 37-ю мѣстными отдѣленіями; въ *Пруссіи*—28 обществъ покровительства; въ *Мекленбургѣ*—6; въ *Баваріи*—5; въ *Эльзасъ-Лотарингіи*—2; въ *Брауншвейгѣ, Бременѣ, Гамбургѣ, Гессенъ-Дармштатѣ, Саксенъ-Веймарѣ и Саксенъ-Кобургъ-Готѣ* по 1-му; въ *Любекѣ, Ольденбургѣ и Рейссѣ*—ни одного.

Финляндія. Въ Финляндіи, по свидѣтельству Фукса, данному въ 1887—88 г., существуетъ главное общество покровительства въ Гельзингфорсѣ съ мѣстными отдѣленіями во всѣхъ 8 городахъ, гдѣ есть тюрьмы.

Франція. Во Франціи, по свидѣтельству Фукса, было въ 1880 г. 65 обществъ покровительства и 9 готовились къ открытію.

Въ Швейцаріи, по свидѣтельству Фукса, данному въ 1887—88 году, существуетъ болѣе 15 обществъ покровительства.

Въ Швеціи, по свидѣтельству актовъ римскаго международнаго тюремнаго конгресса (Actes. Tome II. 2-ème partie, p. 574), существовало въ 1885 году, 15 обществъ покровительства: 1 центральное и 14 провинціальныхъ. Фуксъ, говоря о Швеціи въ своемъ сочиненіи 1888 года, насчитываетъ въ Швеціи 14 обществъ покровительства.

Въ Норвегіи, по свидѣтельству Фукса, данному въ 1888 году, существуетъ 8 обществъ покровительства.

Въ Даніи, по свидѣтельству актовъ конгресса за 1885 годъ (Actes. Tome II. 1-ère partie, p. 299, 308—309) и по свидѣтельству Фукса за 1881—85 г., существуетъ 5 обществъ покровительства.

Въ Италіи въ 1880 г., по свидѣтельству Фукса, существовало 14 обществъ покровительства, а 19 готовились къ открытію. По свидѣтельству актовъ римскаго конгресса, въ 1885 году существовали общества покровительства почти во всѣхъ главныхъ итальянскихъ городахъ (Actes. Tome II. 1-ère partie, p. 178, 2-ème partie, p. 483, 484, 575—576), и такихъ обществъ, по свидѣтельству Фукса, было 15.

Въ Соединенныхъ Штатахъ сѣверной Америки, по свидѣтельству Фукса, данному въ 1888 году, существуетъ 30 обществъ, занимающихся между прочимъ покровительствомъ.

Австрійская имперія. Въ Австріи, по свидѣтельству актовъ римскаго конгресса, было въ 1885 году 7 обществъ покровительства, а въ *Венгріи*—три (Actes. Tome II. 2-ème partie, p. 574).

Въ Россіи въ 1889 году три покровительственныхъ общества: Петербургское, основанное въ 1879 году, съ отдѣленіемъ во Псковѣ, открытымъ въ 1886 г., Варшавское—въ 1880 г. и Московское въ 1885 году, да кромѣ того благотворительно - предохранительнымъ покровительствомъ занимаются Петербургскіе тюремные комитеты, дамскій — съ 1872 г. и мужской — съ 1875 г. (Фуксъ, Фойницкій, Никитинъ, Ермолинъ, уставъ московскаго общества пособія несовершеннолѣтнимъ, освобожденнымъ изъ заключенія).

Въ Испаніи, по свидѣтельству актовъ римскаго конгресса 1885 г. (tome II. 2-ème partie, p. 545), нѣтъ спеціальныхъ обществъ покровительства, но покровительство производится обществомъ попеченія о мадридскихъ тюрьмахъ (p. 575). Фуксъ же утверждаетъ, что въ 1879 г. въ Мадритѣ основано общество покровительства освобожденнымъ изъ заключенія (Die Vereins-Fürsorge, S. 101). Фуксъ явно путаетъ, принимая мадридское общество попеченія о тюрьмахъ за общество покровительства освобожденнымъ изъ заключенія.

39) *Fuchs.* Die Vereins-Fürsorge, S. 94—99. *Fuchs.* in Holtzendorff's Handbuch. II Band, II Buch, Abschn. I. § 5. IV Bem. 15. *Jagemann.* Schweiz, in Holtzendorff's und Jagemann's Handbuch des Gefangnisswesens. I Band, II Buch. Abschnitt. III. 1 Capitel, § 2. IV. § 5. Bem. 4, 5.

40) *Ortolan.* Eléments de droit pénal. 4-ème édition. Paris. 1875. Tome II. § 1541. Note 1. *Кистяковскій.* Молодые преступники, 1878, стр. 73—75.

41) Fuchs. Die Vereins-Fursorge, p. 78—79.

42) Aschrott. Strafensystem und Gefängnisswesen in England, p. 111.

43) Фойницкій. Ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ, стр. 412.

44) Фойницкій. Ibid. 477—478.

45) Aschrott. Aus dem Strafen- und Gefängnisswesen Nordamerikas S. 19—20, 26—29.

46) Aschrott. Ibid. S. 53—55.

47) Actes du Congrès. Tome II. 1-ère partie. p. 335—337. Fuchs — Die Vereins-Fürsorge. s. 66—67.

48) См. выше примѣчаніе 38-е: Великобританія, Голландія.

П. Пусторослевъ.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА И ЕЯ КРИТИКИ.

(Замѣтки по поводу статей г. Обнинскаго).

Въ мартовской и апрѣльской книгахъ «Журнала гражданскаго и уголовнаго права» напечатаны сопровожденныя сочувственнымъ отзывомъ почтенной редакціи статьи г. Обнинскаго, озаглавленныя «Иллюзіи позитивизма». Въ этихъ статьяхъ, предназначенныхъ, повидимому, содѣйствовать отрезвленію преимущественно нашей мало подготовленной молодежи отъ увлеченій разрушительной теоріей изъ области научной мысли, про антропологическую школу уголовнаго права разсказывается столько ужаснаго, что незнакомый съ нею читатель можетъ пожалуй подумать, что сама эта школа зародилась гдѣ нибудь въ тюремномъ вертепѣ самаго глубокаго нравственнаго развращенія. Въ статьяхъ разсказывается и о «противоестественномъ союзѣ благороднѣйшихъ замысловъ съ самыми низменными вожделѣніями», и о «холодѣ, мракѣ и отчаяніи», которые «ждутъ насъ на концѣ погребальнаго шествія къ готовящейся могилѣ лучшихъ и благороднѣйшихъ идеаловъ «человѣчности», и о «множествѣ хищническихъ рукъ, въ потемкахъ тянущихся для расхищенія нашего (спеціально русскаго) умственно нравственнаго капитала» и уже расхищающихъ его «неприкосновенный фондъ», и объ «освобожденіи (подъ вліяніемъ ученій позитивизма) отъ несносныхъ этическихъ путъ», и объ «ученіяхъ, угрожающихъ общественной добродѣтели» и пускается въ ходъ еще многое множество и другихъ—да проститъ мнѣ г. Обнинскій мое выраженіе—громкихъ, но едва ли содержательныхъ фразъ.

Подобные критическіе пріемы заставили меня очень позадуматься надъ тѣмъ, должно ли отвѣчать на такія статьи? Я, было, склонялся въ пользу отрицательнаго отвѣта, невольно подсказывавшагося чувствомъ, и только слишкомъ значительная тяжесть обвиненій, смѣло, авторитетно, безъ всякихъ колебаній и сомнѣній разсылаемыхъ съ печатныхъ столбцевъ противъ антропологической школы уголовнаго права, заставила взяться за перо.

Я знаю, что мнѣ предстоитъ весьма непріятная задача. Но условія борьбы, ведущейся въ настоящее время между старымъ и пока еще господствующимъ направленіемъ—классической школой уголовнаго права—и направленіемъ новымъ—антропологической его школой—вынуждаютъ сторонниковъ послѣдней не пренебрегать никакими нападками. По поводу новаго направленія нерѣдко приходится читать и слышать сужденія, ясно указывающія на крайне невѣрное пониманіе даже основныхъ его положеній. А между тѣмъ вопросы уголовнаго права—вопросы жизненные и практическіе, всегда интересовавшіе все общество, которое такъ или иначе принимало участіе въ ихъ разрѣшеніи. Поэтому каждое научное направленіе, особенно только еще недавно возникшее, должно всегда разсчитывать въ этихъ вопросахъ не на однихъ спеціалистовъ, но и на большую публику вообще. Только подъ условіемъ яснаго пониманія постановки вопросовъ уголовнаго права съ ея стороны возможно вліяніе научныхъ взглядовъ на практику жизни. Вотъ причина, почему я отвѣчаю г. Обнинскому.

Въ своихъ статьяхъ г. Обнинскій, въ своемъ качествѣ юриста, рекомендуется читателямъ, «служителемъ правды и права» и, вѣроятно, въ силу того считаетъ возможнымъ въ «интересахъ права и справедливости, неразлучныхъ съ благосостояніемъ какъ народныхъ массъ, такъ и личности человѣческой», властно громить «отживающую и веселую теорію», т. е., антропологическую школу, которая будто бы устами нѣкоторыхъ своихъ представителей «*ратоборствуетъ* за тунеядныхъ сибаритовъ и всеобщую безотвѣтственность». Онъ не колеблясь приписываетъ ей самое развращающее вліяніе во всѣхъ направленіяхъ и даже доходитъ до того, что называетъ ее «ученіемъ, угрожающимъ общественной добродѣтели». Онъ считаетъ ее крайне опасной и при томъ съ самой важной стороны — со стороны нравственности и главнымъ образомъ со стороны нравственности подростающаго молодаго поколѣнія, которое, по его словамъ, лишено сколько нибудь спасительнаго руководства. Не мудрено поэтому, что «освобожденное отъ разбитыхъ идеаловъ, умственно обезсиленное переутомляющимъ классицизмомъ, нахально-скептически относящееся къ живому слову, изрѣдка еще раздающемуся съ университетскихъ кафедръ и не вполнѣ замершему въ литературѣ, наше молодое поколѣніе, утрачивая любовь и волю, внѣ которыхъ, по прекрасному выраженію Бурже, «настоящее разлагается, а будущность умираетъ», охотно воспринимаетъ всякое ученіе, которое, *подобно уголовному позитивизму*, позволяетъ ему со спокойной совѣстью «наслаждаться и преуспѣвать», не признавать, ни «добра, ни зла, ни красоты, ни безобразія, ни добродѣтелей, ни пороковъ, ни истины, ни лжи, ни нравственнаго, ни безнравственнаго, и преклоняться только передъ своимъ собственнымъ я». Это ученіе, не требующее никакихъ особенныхъ умственныхъ напряженій, потворствующее всѣмъ инстинктамъ животной природы человѣка, убаюкивающее заурядную совѣсть, до-

ступно пониманію каждаго». Не мудрено также, что въ виду столь угрожающаго положенія г. Обнинскій со всей энергіей бьетъ тревогу и призываетъ всѣхъ юристовъ на борьбу съ растлѣвающимъ ученіемъ, «саморазвѣнчанный глава» котораго, т. е. несчастный проф. Lombroso, будто бы уже покаялся и принесъ повинную.

Итакъ, оказывается, монополія нравственности принадлежитъ г. Обнинскому. Посмотримъ, однако, насколько эта монополія присвоивается критикомъ основательно. Для этого обратимся къ ближайшему разсмотрѣнію содержанія его статей.

Онѣ главнымъ образомъ направлены противъ одной изъ моихъ хроникъ уголовнаго суда и противъ послѣдняго выпуска моей работы, озаглавленнаго «Психофизическіе типы». Ихъ болѣе подробному обзору я позволю себѣ предпослать одно только предварительное замѣчаніе.

Отъ всякой серьезной критической статьи, особенно отъ такой, которая выступаетъ противъ цѣлаго научнаго направленія съ тяжкими обвиненіями въ безнравственности, развращеніи и угрозахъ общественной добродѣтели, можно и должно требовать, чтобы авторъ ея по меньшей мѣрѣ хорошо зналъ обсуждаемый предметъ. Я же беру на себя смѣлость утверждать, что г. Обнинскій не только не знаетъ предмета, подвергающагося ударамъ его критики, но даже правильно и не уясняетъ себѣ новаго направленія въ уголовномъ правѣ, т. е. антропологической его школы. Чтобы не оставаться голословнымъ, приведу доказательства своего утвержденія.

Въ отдѣльныхъ работахъ послѣдователей новаго направленія, которое уже имѣетъ довольно обширную литературу, конечно, встрѣчается не мало частныхъ промаховъ и ошибокъ. Иначе и быть не можетъ въ столь сложномъ вопросѣ, какъ вопросъ о человѣческой преступности и ея факторахъ, который при томъ же только еще началъ правильно изучаться и изслѣдоваться. Здѣсь я повторю то, что уже сказалъ однажды. «Безъ частныхъ промаховъ невозможно при проложеніи новыхъ путей. Не ошибается лишь тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Ошибки и промахи неизбѣжны въ развитіи всякой отрасли знанія. Въ исторіи каждой изъ таковыхъ мы всегда найдемъ не мало ошибокъ, которыя являются какъ бы необходимыми этапами на пути къ достиженію истины». Но вѣдь само научное направленіе, сама научная школа вовсе не тождественна съ тѣмъ или другимъ научнымъ сочиненіемъ, напр. «Uomo delinquente». Она не тождественна и съ тѣмъ или другимъ ученымъ писателемъ, Lombroso, Garofalo, Ferri и т. д. Нѣтъ, она представляетъ собою то общее, ту сумму основныхъ общихъ положеній и методовъ, которые объединяютъ множество научныхъ работъ, множество изслѣдователей и придаютъ ихъ совокупности значеніе особаго научнаго направленія, особой научной школы. Поэтому, когда обсуждаютъ не ту или другую научную работу, не того или другаго ученаго писателя, а то или иное научное направленіе вообще, когда оцѣниваютъ его вліяніе, какъ это дѣлаетъ г. Обнинскій, тогда выдѣляютъ

частное отъ общаго и обращаются къ положеніямъ основнымъ, къ пріемамъ и методамъ, которые только и придаютъ ему значеніе особой научной школы. Вотъ эти-то основныя положенія уголовно-антропологической школы и не усвоены г. Обнинскимъ, который тѣмъ не менѣе не задумывается высказывать о школѣ свой рѣшительный приговоръ. Посмотримъ же, каковы эти положенія?

Исходя отъ строго установленнаго факта существованія постоянной и неразрывной связи между физическимъ и психическимъ, антропологическая школа утверждаетъ, что всѣмъ безъ исключенія особенностямъ психическимъ, а въ томъ числѣ и тѣмъ изъ нихъ, которыя, подъ вліяніемъ конечно, извѣстныхъ, условій, наталкиваютъ человѣка на преступленіе и обусловливаютъ совершеніе послѣдняго, соотвѣтствуютъ и опредѣленныя особенности физическія или органическія. Однѣ изъ этихъ особенностей — особенности болѣе стойкія, наслѣдственно передаваемыя въ теченіи одного или нѣсколькихъ поколѣній; другія же — особености благопріобрѣтенныя въ болѣе или менѣе отдаленный періодъ жизни и потому болѣе или менѣе легко измѣняемыя. Вотъ эти-то органическія особенности, находящіяся въ соотвѣтствіи съ особенностями психическими, антропологическая школа уголовнаго права и стремится изучить по отношенію къ преступникамъ вообще и ихъ различнымъ разновидностямъ въ частности. Она изучаетъ этихъ дѣйствительныхъ преступниковъ не умозрительно, а при помощи всѣхъ точныхъ научныхъ методовъ, съ помощью которыхъ изучаются и всѣ другія естественныя явленія. Такое стремленіе и такіе пріемы является необходимымъ послѣдствіемъ современнаго развитія психологіи, или, правильнѣе, психофизіологіи и психіатріи, которыя по отношенію къ каждому душевному явленію и каждому душевному разстройству и уклоненію, какъ бы незначительны они не были, всегда исходятъ отъ органической основы, — отъ неизмѣнно сопутствующихъ тѣхъ или иныхъ органическихъ процессовъ. Такое пріурочиваніе составляетъ собою основное положеніе этихъ наукъ; оно является результатомъ всего ихъ предшествующаго научнаго опыта.

Исходя отъ того же научнаго опыта, антропологическая школа признаетъ далѣе, что всѣ психофизическія особенности, а слѣдовательно и тѣ изъ нихъ, которыя обусловливаютъ наклонность къ преступленіямъ, не суть какія-либо первичныя явленія, явленія безфакторныя. Напротивъ, она видитъ въ нихъ болѣе или менѣе медленно слагавшіеся результаты всей суммы внѣшнихъ воздѣйствій, исходившихъ отъ окружающей среды, которой по отношенію къ человѣку вообще и преступнику въ частности является общественная среда въ связи, конечно, и съ окружающею ихъ естественной средою. Всѣ эти многообразные факторы, иногда весьма медленно вырабатывающіе наклонность къ преступленію, антропологическая школа и стремится тщательно изучить и тѣмъ самымъ раскрыть истинный генезисъ человѣческой преступности.

Наконецъ, исходя отъ особенностей всей суммы изученныхъ факторовъ

преступности, антропологическая школа стремится указать и дѣйствительныя мѣры для борьбы съ преступленіемъ. Въ средѣ этихъ мѣръ первое мѣсто, согласно основному воззрѣнію школы, отводится мѣрамъ широкаго предупрежденія, направленнымъ къ возможному устраненію всѣхъ жизненныхъ невзгодъ и общественныхъ неправдъ, обусловливающихъ нарожденіе несчастныхъ и порочныхъ психофизическихъ организацій, наклонныхъ къ пороку и преступленію. Второе мѣсто принадлежитъ уже различнымъ мѣрамъ репрессіи, направляющимся на самого преступника по поводу совершенныхъ ихъ преступленій. Основная цѣль послѣднихъ мѣръ— огражденіе общества путемъ устраненія или достаточнаго ослабленія порочныхъ особенностей дѣятеля преступленія, а въ случаѣ невозможности— путемъ его изоляціи изъ общества. Для этихъ мѣръ репрессіи, по воззрѣнію школы, не можетъ быть *напередъ* количественнаго и качественнаго опредѣленія. Здѣсь все должно зависѣть отъ индивидуальныхъ особенностей каждаго случая. Мѣры репрессіи, по отношенію къ каждому данному преступнику, должны длиться или прекращаться въ зависимости отъ продолжающагося существованія или отъ прекращенія надобности въ нихъ.

Таковы въ самыхъ общихъ чертахъ пріемы и наиболѣе основныя положенія антропологической школы, очевидно способныя и предназначенныя къ дальнѣйшей научной разработкѣ и развитію въ широкообъемлющую научную систему. Всякому, понимающему истинное значеніе этихъ положеній, должно быть ясно, что они не могутъ быть пріурочиваемы ни къ опредѣленному лицу или лицамъ, ни къ опредѣленной странѣ и мѣстности. *Они суть всеобщія научныя положенія, являющіяся результатомъ всего хода научнаго развитія*, а потому они гуманны и плодотворны, какъ и сама наука, дающая возможность все понимать, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и все прощать, хотя и не оставаться бездѣятельнымъ въ отношеніи зла, но энергично бороться съ нимъ и разумно устранять его. Если эти положенія, поскольку они являются и основными положеніями антропологической школы уголовнаго права, и пріурочиваютъ къ имени проф. Lombroso и къ Италіи, то только потому, что въ послѣднее время пр. Lombroso и его италіанскіе сотрудники много поработали въ этомъ направленіи. Высказывались же они гораздо ранѣе даже въ примѣненіи къ преступникамъ въ той же Франціи Gall'емъ, Morel'емъ, Despin'омъ и т. д., а потому они и не могли зародиться подъ «благодатнымъ небомъ Италіи», какъ это угодно утверждать г. Обнинскому.

Всякому, знакомому съ ходомъ научнаго развитія, должно быть ясно также, что теорія, разрабатывающаяся такими методами и зиждущаяся на такихъ положеніяхъ, никакъ не можетъ быть названа «отживающей и сходящей со сцены». Положенія эти представляютъ собою результатъ вѣковаго научнаго развитія, и основывающейся на нихъ научной теоріи въ значительной мѣрѣ принадлежитъ настоящее и несомнѣнно еще полнѣе будетъ принадлежать будущее, которому суждено сдѣлать научное знаніе регуляторомъ всѣхъ жизненныхъ отношеній.

Послушаемъ теперь, что разсказываетъ объ антропологической школѣ г. Обнинскій. Онъ сообщаетъ, что эта школа, «ограниченная въ основномъ замыслѣ композитора (?) и бѣдная глубиною своего содержанія, замкнутаго *исключительно субъективною стороною явленія* (такъ ли это?), доживаетъ свои дни въ Италіи, что самый ея «*методъ изслѣдованія заподозрѣнъ*», «благодаря» «новѣйшимъ провѣрочнымъ изслѣдованіямъ (любопытно было бы знать, какимъ именно?)», что она разбита на голову въ Парижѣ во время международнаго криминально-антропологическаго конгресса, на которомъ «самъ знаменитый творецъ уголовной теоріи крайняго позитивизма, д-ръ Ломброзо, принесъ публичное покаяніе въ своихъ ошибкахъ, и большинство высказалось за соціальную теорію происхожденія преступности». Въ подтвержденіе дѣлаются едва ли удачныя ссылки на проф. Лакассань и Манувріе.

Смѣю увѣрить г. Обнинскаго, что приведенныя утвержденія въ этой ихъ формѣ — плодъ странной и непріятной для него ошибки, а отчасти и невѣрнаго пониманія. Я утверждаю, а г. Обнинскаго приглашаю доказать противное на основаніи подлинныхъ текстовъ, что основныя положенія антропологической школы, какъ это можно предвидѣть и напередъ, вышли съ парижскаго конгресса вполнѣ нетронутыми. Болѣе или менѣе серьезные научныя контроверсы, какъ и на всякомъ конгрессѣ, конечно имѣли мѣсто, но контроверсы въ предѣлахъ основныхъ положеній школы. Даже наиболѣе ярый противникъ проф. Lombroso на конгрессѣ — проф. Manouvrier, возстававшій противъ установленнаго проф. Lombroso *анатомически* особаго (это выраженіе, подчеркнутое самимъ проф. Manouvrier, я прошу замѣтить читателя) *преступнаго типа*, заявилъ съ самаго начала, что «тѣсное и неразрывное соотношеніе между физіологіей, включая и психологію, и анатоміей внѣ всякаго спора, исключая какъ со стороны невѣжественныхъ метафизиковъ». Рѣзко критикуя употребленный пріемъ обобщенія раздѣльныхъ признаковъ, установившій этотъ анатомически особый преступный типъ, проф. Manouvrier признавалъ въ то же время, что человѣкъ «всегда реагируетъ (на воздѣйствія внѣшней среды) соотвѣтственно своей организаціи», а потому онъ и допускалъ возможность рѣшенія анатомо-физіологической проблемы въ вопросѣ о наклонности къ преступленію. По его мнѣнію, при этомъ едва ли бы встрѣтилась надобность вводить сложный соціальный элементъ—преступность и честность. Напротивъ, необходимо было бы предварительно, вмѣстѣ съ соотвѣтствующимъ анатомическимъ анализомъ, вести и психологическій анализъ достоинствъ и недостатковъ, болѣзненныхъ и нормальныхъ влеченій вообще и только уже затѣмъ указать, какъ тѣ или другія неблагопріятныя особенности могли и должны были отражаться въ общественной дѣятельности человѣка, конечно, всегда развивающейся подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ данныхъ условій.

Другой крупный противникъ проф. Lombroso, д-ръ Magnan прямо заявилъ, обращаясь къ нему на своей конфференціи: «Съ тѣхъ поръ, какъ

вы признали, что прирожденный преступникъ есть существо патологическое, вырождающееся, между нами существуетъ полное согласіе».

Далѣе г. Обнинскій, не ограничиваясь однимъ утвержденіемъ, что позитивная школа была разбита на голову въ Парижѣ, сообщаетъ еще безъ всякихъ дальнѣйшихъ поясненій, что признанный глава ея, проф. Lombroso, принесъ будто бы на конгрессѣ «публичное покаяніе въ своихъ ошибкахъ». Въ этой своей формѣ, это—странное утвержденіе, которое едва ли у мѣста въ сколько нибудь серьезной статьѣ.

Какъ извѣстно, основное стремленіе работъ проф. Lombroso состоитъ въ томъ, чтобы указать органическія условія преступности. Спрашивается, что же проф. Lombroso послѣ конгресса отступился что ли отъ этого стремленія и призналъ его ошибочность? Конечно, ничуть не бывало. Стоитъ только сравнить хотя бы французское изданіе его основнаго сочиненія, вышедшее ранѣе конгресса въ 1887 г., съ послѣдующимъ италіанскимъ изданіемъ, чтобы убѣдиться, что это послѣднее представляетъ собою только исправленное и дополненное изданіе перваго. Правда, на конгрессѣ проф. Lombroso, между прочимъ, заявилъ въ своей рѣчи—и такое заявленіе дѣлаетъ ему честь, какъ ученому—что онъ иногда ошибался въ своихъ заключеніяхъ и дѣлалъ спѣшные выводы. Говоря это, онъ, конечно, имѣлъ въ виду не основные, а различные частные выводы и положенія, а потому такое заявленіе, само собою разумѣется, никакъ не можетъ быть названо громкимъ именемъ «публичнаго покаянія» «саморазвѣнчаннаго главы отживающей теоріи», особенно на ряду съ разсказомъ о какомъ-то пораженіи на голову цѣлаго научнаго направленія, какъ это дѣлаетъ г. Обнинскій.

Проф. Lombroso посвятилъ свои силы изученію чрезвычайно обширнаго, сложнаго и труднаго психолого-соціальнаго вопроса. Онъ собралъ обширный и богатѣйшій матеріалъ и примѣнилъ при его изученіи точные методы изслѣдованія, что и составляетъ его неумирающую научную заслугу. Что же удивительнаго, что въ такой громадной работѣ, впервые предпринятой въ такихъ предѣлахъ, онъ иногда слишкомъ торопился, приходилъ къ невѣрнымъ частнымъ выводамъ, дѣлалъ нѣкоторыя спѣшныя обобщенія и иногда давалъ неправильныя частныя объясненія изучавшимся фактамъ? Такія частныя ошибки въ объясненіяхъ далеки отъ того, чтобы подорвать значеніе основныхъ положеній, пріемовъ и основнаго направленія работы. Равнозначныя имъ ошибки встрѣчались и встрѣчаются и въ другихъ областяхъ знанія, не уничтожая научнаго значенія послѣднихъ.

Разсказавъ своимъ читателямъ о пораженіи на голову уголовно-антропологической школы, г. Обнинскій увѣряетъ, что къ намъ теперь началъ проникать какой-то свѣтъ изъ Парижа. «Отрадно прислушиваться», говоритъ онъ, «къ ободряющимъ, мощнымъ голосамъ изъ той благородной страны, откуда искони авторитетно поднималась защита правъ человѣка, гдѣ разбивалось столько физическимъ и моральныхъ цѣпей, вѣками то-

мившихъ его, и которой, на этотъ разъ, выпала почетная доля снять двойныя оковы, наложенныя италіанскимъ позитивизмомъ и на павшую личность человѣческую и на тѣхъ, кто рвался на помощь къ ней, вѣрилъ въ возможность спасенія и мужественно бился съ враждебными антилоціальными условіями, ставшими гнѣздилищемъ преступленія».

Въ виду столь рѣшительнаго утвержденія г. Обнинскаго, попытаемся прислушаться, какіе же голоса къ намъ доносятся изъ Парижа по интересующему насъ вопросу.

Однимъ изъ такихъ голосовъ несомнѣнно надо признать сравнительно недавно появившуюся спеціальную работу д-ра Laurent [1]), бывшаго ординатора центральной больницы парижскихъ тюремъ, работу, представляющую громадное собраніе фактовъ и снабженную весьма краснорѣчивымъ предисловіемъ того самого проф. Lacassagne, на котораго съ такою удивительною увѣренностью ссылается г. Обнинскій. Въ началѣ одной изъ главъ, посвященной «нравственно помѣшаннымъ и прирожденнымъ преступникамъ», д-ръ Laurent замѣчаетъ: «Нравственно помѣшанные и прирожденные преступники дѣйствительно суть члены одной и той же семьи». «Я полагаю, вмѣстѣ съ Lombroso, что невозможно отличить нравственно помѣшаннаго отъ прирожденнаго преступника». Въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ приводитъ тщательныя наблюденія тѣхъ и другихъ и въ заключеніе своей работы говоритъ: «Я показалъ тюрьмы, наполненными вырождающимися, оскудѣлыми, алкоголиками, эпилептиками и даже истериками и сумасшедшими. Я описалъ этихъ индивидуумовъ, дурно вооруженными для борьбы за жизнь; я изучилъ ихъ слабыя умственныя способности, ихъ бѣдное воображеніе, ихъ ослабѣвшую волю, ихъ безмолвную совѣсть. Я отыскалъ на ихъ тѣлѣ многочисленныя стигматы физическаго вырожденія—столь частые королларіи вырожденія психическаго. Я ихъ описалъ отличными отъ сумасшедшихъ, но также отличными и отъ другихъ людей и образующими собою особый классъ существъ».

Въ свою очередь горячо рекомендующій эту работу проф. Lacassagne въ придисловіи къ ней развиваетъ свою теорію фронтальныхъ, паріетальныхъ и окципитальныхъ натуръ въ примѣненіи къ преступности и стоитъ при этомъ на той же основной точкѣ зрѣнія. «Преступники *по ихъ чувствамъ и инстинктамъ* суть истинные преступники», говоритъ онъ, «они существа несоціабельныя, вслѣдствіе энергіи и частности проявленія самыхъ эгоистическихъ инстинктовъ». Еще голосъ изъ той же ободряющей г. Обнинскаго «благородной страны» и по тому же вопросу мы можемъ, между прочимъ, слышать и въ предисловіи извѣстнаго Letourneau къ французскому переводу сочиненія проф. Lombroso, въ которомъ онъ называетъ его изслѣдованія «прекрасными, кропотливыми, остроумными и добросовѣстными».

Таковы голоса, доносящіеся къ намъ изъ Франціи. Въ случаѣ надоб-

---

1) «Les habitués des prisons». 1890.

ности, я могу еще пополнить ихъ количество, а теперь пока съ своей стороны возьму на себя смѣлость завѣрить, что ни одинъ послѣдователь антропологической школы уголовнаго права, насколько мнѣ извѣстно, не отвергалъ никогда и не могъ отвергать вліянія соціальныхъ условій на выработку дурныхъ и порочныхъ психо-физическихъ организацій, а впослѣдствіи и на возбужденіе ихъ къ порочнымъ, а иногда и преступнымъ дѣйствіямъ. Съ другой стороны, всѣ послѣдователи той же школы, будь они италіанцы или французы, всегда, конечно, признавали также и вліяніе органическаго фактора. Что же касается спеціально до Франціи, то она давно уже знаетъ и высоко цѣнитъ работы своего геніальнаго Morel'я и его послѣдователей о вырождающихся, порочныхъ и несчастныхъ психофизическихъ организаціяхъ, постепенно вырабатывающихся подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ жизненныхъ условій и, вслѣдствіе своихъ дурныхъ особенностей, наклонныхъ къ пороку и преступленію. И въ этихъ работахъ г. Обнинскій могъ бы найти въ сущности всѣ основныя положенія такъ безпощадно поражаемой имъ антропологической школы.

Значительная доля недоразумѣній и споровъ на конгрессѣ 1889 г. обусловливалась весьма неудачнымъ, по моему мнѣнію, терминомъ, введеннымъ италіанскими учеными, а именно, терминомъ «прирожденный преступникъ», ученіе о которомъ, впрочемъ, никакъ не можетъ быть отнесено къ основнымъ положеніямъ школы. На конгрессѣ я предлагалъ вовсе устранить этотъ терминъ, потому что въ понятіе о *прирожденномъ* преступникѣ входятъ два въ сущности разнородныхъ элемента. Одинъ сравнительно безусловный, органическій—порочная, недостаточная психо-физическая организація, а другой соціальный, условный—преступникъ. Я называю послѣдній элементъ условнымъ потому, что мы легко можемъ наблюдать двѣ или нѣсколько сходныхъ психофизическихъ организацій, изъ которыхъ нѣкоторыя, находясь въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ окружающей обстановки, совершаютъ только предосудительныя, дурныя и порочныя дѣйствія, а другія, будучи въ неблагопріятныхъ жизненныхъ положеніяхъ, занимаются преступленіями. Даже знаменитый Lemaire основательно замѣтилъ на судѣ: «Имѣй я ренту, я бы, конечно, не былъ здѣсь». Всѣ послѣдователи антропологической школы всегда будутъ согласны въ признаніи существованія дурныхъ, порочныхъ и недостаточныхъ психо-физическихъ организацій, наклонныхъ вслѣдствіе своихъ особенностей къ дурнымъ, порочнымъ, а, при извѣстныхъ условіяхъ, и преступнымъ дѣйствіямъ. Такіе субъекты, не представляющіеся больными въ строгомъ смыслѣ этого слова, встрѣчаются иногда въ психіатрическихъ азиляхъ. Они-то и дали основаніе для ученія о нравственномъ помѣшательствѣ. Но выраженіе «прирожденный *преступникъ*» подразумѣваетъ нѣчто большее, а именно такую личность, которая при всѣхъ мыслимыхъ условіяхъ воспитанія и обстановки неизбѣжно предопредѣлена стать на дорогу преступленія. Существованіе подобныхъ личностей, однако, не доказано, да едва ли и можетъ быть доказано. Впрочемъ и сами творцы

этого неудачнаго термина въ сущности не идутъ въ своемъ понятіи такъ далеко, какъ хватаетъ употребляемое ими выраженіе, отъ котораго давно бы слѣдовало отказаться.

Что же касается до противоположенія двухъ теорій преступности, а именно теоріи общественной и органической, то оно представляетъ собою результатъ страннаго недоразумѣнія. На самомъ дѣлѣ между ними нѣтъ и не можетъ быть противоположенія. Допустимъ и разсмотримъ первую. Наклонность къ преступленію по этой общественной теоріи, возникаетъ и развивается подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ жизненныхъ условій: бѣдности, всяческихъ невзгодъ и лишеній и т. д. Пусть будетъ такъ, да оно такъ и есть. Но признавая это, мы въ то же время должны признать, на основаніи всего извѣстнаго намъ о жизни человѣческаго организма, что всѣ неблагопріятныя внѣшнія вліянія, о которыхъ мы говорили, дѣйствуя длительно, *конституціонально* портятъ организацію, вырабатываютъ въ ней различныя порочныя особенности и дѣлаютъ ее дурно уравновѣшенной и болѣе или менѣе недостаточной, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, соотвѣтственно портятъ и характеръ. Въ свою очередь эти, разъ выработавшіеся, недостатки и порочности психо-физической организаціи неизбѣжно становятся одними изъ непосредственныхъ факторовъ склонности къ дурнымъ, порочнымъ и даже преступнымъ дѣйствіямъ.

Теперь разсмотримъ вторую, или такъ называемую органическую теорію. Наклонность къ преступленію по этой теоріи есть слѣдствіе тѣхъ или иныхъ порочностей психо-физической организаціи. Но, вѣдь, всѣ особенности послѣдней не остаются неизмѣнными и не появляются сами собой безпричинно. Каждый человѣкъ живетъ окруженный внѣшней общественной средой и претерпѣваетъ исходящія отъ нея многоразличныя воздѣйствія, подъ вліяніемъ которыхъ также соотвѣтственно многоразлично измѣняется и его психо-физическая организація: если порочна организація, то значитъ неблагопріятны и долгія предшествовавшія воздѣйствія [2]); хороши воздѣйствія—болѣе или менѣе совершенна и организація.

Очевидно, что при той и другой теоріи мы придемъ къ тождественнымъ результатамъ, если только мы всегда будемъ исходить отъ твердо установленныхъ современныхъ научныхъ воззрѣній на законы жизни и измѣненій человѣческаго организма. И это вполнѣ понятно. Какъ нѣтъ психическихъ организацій, существующихъ внѣ человѣческаго общества, такъ не можетъ и не должно быть и однобокихъ теорій—или исключительно соціальной, или исключительно органической, а лишь одна соціально органическая теорія, которую въ сущности и признаютъ всѣ последователи антропологической школы, при чемъ одни изъ нихъ обращаютъ больше вниманія и больше подчеркиваютъ въ своихъ работахъ

[2]) При этомъ, конечно, необходимо принимать во вниманіе и тѣ изъ нихъ, которыя вліяли на предшествовавшія поколѣнія данной личности.

причины преступности ближайшія или непосредственныя, кроющіяся въ порочностяхъ психо-физической организаціи дѣятеля преступленія, тогда какъ другіе обращаютъ большее вниманіе на причины отдаленныя, заключающіяся въ неблагопріятныхъ внѣшнихъ воздѣйствіяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ вырабатываются первыя, какъ болѣе или менѣе устойчивые факторы преступности.

Большая часть недоразумѣній, упрековъ и нареканій вытекаетъ изъ того, что профессоръ Lombroso и его ближайшіе ученики и послѣдователи главнымъ образомъ обратили вниманіе и занялись изученіемъ фактора органическаго, какъ наименѣе изученнаго и прежде почти не затрогивавшагося, но они при этомъ никогда не отвергали, а, напротивъ, всегда признавали значеніе и вліяніе фактора соціальнаго. Въ подверждeніе укажу хотя бы только на одинъ отдѣлъ основнаго сочиненія профессора Lombroso въ его первыхъ изданіяхъ, озаглавленный «терапія преступленія», въ которомъ, въ числѣ предупредительныхъ мѣръ противъ преступленія, рекомендуется учрежденіе сберегательныхъ кассъ, рабочихъ школъ, дешевыхъ кухонь и вообще улучшеніе положенія низшихъ классовъ. Это ли еще не признаніе вліянія соціальнаго фактора и значенія соціальной теоріи? Спрашивается, какъ же можно утверждать послѣ этого, что антропологическая школа проявляетъ «полнѣйшее равнодушіе къ объективнымъ и конкретнымъ соціальнымъ импульсамъ преступности», что она будто бы «обусловливаетъ генезисъ преступности не общественною неправдою и соціальною неурядицею», а только «очертаніями черепа, формой зубовъ, походкою и т. п. физическими особенностями преступнаго типа»?. Допускаю, что г. Обнинскій могъ не знать или хорошо не вчитаться въ работы послѣдователей антропологической школы, но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы предварительно приняться за более обстоятельное ознакомленіе съ ними прежде, нежели высказывать о нихъ рѣшительные приговоры.

Послѣ всего сказаннаго степень знакомства нашего критика съ той школой, о которой онъ передаетъ своимъ читателямъ, и степень правильности его пониманія ея основныхъ положеній, думается мнѣ, становятся очевидны.

Выше я упомянулъ уже, что статья г. Обнинскаго направлена, между прочимъ, противъ одной изъ моихъ хроникъ уголовнаго суда, затрогивающей весьма важный теоретическій и практическій вопросъ,—вопросъ о судебной экспертизѣ. Но прежде, нежели говорить о нападкахъ г. Обнинскаго на эту хронику, замѣчу, что въ его изложеніи вовсе не указанъ ея рѣзко выраженный условный характеръ. Если данныя, добытыя слѣдствіемъ по отношенію къ подсудимой, вполнѣ подтвердились бы и дополнились дальнѣйшимъ тщательнымъ наблюденіемъ и изслѣдованіемъ, то слѣдовало бы принять такія-то мѣры — вотъ основная формула моей хроники, а потому о «выводѣ, формулированномъ въ самыхъ безповоротныхъ выраженіяхъ», разумѣется, не могло быть и рѣчи. Между тѣмъ

г. Обнинскій замѣчаетъ: «Довольно трудно понять изъ приведенной выписки, считаетъ ли авторъ достаточными для исполненія своего *приговора* (?) обнаруженныя на судѣ «очевидныя условія психической организаціи» подсудимой, или признаетъ «необходимымъ дальнѣйшее ихъ изслѣдованіе». Странное недоумѣніе и странный недосмотръ.

Уголовный процессъ, послужившій основаніемъ для моей хроники, очень несложенъ. Нѣкто Л—на обвинялась въ убійствѣ своего любовника. Свѣдѣнія, собранныя слѣдствіемъ, указывали, что подсудимая имѣла, повидимому, очень отягощенную наслѣдственность, что въ дѣтствѣ, юности и во всей своей послѣдующей жизни она представляла большія странности и анормальности характера и нѣсколько уже разъ проявляла очень опасныя для себя и окружающихъ влеченія къ убійству и самоубійству. Участвовавшіе на судѣ врачи высказали мнѣніе, что Л—на страдаетъ истеро-эпилепсіей, т. е. весьма тяжелымъ неврозомъ, а одинъ изъ нихъ, указавъ на недостаточность изслѣдованія, подсказывавшую суду необходимость назначенія новаго, далъ заключеніе, что Л—на совершила убійство въ состояніи болѣзненнаго аффекта, вызвавшаго потемнѣніе ея сознанія. Съ своей стороны судъ въ сущности вполнѣ игнорировалъ экспертизу. Признавъ, что заключенія эксперта достаточно разъясняютъ возбужденный вопросъ о болѣзненномъ состояніи подсудимой, онъ въ то же время призналъ Л—ну виновной въ умышленномъ убійствѣ, совершенномъ въ состояніи запальчивости и раздраженія, и приговорилъ ее къ лишенію всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ Иркутскую губернію.

Обсуждая этотъ приговоръ, я высказалъ положеніе, что экспертиза, вообще, какъ техническая оцѣнка явленій, требующая *особыхъ свѣдѣній*, въ своей *технической части* обязательна для суда. Я допускалъ при этомъ, что судъ, по тѣмъ или другимъ побочнымъ обстоятельствамъ, можетъ иногда *усумниться* въ заключеніи того или другаго эксперта. Но все, на что въ подобныхъ случаяхъ онъ разумно можетъ быть уполномоченъ,— это вызвать другихъ, не внушающихъ ему сомнѣній экспертовъ и имъ предложить дать заключеніе, а въ случаѣ медицинской экспертизы душевнаго состоянія потребовать заключенія спеціальнаго заведенія, въ которое на вполнѣ достаточный срокъ долженъ быть помѣщенъ подсудимый. Сверхъ того, признавая собранныя по дѣлу данныя недостаточными и не вполнѣ провѣренными, я, съ своей стороны, находилъ обязательнымъ назначеніе дополнительнаго тщательнаго изслѣдованія, а въ случаѣ (и только въ немъ одномъ) если бы послѣдее вполнѣ подтвердило и дополнило прежнее, то я считалъ нужнымъ помѣщеніе Л—ной, какъ личности вполнѣ патологической и въ значительной мѣрѣ наклонной къ убійству и самоубійству, въ спеціальное заведеніе, выходъ изъ котораго могъ бы быть дозволенъ ей только подъ условіемъ удостовѣренія со стороны медицинскаго персонала заведенія, что она, вслѣдствіе происшедшихъ въ ней измѣненій, перестала быть опасной для общественнаго спокойствія. Назна-

ченное же судомъ наказаніе я находилъ недостигающимъ основной цѣли наказанія—огражденія общества отъ дальнѣйшаго зла преступленія, потому что ненормальная Л—на въ новой мѣстности настолько же опасна, насколько она была опасна и въ старой.

Всѣ эти выводы и заключенія вызвали на меня нападки г. Обнинскаго и заставили его заговорить о какихъ-то «грозныхъ загадкахъ» и обрушиться на антропологическую школу уголовнаго права вообще съ тяжкими обвиненіями въ безнравственности. Разсмотримъ основательность его замѣчаній.

Желая подорвать мнѣніе объ обязательности медицинской экспертизы, г. Обнинскій напоминаетъ намъ діагнозъ и споры по поводу горловой болѣзни покойнаго германскаго императора Фридриха. «Въ этомъ спорѣ», говоритъ онъ, «медики головою выдавали другъ друга изумленной публикѣ, вырывая у нея послѣднюю вѣру въ одно изъ благонадежнѣйшихъ врачеваній—хирургическое, въ данномъ случаѣ примѣненное къ высокому и щедрому (?) паціенту знаменитостями медицинской науки и практики». Спрашивается, что же изъ этого слѣдуетъ? По мнѣнію г. Обнинскаго, вотъ что. Если возможны такія ошибки въ области «хирургическихъ болѣзней», то, по особенностямъ предмета, онѣ въ гораздо большей мѣрѣ возможны въ области душевныхъ болѣзней, и потому «мыслимо ли выводамъ, извлекаемымъ изъ такого лабиринта, придавать обязательное для суда значеніе въ той фазѣ научнаго развитія, при которой сами врачи-эксперты постоянно спѣшатъ предупредить судъ, что ихъ заключенія болѣе или менѣе вѣроятны, выводы гадательны, а наблюденія обставлены самыми неблагопріятными, и теоретически, и фактически, условіями»? Итакъ, выходитъ, что судьи должны быть полными хозяевами медицинской экспертизы въ вопросахъ о душевной нормальности и должны имѣть право на мѣсто мнѣнія экспертовъ ставить свое собственное. Чтобы показать цѣнность такого взгляда на значеніе экспертизы, воспользуюсь примѣромъ г. Обнинскаго и спрошу его, что если бы приговоръ въ уголовномъ дѣлѣ зависѣлъ отъ діагноза горловой или грудной болѣзни,—призналъ ли бы онъ возможнымъ, въ виду встрѣчающихся ошибокъ, предоставить суду право производить повѣрку техническаго заключенія экспертовъ, признавать или отвергать его безъ вызова другихъ экспертовъ и ставить на его мѣсто свое собственное мнѣніе? Полагаю, что даже самъ г. Обнинскій не пойдетъ такъ далеко. А почему? Потому, что въ этомъ случаѣ несостоятельность такого мнѣнія слишкомъ очевидна. Чтобы давать заключенія или обсуждать діагнозъ, надо обладать спеціальными свѣдѣніями по болѣзнямъ горла или груди, надо постоянно наблюдать и изучать ихъ. Ничего подобнаго не дѣлаютъ и не знаютъ судьи, которые въ горловыхъ или грудныхъ болѣзняхъ совершенные профаны. Но не то ли же самое имѣетъ мѣсто и по отношенію къ болѣзнямъ душевнымъ? Для экспертизы необходимо изучить эти болѣзни, необходимо тщательно наблюдать различныхъ больныхъ въ ихъ многоразличныхъ проявленіяхъ. Ничего этого

также не дѣлаютъ и не знаютъ наши судьи, и имъ-то, иногда неимѣющимъ никакого, сколько нибудь яснаго представленія о томъ, что такое душевно-больной, по мнѣнію г. Обнинскаго, должна быть предоставлена провѣрка медицинской экспертизы. Пусть ошибки возможны и даже часты со стороны спеціалистовъ, но не людямъ, ничего не знающимъ, провѣрять ихъ. Никакая недостаточность врачей, на которую ссылается г. Обнинскій, не можетъ оправдать порученія составленій техническихъ заключеній людямъ несвѣдущимъ. Высшій критерій, къ которому аппеллируютъ нѣкоторые, —„*простой здравый смыслъ*"—здѣсь плохой помощникъ. Разсужденія г. Обнинскаго по поводу экспертизы мнѣ невольно напоминаютъ разсужденія г. прокурора въ одномъ, когда-то также очень громкомъ процессѣ, а именно въ процессѣ Качки. Въ немъ обвинитель такъ же самъ провѣрялъ и отвергалъ непонравившуюся ему экспертизу и при этомъ утверждалъ, что нѣкоторые врачи заходятъ слишкомъ далеко и тѣмъ только доказываютъ, что и «экспериментальное знаніе имѣетъ свои границы, за которыми вся сумма его сводится къ нулю». Вотъ въ этихъ-то случаяхъ, когда экспериментальное знаніе даетъ въ результатѣ такой нуль, и должна выступать на сцену дѣятельность «свойства болѣе высокаго источника — здраваго смысла». Но оставимъ эти воспоминанія и пойдемъ далѣе.

Другимъ основаніемъ возраженій противъ обязательности медицинской экспертизы для суда въ томъ смыслѣ, какъ я понимаю ее въ своей хроникѣ, для г. Обнинскаго служатъ его воспоминанія. Въ его памяти «проходитъ скорбная вереница субъектовъ, гуртами привозимыхъ въ губернское правленіе изъ Преображенской больницы, Черемушекъ, Сокольниковъ и другихъ частныхъ лѣчебницъ. Сколько между ними оказывалось здоровыхъ и духомъ и тѣломъ людей!» Но кому же неизвѣстна степень совершенства освидѣтельствованій, производившихся въ губернскихъ правленіяхъ? Кому, сколько нибудь знакомому съ дѣломъ, неизвѣстно въ то же время, что множество чрезвычайно опасныхъ душевно-больныхъ могутъ давать вполнѣ ясные и логичные отвѣты, вести осмысленные разговоры, казаться на видъ вполнѣ здоровыми и въ то же время совершать самыя опасныя и безумныя дѣйствія? Такіе больные изучаются и узнаются, конечно, не въ губернскихъ правленіяхъ! Знаменитый французскій психіатръ Pinel разсказываетъ намъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи, что однажды, во время великой французской революціи, вооруженная толпа ворвалась въ Bicêtre, подъ предлогомъ освобожденія жертвъ прежней тираніи. Она переходитъ изъ камеры въ камеру и допрашиваетъ содержимыхъ. Если душевное разстройство слишкомъ очевидно и рѣзко бросается въ глаза—она идетъ далѣе. Но вотъ въ одной изъ камеръ толпа находитъ содержимаго въ цѣпяхъ. Онъ обращаетъ на себя ея вниманіе своими чрезвычайно разумными и послѣдовательными объясненіями и своими горькими жалобами на смѣшеніе его съ другими сумасшедшими, тогда какъ его нельзя упрекнуть даже ни въ какой странности. Онъ

заклинаетъ толпу положить конецъ такой жестокости и сдѣлаться его избавительницею. Та волнуется, требуетъ надзирателя, направляетъ противъ него оружіе и не хочетъ слышать его объясненій о томъ, что существуютъ больные, вовсе не страдающіе бредомъ, и въ то же время крайне опасные. Толпа освобождаетъ заключеннаго и если не убиваетъ надзирателя, то только благодаря геройству его жены. Освобожденный уводится съ тріумфомъ. Пока все идетъ благополучно, но, къ несчастію, не надолго. Видъ вооруженной и волнующейся толпы скоро и легко возбуждаетъ душевно-разстроеннаго, который выхватываетъ у своего сосѣда саблю и ею начинаетъ косить на право и на лѣво своихъ избавителей. Этотъ конецъ экспертизы толпы не худо бы всегда помнить и всѣмъ, ссылающимся на результаты повѣрочныхъ освидѣтельствованій, производившихся въ губернскихъ правленіяхъ.

Я привелъ это воспоминаніе исключительно въ параллель съ воспоминаніями г. Обнинскаго. Вообще же способъ доказательствъ въ принципіальныхъ вопросахъ на основаніи отдѣльныхъ случаевъ возможныхъ ошибокъ мнѣ кажется вполнѣ несостоятельнымъ. Признаемъ, что врачи совершаютъ иногда ошибки въ распознаваніи и опредѣленіи болѣзней, но что же изъ этого слѣдуетъ? Ихъ ошибкамъ всегда можно противопоставить гораздо многочисленнѣйшія ошибки суда. Въ тюрьмахъ, по свидѣтельству всѣхъ хорошо знающихъ ихъ, находится не мало явно душевно-больныхъ, которые въ такомъ состояніи прошли передъ судомъ, не будучи имъ даже замѣчены. Но дѣло, очевидно, не въ этихъ отдѣльныхъ ошибкахъ. Интересующій насъ принципіальный вопросъ сводится къ тому, можетъ ли вообще судъ, при теперешней системѣ образованія судей, быть признанъ компетентнымъ въ обсужденіи тонкихъ вопросовъ о нормальности или ненормальности душевныхъ состояній? Лучшимъ отвѣтомъ служитъ призывъ экспертовъ. Этимъ фактомъ самъ судъ открыто признаетъ, что у него нѣтъ въ наличности нужныхъ техническихъ свѣдѣній и самъ росписывается въ своей некомпетентности, а потому заключенія техниковъ, очевидно, должны быть признаны обязательными для него съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, о которомъ я говорилъ въ своей хроникѣ. Иначе вышло бы, что лица, сами признавшія себя некомпетентными и признаваемыя за таковыхъ закономъ, могутъ свободно и самостоятельно провѣрять и отвергать мнѣніе техниковъ и ставить на его мѣсто свое собственное. Очевидно, что-то совершенно несообразное. Неужели же споры, подобные спору о монополіи избранія между юристами и медиками г. Каркасоны, о которомъ разсказываетъ г. Обнинскій, должны быть заносимы и въ вопросы объ отысканіи правды на судѣ?

Мнѣ возразятъ, пожалуй, что въ тѣхъ случаяхъ, когда отвергается мнѣніе техниковъ-специалистовъ, они, значитъ, не имѣли достаточныхъ данныхъ, чтобы убѣдить судъ. Но убѣдить его, при всей дѣйствительной вѣскости данныхъ, они иногда и не могутъ. Ихъ заключеніе часто обосновывается на тонкихъ наблюденіяхъ и трудно уловимыхъ призна-

кахъ, должная оцѣнка которыхъ доступна только для людей, долгимъ опытомъ изощрившихся въ изученіи анормальныхъ субъектовъ. Всего легко не объяснишь и не растолкуешь людямъ, никогда не занимавшимся и даже мимоходомъ не наблюдавшимъ различныхъ проявленій многочисленныхъ и тонкихъ разновидностей душевныхъ разстройствъ, и собравшимся на нѣсколько часовъ для обсужденія совершеннаго обвиняемымъ противозаконнаго дѣянія,—какъ не объяснилъ и не растолковалъ и надзиратель въ Bicêtr'ѣ своихъ наблюденій толпѣ. Если бы возможность правильной оцѣнки была такъ легка и доступна и безъ подготовки, какъ это, повидимому, полагаетъ г. Обнинскій, то не зачѣмъ было бы и посвящать цѣлую жизнь на изученіе и наблюденіе душевно-больныхъ. Приходи, садись и суди. Помню я, что въ томъ же громкомъ дѣлѣ, о которомъ уже упомянуто выше, представители суда, по своей естественной неподготовкѣ, очевидно, не понимали языка экспертовъ и говорили на разныхъ съ ними нарѣчіяхъ. Напрасно г. Обнинскій отзывается съ такой иронiей о городовомъ или уѣздномъ врачѣ въ какомъ нибудь Царевококшайскѣ, призванномъ «опредѣлять психическій механизмъ». Знанія такихъ врачей мнѣ неизвѣстны, но какъ бы плохи они ни были, все же эти врачи учились чему нибудь, сюда относящемуся, что нибудь видѣли и наблюдали въ клиникахъ и въ своей практикѣ, а потому, говоря вообще, они болѣе способны обсуждать психическій механизмъ, нежели вовсе не занимавшіеся его изученіемъ судьи, пріѣзжающіе въ подобные города для разбора уголовныхъ дѣлъ.

Впрочемъ, собственныя дальнѣйшія разсужденія г. Обнинскаго, долгое время принадлежавшаго къ прокуратурѣ, еще нѣсколько яснѣе покажутъ намъ, насколько необходима и желательна обязательность экспертизы для суда.

Высказанному въ моей хроникѣ мнѣнію о вѣроятномъ душевномъ состояніи Л—ной я предпослалъ краткое изложеніе фактовъ, приводившихся на судѣ. Л—на «происходила отъ отца, сильно злоупотреблявшаго алкоголемъ, и матери — больной и припадочной женщины». Она сама «нѣсколько лѣтъ занималась онанизмомъ». «Еще ребенкомъ она отличалась страннымъ и сумасброднымъ характеромъ. Ее не разъ исключали изъ различныхъ учебныхъ заведеній за ея поведеніе. Изъ патріотическаго института ее исключили за то, что она хотѣла утопить одну изъ учницъ въ ретирадѣ. Нѣсколько разъ, будучи еще почти ребенкомъ, она и сама пыталась отравиться, а однажды чуть было не отравила свою сестру спичками. Изъ католическаго монастыря въ Спа ее исключили за то, что она плюнула въ туфлю папы, находившуюся въ числѣ *священныхъ предметовъ*». «Осматривавшій ее въ дѣтствѣ извѣстный психіатръ проф. Мержеевскій, по разсказу ея матери, высказалъ предположеніе, что она можетъ кончить сумасшествіемъ». Впослѣдствіи «она была замужемъ и почему-то была разведена или развелась съ мужемъ». «Она была малокровна, весьма нервна, раздражительна, очень впечатлительна и крайне

вспыльчива,—вспыльчива до того, что бросала тарелками въ стѣну. Во всемъ ей казались посягательства на ея достоинство и свободу, а по временамъ она становилась *«какой-то сумасшедшей»*. «Она страдала головными болями и судорожными припадками съ потерею сознанія и воспоминаній о всемъ случившемся во время припадка». «При осмотрѣ у Л—ной было констатировано косоглазіе», «съуженіе черепа съ боковъ», невралгіи, боль въ позвоночникѣ, пониженная чувствительность кожи нѣкоторыхъ мѣстъ, рубецъ съ лѣвой стороны груди и два рубца на правомъ бедрѣ, при чемъ экспертъ удостовѣрилъ, что послѣднія поврежденія произошли отъ огнестрѣльнаго оружія» [3]). Такова личность Л—ной, *поскольку она выяснилась* изъ данныхъ слѣдствія, которыя показали, что она, *повидимому*, принадлежала къ числу наслѣдственно вырождающихся личностей съ опасными темными влеченіями и съ крайне неустойчивымъ душевнымъ равновѣсіемъ вообще, которое иногда нарушалось настолько, что она становилась «какой-то сумасшедшей».

«Что же именно обнаружилось на судѣ?, «спрашиваетъ по этому поводу г. Обнинскій. Затѣмъ кратко перечисливъ всѣ приведенные мною факты, онъ иронически замѣчаетъ: «Вотъ и все». Это «вотъ и все» неподражаемо. Въ немъ лучшій приговоръ для статьи г. Обнинскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по моему мнѣнію, и для его теоріи, которая резюмируется имъ въ немногихъ словахъ. «Только тамъ», говоритъ г. Обнинскій, «гдѣ ни слѣдователь, ни прокуроръ, ни судья», приложивъ всю силу разумѣнія своего» (опять пресловутый здравый смыслъ), не отыщутъ мотива, логически и въ обыкновенномъ порядкѣ вещей объясняющаго преступленія—*только тамъ* (курсивъ г. Обнинскаго) возможно предположить наличность душевной ненормальности и въ эту сторону направить свои изысканія». Много же несчастныхъ душевно-больныхъ угодили бы въ Сибирь и тюрьмы, если бы только теорія г. Обнинскаго была принята! Но онъ этимъ не смущается. Ему, повидимому, во что бы то ни стало нужно сократить до minimum'а признанія душевно больными, потому что «навязываемое судебнымъ приговоромъ» «сознаніе себя душевно-больнымъ», «упраздняетъ собою стыдъ, раскаяніе и укоры совѣсти».

Съ своей стороны я беру на себя смѣлость утверждать, что если приведенный г. Обнинскимъ перечень фактовъ подвергнуть обсужденію не однихъ только царевококшайскихъ врачей, а всѣхъ самыхъ знаменитѣйшихъ психіатровъ, то они, конечно, выскажутся за то, что приведенный комплексъ явленій имѣетъ очень большой вѣсъ и значеніе и только въ виду недостаточной провѣрки и нѣкоторыхъ пробѣловъ, на которые я и указывалъ въ своей хроникѣ, признаютъ необходимымъ дальнѣйшее наблюденіе и изслѣдованіе, задача котораго подтвердить и полнѣе выяснить обнаруженное на судѣ.

3) Я привелъ здѣсь только сухой перечень фактовъ, о которыхъ упоминалось на судѣ, и намѣренно выпустилъ все, относившееся къ анализу ихъ психофизическаго значенія, чтобы не удлиннять настоящей статьи.

Профессоръ Мержеевскій, изслѣдовавшій Л—ну въ ея дѣтствѣ, конечно, имѣлъ вѣскія основанія, почерпнутыя изъ области организма и его психофизической жизни, чтобы высказать предположеніе, что она можетъ кончить сумасшествіемъ. И дѣйствительно, чего только нѣтъ даже въ томъ неполномъ сжатомъ перечнѣ, который намъ даетъ самъ г. Обнинскій? И страданіе какимъ-то судорожнымъ неврозомъ, и какія-то состоянія, во время которыхъ Л—на становится «какой-то сумасшедшей», и эксцентричности характера, и покушенія на лишеніе другихъ жизни и на самоубійства, и долгій онанизмъ и т. д. Этого ли мало? «Большинство изъ этихъ явленій», съ увѣренностью, однако, заявляетъ г. Обнинскій, «какъ заурядное и отнюдь не обусловливающее наличности какихъ либо психическихъ уклоненій (будто бы?), въ счетъ идти не можетъ, а остальныя оказываются *вовсе не при чемъ въ дѣяніи, вмѣненномъ подсудимой»* (курсивъ г. Обнинскаго). «Такимъ образомъ», продолжаетъ г. Обнинскій, «изъ словъ самого референта ясно, что основнымъ мотивомъ преступленія была ревность, а ближайшимъ къ нему поводомъ—ссора». «Ни прежній онанизмъ, ни плевокъ въ туфлю папы, ни бросаніе тарелокъ въ стѣну, ни судорожные припадки, ни предположенія профессора Мержеевскаго, не играютъ тутъ никакой роли. Передъ нами обыкновеннѣйшее убійство, осмысленное убійцею, совершенно понятное другимъ». «Сама Л—на показывала, что передъ припадками у ней является полная апатія; а изъ свидѣтельскихъ показаній извѣстно, что передъ убійствомъ она, напротивъ того, была очень оживлена и весела за ужиномъ и долго ссорилась по возвращеніи домой, — слѣдовательно о какомъ либо припадкѣ, парализовавшемъ волю или сознаніе въ моментъ убійства, не можетъ быть и рѣчи». Для г. Обнинскаго, какъ видите, все ясно и онъ безповоротно высказываетъ свою экспертизу. Между тѣмъ немного далѣе онъ возвращается къ діагнозу болѣзни германскаго императора и по этому поводу разсуждаетъ о томъ, что «сфера духовной природы» такъ таинственна, индивидуальна, сложна, своеобразна и зависима отъ тысячи воздѣйствій, что она представляетъ психіатру неисчислимыя трудности и поводы къ самымъ грубымъ и при томъ незамѣтнымъ ошибкамъ. Выходитъ, что таинственное и темное для спеціалистовъ вполнѣ ясно для ничѣмъ не вооруженнаго «здраваго смысла»! Противъ такой аргументаціи возражать, конечно, трудно, потому что не къ чему аппеллировать. Замѣчу только, что ревнивыхъ женщинъ существуетъ не мало, но очень рѣдкія изъ нихъ убиваютъ своихъ возлюбленныхъ, а тѣмъ болѣе послѣ попытокъ по другимъ поводамъ на другія убійства. Вотъ эта-то стойкая наклонность къ лишеніямъ жизни другихъ, на которую, *повидимому*, указываютъ данныя слѣдствія, и выдѣляетъ Л—ну изъ ряда другихъ ревнивыхъ женщинъ и дѣлаетъ ее опасной. Поэтому саркастическое замѣчаніе г. Обнинскаго, что Л — на настолько же опасна, насколько опасна и всякая другая ревнивая и страстная женщина, увлекающаяся поручиками, представляется мало взвѣшеннымъ.

Особенность экспертизы г. Обнинскаго, всего лучше характеризующая ея достоинства, состоитъ въ томъ, что онъ выхватываетъ послѣднее дѣяніе Л—ной и разсматриваетъ его внѣ связи съ свѣдѣніями о ея прошлой жизни, которыя ясно очерчиваютъ ея анормальную психопатическую личность. Въ сферѣ душевной жизни этимъ пріемомъ можно доказывать почти все, что угодно, и даже въ большинствѣ случаевъ можно доказывать, что патентованные душевно-больные люди будто бы вполнѣ здоровые.

Интересны также возраженія, которыя г. Обнинскій дѣлаетъ по поводу высказаннаго мною мнѣнія, что Л — на опасна. «Вѣдь для того, чтобы вызвать въ ней рецидивъ», увѣряетъ насъ г. Обнинскій, «требуется повтореніе цѣлой совокупности конкретныхъ явленій, внѣ ея воли, внѣ ея природы стоящихъ». Слѣдуетъ за тѣмъ перечисленіе этихъ условій: увлеченіе поручикомъ, ссора съ нимъ, товарищеская пирушка и т. д., и дѣлается такой выводъ: «нужно, однимъ словомъ, возсозданіе всей той обстановки, которая привела къ гибели несчастнаго П—аго». А между тѣмъ оказывается, что ничего этого вовсе не нужно и что все это лишь одни неосновательныя разсужденія. Г. Обнинскій позабылъ, что убійству поручика предшествовали другія попытки лишенія жизни еще въ дѣтствѣ Л—ной, когда, конечно, не было «возсозданія всей той же обстановки» и проч.

Не менѣе интересны соображенія г. Обнинскаго по поводу истериковъ и эпилептиковъ *вообще*. По его словамъ они теперь «часты, но это не мѣшаетъ имъ относиться совершенно свободно и сознательно, а иногда и геніально къ проявленіямъ своей воли». Не вдаваясь въ оцѣнку этого общаго научнаго положенія, замѣчу лишь, что истерикъ и эпилептикъ истерику и эпилептику рознь. Я же говорилъ не объ истерикахъ и эпилептикахъ *вообще*, а объ опредѣленной личности Л—ной, съ дѣтства проявлявшей опасныя влеченія.

Никогда также ни о какомъ наказаніи Л—ной я не говорилъ. Помѣщеніе въ спеціальную лѣчебницу наказаніемъ названо, конечно, быть не можетъ. Допускаю, что въ той или другой лѣчебницѣ или пріютѣ могутъ быть дурны порядки и могутъ совершаться злоупотребленія. Уничтожайте дурные порядки, устраняйте злоупотребленія, но ни въ какомъ случаѣ не смѣшивайте въ одну кучу наказаніе и содержаніе въ спеціальныхъ лѣчебницахъ и пріютахъ, имѣющихъ задачей лѣчить или изолировать больныхъ. А между тѣмъ г. Обнинскій именно и приравниваетъ такое содержаніе къ проявленіямъ «карательнаго возмездія» и говоритъ о «заточеніи въ ужаснѣйшемъ изъ остроговъ—сумасшедшемъ домѣ».

Но ни одна моя хроника навлекла на меня нападки г. Обнинскаго, а также и моя книга «Психофизическіе типы». Г. Обнинскій обвиняетъ меня въ томъ, что я простираю свои «притязанія» на сферы, «особенно дорогія русскому національному чувству»; что я «посягаю на русскую литературу, разыскивая въ ея художественно воспроизводимыхъ коллективныхъ образахъ слѣды типовъ психо-физическаго вырожденія, что я, видите-ли,

«ломаю престолы геніевъ народнаго творчества» и низвожу «безсмертные типы—славу и гордость нашей литературы до жалкой служебной роли демонстрировать криминально—антропологическую» доктрину «рядомъ съ психопатами, идіотами и кретинами». Съ своей стороны я долженъ признать, что въ своей книгѣ дѣйствительно представилъ анализы типовъ Рудина и Обломова. При этомъ, изучая сложные психо-физическіе типы дѣйствительности пока исключительно съ одной стороны — со стороны степени ослабленія и упадка энергіи ихъ органическихъ дѣятельностей, я исключительно съ той же стороны разсматривалъ и героевъ Тургенева и Гончарова. Свои разборы я помѣстилъ въ книгѣ, какъ дополненія, съ цѣлью лучше выяснить читателю, на анализѣ полно очерченнаго художникомъ характера, вліяніе того, что предварительно изучалось на провѣренныхъ фактахъ дѣйствительности. Сверхъ того я имѣлъ въ виду показать этими разборами, что организаціи съ изучавшимися особенностями нашли отраженіе и въ нашей изящной литературѣ, и что они хорошо подмѣчены нашими великими художниками и воспроизведены ими въ художественныхъ образахъ.

Казалось бы, такіе разборы ничего въ себѣ святотатственнаго не заключаютъ. Подобные разборы и составляютъ постоянный предметъ художественной критики. Правда, въ своемъ анализѣ я обратилъ вниманіе и на органическую сторону и считалъ себя въ правѣ это сдѣлать потому, что и герои художественныхъ произведеній, предполагается, не безплотные духи, и что у нихъ, поскольку они вѣрны жизненной правдѣ, психическія особенности должны всегда находиться въ строгомъ соотвѣтствіи съ особенностями органическими. Но г. Обнинскій взглянулъ на дѣло иначе и даже по этому поводу и заговорилъ «объ ученіяхъ», угрожающихъ общественной нравственности, а вмѣстѣ съ тѣмъ развилъ и слѣдующую теорію. По его мнѣнію Рудинъ и Обломовъ тѣмъ «именно и велики», «что въ нихъ воспроизводится масса личностей», «совокупность которыхъ характеризуетъ цѣлыя поколѣнія, отражаетъ собою цѣлыя общественныя теченія и воплощаетъ» «цѣлыя общественныя настроенія», а потому ихъ, эти коллективные типы, и нельзя ставить «образцами болѣзненной ничтожной группы». По словамъ г. Обнинскаго, художникъ наблюдалъ съ такой высоты, при которой созданные имъ образы, «утративъ все исключительное, все болѣзненно—уклончивое, сдѣлались тѣмъ, что зовется типами».

Странная теорія. Рудинъ и Обломовъ вовсе не представляютъ собою какихъ-то отвлеченныхъ обобщеній и отвлеченныхъ характеристикъ тѣхъ или другихъ общественныхъ теченій и настроеній. Напротивъ, Рудинъ и Обломовъ вполнѣ опредѣленные образы. Изъ того, что та или другая черта ихъ характеровъ присуща сотнямъ и тысячамъ людей даннаго времени, вовсе ничего не слѣдуетъ. Любую черту любаго дѣйствительно существующаго человѣка можно наблюдать у десятковъ и сотенъ другихъ существующихъ людей, но это нисколько не дѣлаетъ его

нихъ отвлеченной формулой и не лишаетъ его значенія индивидуальной личности. Тургеневъ и Гончаровъ могли наблюдать черты характеровъ Рудина и Обломова у множества людей, но они воплотили эти черты въ индивидуальные образы и въ своемъ описаніи придали этимъ образамъ плоть и кровь живыхъ людей. Это вовсе не Рудины и Обломовы вообще, а опредѣленный Рудинъ и Обломовъ, которые имѣютъ свои опредѣленныя черты характера и потому могутъ подвергаться разбору и оцѣнкѣ какъ съ своей психической, такъ и съ органической стороны. Если мы и говоримъ, что они суть типы, то мы этимъ вовсе не утверждаемъ, что они представляютъ собою какія-то отвлеченныя характеристики. Вѣдь и дѣйствительный человѣкъ, съ его индивидуальною плотію и кровью, можетъ въ то же время представлять собою и типъ.

Г. Обнинскій не ограничивается однимъ изложеніемъ своей теоріи коллективныхъ типовъ; онъ еще и вступается за «гордость нашей литературы»—Рудина и Обломова. Онъ утверждаетъ, что когда на Руси раздался «призывный кличъ» къ дѣлу, то множество Рудиныхъ и Обломовыхъ кинулись къ нему, заговорили въ земскихъ собраніяхъ и судахъ и стали вводить уставныя грамоты. Они ушли въ мировые посредники, въ гласные, въ судьи и «проявили *массу энергіи* и самаго плодотворнаго труда». Но, думаемъ, во всемъ же надо мѣру знать. Рудинъ и Обломовъ—художественные образы, а не отвлеченныя метафизическія построенія, а потому и о нихъ нельзя утверждать все, что угодно. Текстъ художественнаго произведенія легко допускаетъ провѣрку и препятствуетъ слишкомъ произвольнымъ распоряженіямъ. На основаніи этого текста и можно смѣло утверждать, что проявленіе массы энергіи со стороны Рудиныхъ и Обломовыхъ, какъ они очерчены художниками, есть не болѣе, какъ слишкомъ пылкая и разыгравшаяся фантазія. Рудинъ самъ называетъ себя «неоконченнымъ существомъ» и говоритъ, что при «первомъ препятствіи онъ весь разсыплется», а Обломовъ съ грустью поясняетъ, что самая жизнь его «началась съ погасанія». Если и были подобные имъ посредники, гласные и судьи, то можно лишь отъ души пожалѣть о тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ они отправляли свои обязанности.

Дмитрій Дриль.

ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО ВЪ ПРИБАЛТІЙСКОМЪ КРАѢ.

Положеніе о преобразованіи судебной части въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и измѣненія, внесенныя имъ въ уставъ гражданскаго судорроизводства.

Статья третья *).

I.

При опредѣленіи Государственнымъ Совѣтомъ главныхъ началъ и составленіи согласно съ ними основныхъ положеній гражданскаго судопроизводства, Высочайше утвержденныхъ 29 сентября 1862 года, одной изъ весьма важныхъ причинъ несовершенства нашего прежняго гражданскаго судопроизводства было признано смѣшеніе въ немъ *тяжебныхъ* дѣлъ съ особаго рода дѣлами, носившими въ Сводѣ 1857 года названіе дѣлъ *судебнаго управленія*, къ каковымъ дѣламъ принадлежали разнообразныя производства по жалобамъ на дѣйствія судебныхъ мѣстъ по удостовѣренію или охраненію правъ частныхъ лицъ—личныхъ или по имуществу, напр. по вводу во владѣніе, раздѣлу наслѣдства и т. п. Особенность этихъ дѣлъ заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что они возникаютъ не вслѣдствіе спора, а по просьбѣ одного лица или согласному прошенію двухъ или нѣсколькихъ лицъ о совершеніи какого-либо дѣйствія, предоставленнаго судебному мѣсту, по удостовѣренію или охраненію правъ частныхъ лицъ, причемъ въ такихъ дѣлахъ очень часто не бываетъ противной стороны, могущей вступать въ состязаніе для защиты своихъ правъ. Смѣшивая означеннаго рода дѣла съ дѣлами тяжебными, наши прежніе законы о судопроизводствѣ гражданскомъ, кромѣ указанія сроковъ на возбужденіе этихъ дѣлъ (примѣч. къ 496 ст. т. X ч. II св. зак.) не содержали въ себѣ правилъ о порядкѣ ихъ производства. Поэтому

*) См. Юрид. Вѣстникъ 1890 годъ №№ 3 и 9.

при составленіи основныхъ положеній гражданскаго судопроизводства (ст. 135—138) и признано было необходимымъ производство дѣлъ этого рода отдѣлить отъ тяжебнаго и подчинить особымъ правиламъ, составившимъ впослѣдствіи предметъ IV книги устава гражд. судопроизв. (ст. 1401—1460). Сущность этихъ правилъ, согласно 136 ст. основныхъ положеній, должна состоять исключительно въ опредѣленіи порядка производства дѣлъ по удостовѣренію или охраненію правъ частныхъ лицъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, по дѣйствующимъ гражданскимъ законамъ (т. X ч. I), требуется, въ удостовѣреніе воли частныхъ лицъ, содѣйствіе мѣстъ или лицъ судебнаго вѣдомства, и такимъ образомъ задача IV книги устава гражд. судопроизводства заключается не въ томъ, чтобы косвеннымъ образомъ измѣнять начала гражданскаго права, изложенныя въ I ч. X тома, а только въ томъ, чтобы опредѣлить имъ относящіяся до судопроизводства правила, коими установленный въ гражданскихъ законахъ порядокъ охраняется и приводится въ дѣйствіе [1]). Изъ опредѣленія сущности и задачи означенныхъ правилъ мы можемъ видѣть, что правила эти, какъ опредѣляющія порядокъ производства дѣлъ по удостовѣренію или охраненію правъ частныхъ лицъ въ тѣхъ случаяхъ, когда по дѣйствующимъ въ Имперіи гражданскимъ законамъ (т. X ч. I), для удостовѣренія воли частныхъ лицъ требуется содѣйствіе мѣстъ или лицъ судебнаго вѣдомства, очевидно, разсчитаны на дѣйствіе общихъ гражданскихъ законовъ Имперіи, а потому при распространеніи судебныхъ уставовъ на мѣстности, гдѣ дѣйствуетъ особая система матеріальнаго гражданскаго правила, правила эти, какъ охраняющія и приводящія въ дѣйствіе установленный въ общихъ гражданскихъ законахъ Имперіи порядокъ, и, какъ особенно тѣсно соприкасающіяся съ матеріально-правовыми опредѣленіями этихъ гражданскихъ законовъ, должны неминуемо подвергнуться коренному измѣненію. Такъ это и было при введеніи судебныхъ уставовъ въ Привислянскихъ губерніяхъ, и иначе не могло быть и при распространеніи судебныхъ уставовъ на Прибалтійскія губерніи. Если нѣкоторые юридическіе институты, для охраны коихъ и вводятся въ уставъ гражданскаго судопроизводства извѣстныя процессуальныя правила, и общи законамъ Имперіи и законамъ Прибалтійскихъ губерній, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ матерьяльно-правовомъ отношеніи эти институты по тѣмъ или другимъ законамъ значительно разнятся между собою, почему и процессуальныя правила устава граждан. судопроизводства по данному предмету при примѣненіи таковаго къ Прибалтійскимъ губерніямъ, какъ не согласныя съ опредѣленіями дѣйствующихъ тамъ матеріальныхъ гражданскихъ законовъ, должны были подвергнуться существеннымъ измѣненіямъ. Таковы правила объ охраненіи и раздѣлѣ наслѣдства, выкупѣ имуществъ и объ удостовѣреніи въ безвѣстномъ отсутствіи.

Съ другой стороны уставъ гражданскаго судопроизводства (ст. 1424—1437) въ отдѣлѣ объ охранительномъ судопроизводствѣ даетъ рядъ пра-

вилъ о *вводѣ во владѣніе* недвижимымъ имуществомъ, основанныхъ на 707, 925—933 статьяхъ гражданскихъ законовъ Имперіи (т. X ч. I); между тѣмъ означенный вводъ во владѣніе, являясь необходимою составною частью укрѣпленія недвижимаго имѣнія за пріобрѣтателемъ, по дѣйствующимъ въ Имперіи законамъ, не имѣетъ такого значенія по законамъ Прибалтійскихъ губерній, гдѣ, въ виду дѣйствія тамъ ипотечной системы, переходъ права собственности на недвижимое имѣніе связывается не «съ отмѣченнымъ въ реэстрѣ крѣпостныхъ дѣлъ днемъ ввода во владѣніе» (ст. 707 т. X ч. I и 1432 ст. уст. гражд. суд.), а съ моментомъ внесенія основанія пріобрѣтенія въ ипотечныя книги (ст. 809 ч. III св. мѣст. узак.), и если судебный вводъ во владѣніе извѣстенъ и мѣстнымъ гражданскимъ законамъ Прибалтійскихъ губерній (ст. 814), то не въ смыслѣ оглашенія права пріобрѣтателя, а въ формѣ принудительнаго исполненія рѣшенія суда, когда отчужденіе недвижимости послѣдовало противъ воли прежняго собственника, и притомъ допускается онъ только въ случаѣ положительнаго желанія пріобрѣтателя. Поэтому, понятно, правила устава гражд. судопроизводства по этому предмету не могли получить силы по отношенію къ Прибалтійскимъ губерніямъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ законодательству послѣднихъ извѣстны такого рода производства, которыя вовсе не свойственны законодательству Имперіи, каковы напримѣръ производства объ усыновленіи, о признаніи лицъ умалишенными и расточителями и объ учрежденіи надъ ними попечительства, вызывное производство и т. п. Конечно, нѣкоторые изъ этихъ предметовъ извѣстны и общему законодательству Имперіи, какъ напримѣръ, признаніе лицъ умалишенными и расточителями, но въ Имперіи это дѣлается не въ порядкѣ судебнаго производства, а административнымъ путемъ, согласно порядку, установленному въ 368—374 ст. законовъ гражданскихъ (т. X ч. I) и ст. 181—184 устава о пред. и пресѣченіи преступленій (т. XIV изд. 1876 г.). Но такого рода порядокъ, установленный для внутреннихъ губерній Имперіи, не согласенъ съ опредѣленіями мѣстныхъ матеріальныхъ гражданскихъ законовъ, устанавливающими для признанія лицъ умалишенными и расточителями порядокъ судебнаго производства. Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ совершенно не представилось возможнымъ правила, содержащіяся въ IV книгѣ устава гражд. суд., примѣнить къ Прибалтійскимъ губерніямъ и признано было болѣе цѣлесообразнымъ, взамѣнъ постановленій о судопроизводствѣ охранительномъ (см. 1401—1460 уст. гр. суд.), установить особыя на этотъ предметъ правила [2]), подобно тому, какъ это было сдѣлано въ отношеніи губерній Варшавскаго судебнаго округа (ст. 1646—1798 уст. гр. суд. изд. 1883 г.), гдѣ также дѣйствуетъ особая система мѣстнаго матеріальнаго гражданскаго права.

II.

Дѣла, составляющія предметъ четвертой книги устава гражд. судопр., какъ извѣстно, ранѣе носили названіе *дѣлъ судебнаго управленія*. Тер-

минъ этотъ былъ заимствованъ изъ примѣчанія къ 496 ст. т. X ч. II законовъ гражд. судопр., впослѣдствіи уничтоженнаго и не вошедшаго уже въ сводъ законовъ изданія 1876 года. Едва ли нужно говорить, что это названіе совершенно не соотвѣтствовало сущности предмета и характеру дѣлъ. Поэтому при обсужденіи въ 1862 году основныхъ положеній судопроизводства для дѣлъ этого рода терминъ дѣлъ судебнаго управленія былъ вовсе оставленъ и вмѣсто него принятъ терминъ дѣлъ *охранительнаго судопроизводства*, и согласно съ этимъ и четвертая книга устава гражд. судопроизводства получила названіе: «охранительное судопроизводство» на томъ, главнымъ образомъ, основаніи, что этимъ терминомъ вполнѣ выражается назначеніе судебныхъ мѣстъ *охранять* права частныхъ лицъ, установленныя въ гражданскихъ законахъ. Хотя терминъ «охранительное судопроизводство» и не противорѣчитъ сущности предмета, но нельзя сказать, чтобы онъ точно опредѣлялъ сущность тѣхъ дѣлъ, которыя составляютъ предметъ четвертой книги устава граждан. судопроизводства, потому что, вѣдь, и все гражданское судопроизводство въ цѣломъ его объемѣ назначеніемъ своимъ имѣетъ *охраненіе* гражданскихъ правъ. Поэтому, на мой взглядъ, правильнѣе поступаютъ тѣ иностранныя законодательства, которыя правиламъ, опредѣляющимъ производство дѣлъ сего рода, присвоиваютъ наименованіе *производства добровольнаго* или *неспорнаго*, въ отличіе отъ тѣхъ правилъ, которыя опредѣляютъ такъ назыв. *тяжебный* порядокъ судопроизводства.

При распространеніи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года на губерніи Варшавскаго судебнаго округа, вмѣстѣ съ замѣною постановленій о судопроизводствѣ охранительномъ (ст. 1401—1460 уст. гражд. суд.) особыми правилами, не признано было также возможнымъ для дѣлъ сего рода оставить прежнее названіе охранительнаго судопроизводства, такъ какъ въ раздѣлъ, замѣнившій собою четвертую книгу устава гражд. судопр., въ числѣ 23 особыхъ производствъ вошли и такія производства, которымъ названіе охранительнаго судопроизводства вовсе не соотвѣтствовало бы. Поэтому подъ вліяніемъ дѣйствовавшаго тамъ ранѣе французскаго законодательства, въ которомъ всѣ эти производства, составляя предметъ второй части code de procédure civil, носятъ названіе «procédures diverses», всѣ означенныя выше правила, замѣнившія собою по отношенію къ губерніямъ Варшавскаго судебнаго округа постановленія о судопроизводствѣ охранительномъ, составили предметъ особаго раздѣла подъ названіемъ «объ особыхъ производствахъ». Конечно, и этотъ терминъ точно не опредѣляетъ сущности тѣхъ дѣлъ, которыя составляютъ предметъ раздѣла «объ особыхъ производствахъ», но онъ указываетъ на характеръ этихъ дѣлъ, какъ выдѣленныхъ изъ общаго порядка и слѣдующихъ совершенно особому порядку производства гражданскихъ дѣлъ, вслѣдствіе чего и правила о такъ назыв. особыхъ производствахъ во всѣхъ законодательствахъ занимаютъ мѣсто въ концѣ устава гражданскаго судопроизводства.

При установленіи для Прибалтійскихъ губерній особыхъ правилъ, замѣнившихъ постановленія о судопроизводствѣ охранительномъ, терминъ «охранительное судопроизводство» также не признано было возможнымъ сохранить, какъ не соотвѣтствующій тѣмъ разнообразнымъ производствамъ, которыя должны были составить предметъ этихъ правилъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ было признано возможнымъ означеннымъ правиламъ присвоить наименованіе «объ особыхъ производствахъ», заимствовавъ этотъ терминъ изъ законовъ, изданныхъ для губерній Варшавскаго судебнаго округа. Хотя терминъ «объ особыхъ производствахъ» и не даетъ точнаго опредѣленія тѣмъ дѣламъ, которыя составляютъ предметъ этого раздѣла, но несомнѣнно, что въ немъ должны быть сгруппированы дѣла болѣе или менѣе одинаковаго характера, слѣдующія совершенно особому порядку производства, какъ это мы и можемъ наблюдать во многихъ иностранныхъ законодательствахъ, также и въ законодательствѣ, дѣйствующемъ въ губерніяхъ Варшавскаго судебнаго округа; между тѣмъ принципъ этотъ строго не выдержанъ по отношенію къ Прибалтійскимъ губерніямъ, потому что въ числѣ особыхъ производствъ, замѣнившихъ собою такъ назыв. охранительное судопроизводство, значится, напримѣръ, производство объ опредѣленіи вознагражденія за имущества, отчуждаемыя по требованію помѣщика въ принудительномъ порядкѣ, основанномъ на постановленіяхъ мѣстныхъ крестьянскихъ положеній. Дѣла эти по прежде дѣйствовавшимъ тамъ правиламъ мѣстнаго процесса производились общимъ порядкомъ судопроизводства, а съ введеніемъ судебной реформы въ Прибалтійскихъ губерніяхъ они должны производиться на основаніи общихъ правилъ устава гражд. судопроизводства, съ нѣкоторыми только немногими отступленіями, истекающими изъ особенностей этихъ дѣлъ. Поэтому, мнѣ кажется, было бы болѣе правильнымъ какъ по существу, такъ и въ интересахъ болѣе систематическаго расположенія матеріала, правила о производствѣ означеннаго рода дѣлъ помѣстить не въ раздѣлѣ «объ особыхъ производствахъ», а ранѣе среди правилъ о такого рода производствахъ, которыя, слѣдуя общему порядку гражданскаго судопроизводства, допускаютъ только нѣкоторыя отступленія, истекающія изъ особенностей означеннаго рода дѣлъ. Если среди «особыхъ производствъ», установленныхъ и для губерній Варшавскаго судебнаго округа, значится между прочимъ производство объ опредѣленіи вознагражденія за имущества, отходящія по распоряженію правительства изъ частнаго владѣнія на государственныя или общественныя надобности (ст. 1797—1798 уст. гр. суд. изд. 1883 года), то это производство какъ по основаніямъ своимъ, такъ и по самому порядку судопроизводства значительно отличается отъ таковаго же порядка, установленнаго для губерній Прибалтійскихъ по вышеупомянутымъ дѣламъ. Съ другой стороны—если относиться строго, то и означеннаго рода производство (ст. 1797—1798), установленное для губерній Варшавскаго судебнаго округа, также не вполнѣ гармонируетъ съ характеромъ дѣлъ, составляющихъ предметъ остальныхъ «особыхъ производствъ».

III.

Разсматривая правила «объ особыхъ производствахъ» въ томъ порядкѣ, какъ они изложены въ положеніи о преобразованіи судебной части въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, остановимся сначала на особомъ производствѣ *объ усыновленіи.* Какъ извѣстно, во всѣхъ законодательствахъ, гдѣ только существуютъ юридическія формы усыновленія, таковое допускается при соблюденіи извѣстныхъ условій и совершается при посредствѣ суда, вслѣдствіе чего и является необходимость въ установленіи особыхъ правилъ для производства дѣлъ объ усыновленіи въ судебныхъ учрежденіяхъ; по нашимъ же гражданскимъ законамъ Имперіи въ такихъ правилахъ не представляется никакой необходимости, такъ какъ дѣла объ усыновленіи у насъ не поступаютъ на разсмотрѣніе судебныхъ установленій; а для усыновленія требуется или Высочайшее разрѣшеніе (ст. 146 т. X ч. I) или утвержденіе таковаго казенною палатою [3]). Совсѣмъ иначе вопросъ этотъ поставленъ въ мѣстныхъ законодательствахъ [4]), почему при примѣненіи судебныхъ уставовъ къ губерніямъ варшавскаго судебнаго округа и къ губерніямъ Прибалтійскаго края, пришлось установить особыя правила для производства въ судѣ дѣлъ объ усыновленіи.

Такъ какъ общія правила усыновленія, заимствованныя законодательствомъ Прибалтійскихъ губерній изъ римскаго права, подробно изложены въ матеріальныхъ гражданскихъ законахъ (ст. 175 — 192 ч. III свода мѣстн. узак.), то, при оставленіи въ силѣ всѣхъ матеріально правовыхъ опредѣленій по данному предмету, въ процессуальныхъ законахъ пришлось указать только нѣкоторыя правила, касающіяся особаго производства дѣлъ объ усыновленіи въ новыхъ судебныхъ установленіяхъ [5]), и если нѣкоторыя изъ постановленій гражданскихъ законовъ, какъ, напримѣръ, 185 статья подверглась, съ изданіемъ положенія о преобразованіи судебной части, болѣе или менѣе существеннымъ измѣненіямъ, то это объясняется тѣмъ, что хотя эти постановленія находятся среди матеріально-правовыхъ опредѣленій гражданскихъ законовъ, но являются съ чисто процессуальнымъ характеромъ. Въ самомъ дѣлѣ, напримѣръ, 185 статья гражданскихъ законовъ, опредѣляя подсудность дѣлъ объ усыновленіи, между прочимъ, говоритъ, что, въ случаѣ усыновленія лица несовершеннолѣтняго, дѣло поступаетъ на утвержденіе надлежащаго сиротскаго суда. При первомъ взглядѣ на это постановленіе можетъ показаться, что для дѣйствительности усыновленія лица несовершеннолѣтняго, по мѣстнымъ гражданскимъ законамъ, непремѣнно требуется утвержденіе таковаго надлежащимъ опекунскимъ учрежденіемъ; но при ближайшемъ знакомствѣ съ матеріально-правовыми опредѣленіями гражданскихъ законовъ и съ правилами о подвѣдомственности дѣлъ прежнимъ судебнымъ мѣстамъ можно видѣть, что мѣстные гражданскіе законы въ данномъ случаѣ проводятъ только тотъ принципъ, что для дѣйствительности усыновленія требуется непремѣнно

утвержденіе таковаго надлежащимъ судебнымъ мѣстомъ, обязаннымъ предварительно войти въ разсмотрѣніе доказательствъ въ подтвержденіе тѣхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ, по закону (ст. 175—184 закон. гражд.) зависитъ дѣйствительность усыновленія. Если дѣла объ усыновленіи частью были подсудны сиротскимъ судамъ, то это находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что сиротскій судъ не былъ только опекунскимъ учрежденіемъ, а являлся и судебною инстанціею, потому что по прежнему порядку судопроизводства судебныя и административныя функціи не были строго разграничены и были смѣшаны въ судебныхъ установленіяхъ. Такой порядокъ не могъ уже существовать съ введеніемъ судебной реформы въ Прибалтійскомъ краѣ, когда всѣ прежнія судебныя мѣста должны были подвергнуться полному упраздненію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сиротскіе суды, какъ вѣдавшіе, кромѣ опекунскихъ дѣлъ, и дѣла чисто судебнаго свойства, должны были также подвергнуться упраздненію и замѣнѣ ихъ новыми опекунскими органами, хотя и построенными на существовавшихъ прежде сословныхъ началахъ, но уже съ кругомъ вѣдомства дѣлъ чисто опекунскихъ [6]). Какъ извѣстно, большинство судебныхъ дѣлъ прежде вѣдалось сиротскими судами на основаніи постановленій, помѣщенныхъ въ надлежащихъ статьяхъ I части свода мѣстныхъ узаконеній, опредѣляющихъ кругъ вѣдомства земскихъ и городскихъ судебныхъ мѣстъ первой и второй степени, завѣдывавшихъ также и опекунскими дѣлами, и лишь только немногія изъ такихъ дѣлъ вѣдались ими на основаніи постановленій матеріальныхъ гражданскихъ законовъ, каковы, напримѣръ, дѣла о разрѣшеніи совершеннолѣтія прежде общаго срока (venia ætatis) (ст. 271 ч. III св. мѣстн. узак.), объ освидѣтельствованіи и признаніи лица умственно-разстроеннымъ (ст. 500 ч. III), объ объявленіи лица расточителемъ (ст. 507) и безвѣстно-отсутствующаго — умершимъ (ст. 517 и 524), о разрѣшеніи продажи, залога и другихъ обремененій недвижимыхъ имуществъ свыше 300 руб. (ст. 382 и 386), и т. п. Конечно, относительно подвѣдомственности судебныхъ дѣлъ сиротскимъ судамъ на основаніи постановленій I части свода мѣстныхъ узаконеній, съ введеніемъ судебной реформы въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, не могло быть и рѣчи, потому что постановленія эти, какъ служившія къ опредѣленію круга вѣдомства прежнихъ судебныхъ мѣстъ Прибалтійскаго края, съ упраздненіемъ таковыхъ, потеряли само собой всякое значеніе, и только законодателю оставалось считаться съ тѣми постановленіями матеріальныхъ гражданскихъ законовъ (ч. III св. мѣстн. узак.), которыя также опредѣляли подвѣдомственность судебныхъ дѣлъ тѣмъ же сиротскимъ судамъ; но и въ этомъ случаѣ законодателю ничего не оставалось, какъ всѣ дѣла съ чисто судебнымъ характеромъ изъять изъ вѣдѣнія опекунскихъ учрежденій и подчинить ихъ судебнымъ установленіямъ, возложивъ только по нѣкоторымъ изъ этихъ дѣлъ на опекунскія мѣста обязанность предварительнаго ихъ разсмотрѣнія и направленія своихъ постановленій по этому предмету на утвержденіе надлежа-

щаго окружнаго суда [7]). Въ этомъ смыслѣ такъ же былъ разрѣшенъ и вопросъ объ изъятіи дѣлъ объ усыновленіи несовершеннолѣтнихъ (ст. 185 ч. III св. мѣстн. узак.) изъ вѣдѣнія опекунскихъ учрежденій и о признаніи таковыхъ подсудными окружному суду [8]) на одинаковомъ основаніи съ дѣлами объ усыновленіи совершеннолѣтнихъ, каковыя уже поступали во вновь учрежденныя судебныя мѣста на основаніи точнаго смысла 185 ст. мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, при чемъ, такъ какъ 185 статья, кромѣ того, возлагаетъ на судъ обязанность предварительно, до утвержденія усыновленія, удостовѣриться, что усыновленіе въ данномъ случаѣ не обратится во вредъ усыновляемому или постороннимъ лицамъ, то при преобразованіи судебной части въ Прибалтійскомъ краѣ и было признано болѣе цѣлесообразнымъ заключеніе по этому вопросу относительно усыновленія несовершеннолѣтнихъ возложить на надлежащее опекунское учрежденіе; но, конечно, и заключеніе опекунскаго учрежденія и состоявшееся на основаніи этого заключенія опредѣленіе окружнаго суда объ утвержденіи усыновленія не могутъ окончательно рѣшать судьбы усыновленнаго несовершеннолѣтняго лица, такъ какъ законъ (ст. 186 ч. III св. мѣстн. узак.), по достиженіи такими лицами совершеннолѣтія, предоставляетъ имъ право отказаться отъ усыновленія, съ каковою просьбою они должны обратиться въ окружный судъ, коимъ было утверждено усыновленіе, и въ такомъ случаѣ эта просьба ихъ разрѣшается тѣмъ же порядкомъ, какъ и просьба объ усыновленіи, съ выслушаніемъ заключенія прокурора и объясненій явившихся въ засѣданіе участвующихъ въ дѣлѣ лицъ и съ правомъ обжалованія опредѣленія окружнаго суда въ порядкѣ, указанномъ въ статьяхъ 783—791 устава гражданскаго судопроизводства. Законодателю пришлось въ процессуальныхъ законахъ указать порядокъ производства дѣлъ объ усыновленіи, такъ какъ матеріальные гражданскіе законы, опредѣляя матеріальную сторону вопроса, не касаются означеннаго порядка. Въ этомъ отношеніи, при введеніи судебной реформы въ губерніяхъ варшавскаго судебнаго округа, положеніе законодателя было совершенно иное, такъ какъ дѣйствующіе тамъ матеріальные гражданскіе законы (ст. 319 — 325 гражд. улож. 1825 года) опредѣляютъ и самый порядокъ производства дѣлъ объ усыновленіи.

IV.

Такъ какъ съ признаніемъ лицъ *умалишенными* и *расточителями* и учрежденіемъ надъ ними попечительства связываются весьма важныя гражданскія послѣдствія, значительно ограничивающія юридическую дѣеспособность этихъ лицъ, то по многимъ законодательствамъ, какъ, напримѣръ, французскому, саксонскому, австрійскому, цюрихскаго кантона и др. [9]), а также по мѣстному законодательству губерній варшавскаго судебнаго округа [10]), таковое признаніе лицъ умалишенными и расточителями входитъ въ кругъ вѣдѣнія судебныхъ установленій, и всѣ эти

законодательства строго придерживаются такого взгляда, объявляя, что сумасшедшимъ или слабоумнымъ, а также расточителемъ можетъ считаться лишь тотъ, кого судъ признаетъ таковымъ послѣ тщательнаго изслѣдованія его поведенія и т. п. Соотвѣтственно этому устанавливается и процессуальный порядокъ производства этихъ дѣлъ, при чемъ порядокъ производства тѣхъ и другихъ дѣлъ, то есть, о признаніи лицъ умалишенными и расточителями, обыкновенно указывается вмѣстѣ, въ формѣ одного общаго процесса объ ограниченіи дѣеспособности, извѣстнаго въ германскомъ судопроизводствѣ подъ именемъ Entmündigungsverfahren, а въ мѣстномъ законодательствѣ Привислянскихъ губерній — подъ именемъ производства о признаніи лица, состоящимъ подъ законнымъ прещеніемъ (ограниченіе свободной воли), или по французскому законодательству — подъ именемъ—interdiction legale; напротивъ, наши законы внутреннихъ губерній подобныя дѣла о признаніи лицъ умалишенными и расточителями относятъ къ вѣдѣнію администраціи, указывая правила для производства ихъ частью въ матеріальныхъ гражданскихъ законахъ (ст. 368—374), а частью въ уставѣ о пред. и пресѣченіи преступленій (ст. 182 — 184 т. XIV св. зак., изд. 1876 года), вслѣдствіе чего уставъ гражданскаго судопроизводства содержитъ въ себѣ рядъ правилъ по данному предмету только въ отношеніи губерній варшавскаго судебнаго округа (ст. 1673—1680 по изд. 1883 г.), гдѣ какъ мы видѣли, въ силу опредѣленій мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, признаніе лицъ умалишенными и расточителями относится къ компетенціи судебныхъ установленій.

Обращаясь затѣмъ къ разсмотрѣнію мѣстнаго законодательства Прибалтійскихъ губерній, мы можемъ видѣть, что оно, заимствуя свои постановленія по данному предмету, главнымъ образомъ, изъ римскаго права, примыкаетъ къ группѣ тѣхъ законодательствъ, которыя признаніе лицъ умалишенными и расточителями относятъ къ вѣдѣнію судебныхъ установленій (ст. 499—500, 506—507 ч. III св. мѣст. узакон.), такъ какъ для признанія лица умалишеннымъ или расточителемъ, по мѣстному праву, требуется непремѣнно «формальное опредѣленіе *гражданскаго судебнаго мѣста*». Впрочемъ, несмотря на такое довольно категорическое опредѣленіе мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, вопросъ объ освидѣтельствованіи умалишенныхъ въ практикѣ прежнихъ судебныхъ мѣстъ возбуждалъ сомнѣнія и разрѣшался различно. Поводомъ къ такого рода недоразумѣніямъ служило примѣчаніе къ 499 стат. ч. III свода мѣстн. узак., въ которомъ говорится, что порядокъ освидѣтельствованія умалишенныхъ опредѣляется ближе въ уставѣ гражданскаго судопроизводства, но таковаго устава для Прибалтійскихъ губерній не было издано, и хотя центральною коммиссіею былъ уже составленъ проектъ, но таковой не получилъ окончательнаго утвержденія. Вслѣдствіе этого между губерскими правленіями и прежними судебными мѣстами происходили по этому поводу пререканія, окончившіяся тѣмъ, что въ Курляндіи и Эстляндіи освидѣ-

тельствованіе умалишенныхъ стало производиться чрезъ губернское правленіе порядкомъ, указаннымъ въ 368—374 статьяхъ ч. I т. X свода законовъ для внутреннихъ губерній Россіи, относительно же Лифляндіи пререканіе между рижскимъ магистратомъ и губернскимъ правленіемъ доходило до правительствующаго сената, который опредѣленіемъ своимъ по 3 департаменту отъ 20 февраля 1886 года призналъ, что, за неизданіемъ устава гражданскаго судопроизводства для Прибалтійскихъ губерній, единственнымъ законнымъ порядкомъ освидѣтельствованія умственныхъ способностей долженъ быть признанъ порядокъ, установленный для внутреннихъ губерній Россіи въ 368 — 374 статьяхъ ч. I т. X свода законовъ. Конечно, разрѣшеніе вопроса въ такомъ смыслѣ должно быть признано положительно неправильнымъ, въ виду категорическаго требованія мѣстныхъ гражданскихъ законовъ о необходимости по такого рода дѣламъ постановленія формальнаго опредѣленія *гражданскаго судебнаго мѣста* (ст. 499—500 ч. III св. мѣстн. узак.), а также въ виду того, что порядокъ освидѣтельствованія, установленный въ 368—374 ст. ч. I т. X св. законовъ, какъ разсчитанный на гражданскіе законы внутреннихъ губерній Россіи, такимъ образомъ, не можетъ быть распространяемъ на Прибалтійскія губерніи, гдѣ дѣйствуютъ особые мѣстные гражданскіе законы, требующіе для признанія лица умалишеннымъ освидѣтельствованія его *судебнымъ*, а не административнымъ порядкомъ. Если бы даже существовавшій ранѣе сего въ судебныхъ мѣстахъ Прибалтійскихъ губерній процессуальный порядокъ освидѣтельствованія былъ неудовлетворителенъ, то и это ни коимъ образомъ не могло служить основаніемъ къ изъятію этихъ дѣлъ изъ вѣдѣнія судебныхъ установленій, обязанныхъ по прямому смыслу закона (ст. 500), постановить формальное о томъ опредѣленіе, по производствѣ надлежащаго «медицинскаго осмотра умственнаго разстройства свидѣтельствуемаго». Поэтому, при введеніи судебной реформы какъ признаніе лицъ умалишенными, такъ и самый порядокъ ихъ освидѣтельствовованія, согласно точному смыслу 499 и 500 статей мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, отнесены были къ вѣдѣнію судебныхъ установленій, и согласно этому въ положеніи о преобразованіи судебной части въ Прибалтійскихъ губерніяхъ какъ относительно признанія лицъ умалишенными, такъ и расточителями указанъ рядъ процессуальныхъ правилъ, регулирующихъ два особыхъ производства о признаніи лицъ умалишенными (ст. 176—190) и расточителями (ст. 191—202) и объ учрежденіи надъ ними попечительства.

Указанный въ положеніи процессуальный порядокъ производства означенныхъ дѣлъ, соотвѣтствуя особенностямъ мѣстнаго матеріальнаго права Прибалтійскихъ губерній, конечно, въ то же время былъ согласованъ съ общими началами устава гражданскаго судопроизводства, вслѣдствіе чего, напримѣръ, возлагаемая мѣстными гражданскими законами на полицію обязанность возбужденія дѣлъ о признаніи лицъ расточителями (ст. 506 ч. III св. мѣст. узак.) не могла быть оставлена въ силѣ, такъ

какъ предоставленіе полиціи права возбужденія гражданскихъ дѣлъ шло бы въ разрѣзъ съ основнымъ принципомъ гражданскаго процесса. Вмѣсто этого, право возбужденія дѣлъ о признаніи лицъ умалишенными и расточителями предоставлено прокурору, участіе котораго въ гражданскихъ дѣлахъ, имѣющихъ общественный, публичный интересъ, вообще, допускается уставомъ гражданскаго судопроизводства, какъ не противорѣчащее общимъ началамъ гражданскаго процесса.

Не входя въ подробное разсмотрѣніе процессуальныхъ правилъ о производствѣ дѣлъ о признаніи лицъ умалишенными и расточителями и объ учрежденіи надъ ними попечительства (ст. 176—202 положенія), какъ не входящее въ задачу настоящаго очерка, я считаю долгомъ остановиться здѣсь лишь на двухъ постановленіяхъ, какъ заключающихъ въ себѣ нѣкоторыя особенности, и представляющихъ юридическій интерессъ. Во первыхъ, нельзя не обратить вниманія на весьма любопытное заимствованіе изъ германскаго устава гражданскаго судопроизводства объ обращеніи издержекъ по производству дѣлъ о признаніи лицъ умалишенными на возбудившихъ эти дѣла лицъ, если только при производствѣ дѣла окажется, что оно возбуждено частнымъ лицомъ неправильно и явно недобросовѣстно, изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ, чтобы воспользоваться доходами съ имущества свидѣтельствуемаго или подорвать кредитъ послѣдняго [11]). Такого рода правило вовсе неизвѣстно уставу гражданскаго судопроизводства и вводится въ него теперь въ первый разъ по отношенію къ Прибалтійскимъ губерніямъ, и даже производство о признаніи лица, состоящимъ подъ законнымъ прещеніемъ, установленное для губерній варшавскаго судебнаго округа, также не знаетъ этого правила, между тѣмъ оно—крайне полезное правило, какъ могущее иногда служить къ предотвращенію явно неосновательнаго возбужденія означенныхъ дѣлъ изъ корыстныхъ мотивовъ, каковое въ дѣйствительной жизни нерѣдко случается.

Другой вопросъ, на которомъ мы желали бы здѣсь нѣсколько остановиться, касается участія прокурора въ производствѣ означенныхъ дѣлъ. Дѣло въ томъ, что изъ того положенія, которое занимаетъ прокуроръ при производствѣ дѣлъ о признаніи лицъ умалишенными и расточителями и объ учрежденіи попечительства надъ имуществомъ отсутствующихъ, и изъ той дѣятельной роли, которая ему при этомъ предоставляется, какъ бы слѣдуетъ, что прокурору по всѣмъ тремъ означеннымъ производствамъ принадлежитъ право протеста на опредѣленія окружнаго суда. По крайней мѣрѣ, въ этомъ смыслѣ было уже высказано мнѣніе въ печати [12]). Но съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться по слѣдующимъ основаніямъ. Хотя по примѣру французскаго законодательства участіе прокурорскаго надзора въ гражданскомъ процессѣ признано необходимымъ и по нашему уставу гражданскаго судопроизводства, но такъ какъ основной формой гражданскаго судопроизводства по судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 года былъ принятъ процессъ состязательный, то, конечно,

порученіе всѣхъ спорныхъ гражданскихъ дѣлъ наблюденію прокурорскаго надзора было бы несогласно съ началами состязательнаго процесса. Поэтому участіе прокурора было признано необходимымъ только въ гражданскихъ дѣлахъ, требующихъ правительственнаго попеченія, при чемъ случаи, когда въ гражданскихъ дѣлахъ требуется участіе прокурорскаго надзора, были точно опредѣлены въ законѣ (ст. 179, 199, 343, 804, 1294, 1344, 1345 и 1457 устава гражданскаго судопроизводства). Въ однихъ изъ этихъ дѣлъ участіе прокурора проявляется только въ представленіи заключеній, по другимъ же дѣламъ, какъ требующимъ, въ видахъ государственныхъ, особеннаго попеченія, прокурору, сверхъ представленія заключеній, предоставляется болѣе широкое право ходатайства, защиты и даже жалобъ на рѣшенія судовъ. Послѣдняго рода дѣятельность прокурора проявляется по дѣламъ брачнымъ, по которымъ прокуроръ, за отсутствіемъ отвѣтчика, обязанъ даже собирать доказательства противъ иска и имѣетъ право приносить жалобы на рѣшенія судовъ въ общемъ порядкѣ (ст. 1344—1345 устава гражданскаго судопроизводства), и по дѣламъ казенныхъ управленій (ст. 1294 устава гражданскаго судопроизводства), по которымъ прокурору предоставлено право входить въ кассаціонные департаменты сената съ представленіемъ объ отмѣнѣ судебныхъ рѣшеній. Такимъ образомъ случаи, когда прокурору по гражданскимъ дѣламъ предоставляется право ходатайствовать объ отмѣнѣ рѣшеній судовъ, строго и точно опредѣлены въ законѣ, съ указаніемъ каждый разъ въ самомъ текстѣ закона (ст. 1294 и 1345 устава гражданскаго судопроизводства) на означенное право прокурора, и такъ какъ случаи эти являются въ сущности исключеніями изъ общаго порядка производства гражданскихъ дѣлъ по уставу гражданскаго судопроизводства, то къ нимъ, по общимъ началамъ interpretationis extensivae, и не можетъ быть примѣняемо распространительное толкованіе, вслѣдствіе чего, напримѣръ, хотя участіе прокурора въ дѣлахъ объ удостовѣреніи въ безвѣстномъ отсутствіи (ст. 1451 — 1460 устава гражданскаго судопроизводства) во многомъ похоже на участіе его въ дѣлахъ брачныхъ, такъ какъ защита правъ безвѣстно-отсутствующихъ въ судебныхъ мѣстахъ возлагается также на прокурора и признаніе безвѣстнаго отсутствія дѣлается не иначе, какъ по выслушаніи предварительнаго его заключенія (ст. 1457 устава гражданскаго судопроизводства), однако по этимъ дѣламъ не предоставляется прокурору право протеста на опредѣленія окружнаго суда, потому что объ этомъ правѣ его въ данномъ случаѣ нѣтъ указанія въ законѣ. Всѣ эти соображенія вполнѣ примѣнимы и къ разсматриваемымъ нами правиламъ о производствѣ въ Прибалтійскомъ краѣ дѣлъ о признаніи лицъ умалишенными и расточителями и объ учрежденіи попечительства надъ имуществомъ отсутствующихъ, и такъ какъ правила эти согласованы съ общими началами гражданскаго судопроизводства по судебнымъ уставамъ Императора Александра II и въ нихъ о правѣ протеста прокурора на постановленія окружнаго суда

и судебной палаты говорится только въ правилахъ о производствѣ дѣлъ о признаніи лицъ умалишенными (ст. 189 Положенія о преобразованіи судебной части въ Прибалтійскихъ губерніяхъ), въ правилахъ же объ остальныхъ двухъ производствахъ только говорится, что дѣла означеннаго рода разрѣшаются по выслушаніи заключенія прокурора (ст. 196 и 206 Положенія), и что частныя жалобы на опредѣленія суда по этимъ дѣламъ допускаются на общемъ основаніи (ст. 197 и 209 Положенія), то и слѣдуетъ придти къ тому несомнѣнному выводу, что по дѣламъ о признаніи лицъ расточителями и объ учрежденіи попечительства надъ имуществомъ отсутствующихъ право протеста на опредѣленія суда прокурору не предоставляется независимо отъ того, какая бы дѣятельная роль ни предоставлялась и какое бы положеніе ни занималъ прокуроръ при производствѣ означенныхъ дѣлъ.

Въ заключеніи разсмотрѣнія правилъ о производствѣ дѣлъ о признаніи лицъ умалишенными и расточителями, нельзя еще не обратить вниманія на то, что окружный судъ по означеннаго рода дѣламъ постановляетъ только опредѣленіе о признаніи лицъ умалишенными и расточителями, самое же назначеніе попечительства надъ личностью и имуществомъ больнаго и надъ имуществомъ расточителя входитъ, согласно 501 и 507—508 статей мѣстныхъ гражданскихъ законовъ (ч. III свода мѣстныхъ узаконеній), въ кругъ обязанностей подлежащихъ опекунскихъ установленій (ст. 187 и 198 Положенія).

Что касается производства дѣлъ объ отмѣнѣ учрежденнаго надъ умалишеннымъ попечительства, за выздоровленіемъ его, а также объ отмѣнѣ попечительства надъ расточителемъ, то таковое подчиняется таковому же порядку, какъ и первоначальное производство о признаніи лица умалишеннымъ и расточителемъ (ст. 190 и 201 Положенія).

Едва ли нужно доказывать, что установленный для Прибалтійскихъ губерній порядокъ производства дѣлъ объ освидѣтельствованіи умалишенныхъ и расточителей и учрежденіи надъ ними попечительства болѣе обезпечиваетъ его правильность и болѣе соотвѣтствуетъ существу этихъ дѣлъ, чѣмъ порядокъ производства, существующій по законамъ внутреннихъ губерній Россіи. Съ признаніемъ лицъ умалишенными и расточителями связываются важныя гражданскія послѣдствія, значительно ограничивающія юридическую дѣеспособность этихъ лицъ, а потому правильнѣе, по примѣру западно-европейскихъ и нашихъ мѣстныхъ законодательствъ, устранить административныя учрежденія отъ разрѣшенія этихъ вопросовъ и предоставить таковое судебной власти. Послѣднее тѣмъ болѣе является возможнымъ, что по уставу уголовнаго судопроизводства и для внутреннихъ губерній Россіи установленъ порядокъ производства дѣлъ о признаніи лицъ умалишенными чрезъ посредство органовъ судебной власти.

V.

Важность гражданскихъ послѣдствій *безвѣстнаго отсутствія* побуждаетъ всѣ законодательства признаніе таковаго возлагать на обязанность судебной власти. Въ этомъ смыслѣ и былъ разрѣшенъ вопросъ при разработкѣ Высочайше утвержденныхъ 29 сентября 1862 года основныхъ положеній гражданскаго судопроизводства, сообразно съ чѣмъ въ уставѣ гражданскаго судопроизводства былъ введенъ рядъ правилъ, опредѣляющихъ порядокъ удостовѣренія въ безвѣстномъ отсутствіи (ст. 1451—1460). Но, конечно, правила эти, при введеніи судебныхъ уставовъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, не могли быть перенесены цѣликомъ на послѣднія, такъ какъ хотя правила эти процессуальнаго свойства, но они находятся въ столь тѣсной зависимости отъ матеріальныхъ гражданскихъ законовъ, опредѣляющихъ какъ самое понятіе, такъ и послѣдствія безвѣстнаго отсутствія въ отношеніи къ имуществу и семейству, что при различіи матеріальныхъ гражданскихъ законовъ должны отличаться и основанныя на нихъ процессуальныя правила. Наши гражданскіе законы (1 ч. X т. свода законовъ), какъ извѣстно, знаютъ только безвѣстное отсутствіе, вслѣдствіе чего и уставъ гражданскаго судопроизводства опредѣляетъ только порядокъ производства дѣлъ объ удостовѣреніи въ безвѣстномъ отсутствіи, между тѣмъ какъ мѣстные гражданскіе законы Прибалтійскихъ губерній опредѣляютъ послѣдствія не только безвѣстнаго отсутствія, но и всякаго отсутствія лица изъ своего мѣста жительства (ст. 3076—3079) и таковыя послѣдствія ставятъ въ зависимость отъ тѣхъ причинъ, которыми вызвано отсутствіе (ст. 3080—3092), смотря по тому, есть ли оно добровольное или обязательное и слѣдуетъ ли признавать его, въ томъ и въ другомъ случаяхъ, похвальнымъ или предосудительнымъ, то есть, вызвано ли оно, напримѣръ, дѣлами службы или отлучкой для усовершенствованія въ наукахъ, или же оно вызвано совершеніемъ преступленія или отлучкой съ какою либо предосудительною цѣлью, при чемъ мѣстные гражданскіе законы Прибалтійскихъ губерній, подобно нѣкоторымъ германскимъ законодательствамъ, для поступленія указанныхъ въ законѣ послѣдствій не требуютъ непремѣнно, чтобы мѣсто пребыванія отсутствующаго было неизвѣстно. Поэтому, по мѣстнымъ гражданскимъ законамъ, если удалившійся изъ постояннаго своего мѣста жительства не оставилъ за себя уполномоченнаго, и нѣтъ лицъ, которыя могли бы заступить его, не получивъ на то порученія (negotiorum gestor), между тѣмъ какъ такое заступленіе является въ данномъ случаѣ необходимымъ,—то судъ, которому отлучившійся былъ до оставленія имъ мѣста жительства лично подвѣдомственъ, независимо отъ извѣстности или неизвѣстности мѣста его жительства, назначаетъ попечительство для охраненія и завѣдыванія его имуществомъ до тѣхъ поръ, пока онъ не возвратится въ мѣсто своего жительства, или не извѣститъ о себѣ и не

распорядится самъ объ управленіи своимъ имуществомъ, или пока не будетъ получено положительнаго извѣстія объ его смерти, или пока судъ не объявитъ его умершимъ (ст. 516—523 ч. III свода мѣстныхъ узаконеній). Большинство постановленій мѣстныхъ гражданскихъ законовъ по данному вопросу основано на началахъ римскаго права, а нѣкоторыя сходны съ германскими обычаями, каково, напримѣръ, правило, что объявленіе безвѣстно-отсутствующаго умершимъ совершается судомъ, какъ скоро истекло 70 лѣтъ со дня его рожденія, хотя, впрочемъ, этотъ обычай основанъ на 10 стихѣ 90 псалма.

Сообразно съ указанными выше опредѣленіями мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, въ уставъ гражданскаго судопроизводства по отношенію къ Прибалтійскимъ губерніямъ и были введены правила (ст. 203—218 Положенія): во первыхъ, о назначеніи попечительства надъ имуществомъ отсутствующихъ, и во вторыхъ, объ объявленіи безвѣстно-отсутствующаго умершимъ. Правила эти, вытекая изъ постановленій мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, въ то же время основаны на соблюдавшихся и ранѣе сего въ мѣстныхъ судахъ обычаяхъ, и дополнены, главнымъ образомъ только въ отношеніи лицъ, которымъ по новому положенію предоставлено право возбуждать подобныя дѣла. Кромѣ непосредственно въ томъ заинтересованныхъ лицъ, въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ въ 516 и 517 ст. ч. III свода мѣстныхъ узаконеній, право возбужденія дѣлъ о назначеніи попечительства надъ имуществомъ отсутствующаго предоставлено и прокурору суда, какъ представителю государственной власти, аналогично съ тѣмъ правомъ, которое предоставлено прокурору по 1451 ст. устава гражданскаго судопроизводства въ отношеніи безвѣстно-отсутствующихъ, а также и самому суду ex officio (ст. 517). Что касается до дѣлъ объ объявленіи безвѣстно отсутствующаго умершимъ, то здѣсь наблюдается нѣсколько иной порядокъ ихъ возбужденія, потому что предоставленіе таковаго права одновременно и заинтересованнымъ лицамъ и прокурору было бы несогласно съ сущностью такого рода дѣлъ: съ назначеніемъ попечительства надъ имуществомъ отсутствующаго, интересы послѣдняго настолько обезпечиваются, что возбужденіе дѣлъ объ объявленіи такого лица умершимъ должно быть предоставлено только исключительно лицамъ, заинтересованнымъ въ томъ имущественно, въ каковомъ смыслѣ и разрѣшается этотъ вопросъ положеніемъ (ст. 210), при чемъ обязанность возбужденія этихъ дѣлъ иногда возлагается и на чиновъ прокурорскаго надзора, а именно въ случаѣ отсутствія заинтересованныхъ въ томъ лицъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ съ открытіемъ наслѣдства связаны интересы казны или какихъ либо установленій и сословій, получающихъ право наслѣдованія выморочнымъ имуществомъ (ст. 1965—1970 ч. III свода мѣстныхъ узаконеній) [13].

VI.

Правила охранительнаго судопроизводства по судебнымъ уставамъ, касающіяся вызова наслѣдниковъ умершаго лица и охраненія наслѣдства (ст. 1401 — 1408), настолько недостаточны, что не соотвѣтствуютъ тому разнообразію вопросовъ, которые возбуждаются по мѣстнымъ гражданскимъ законамъ Прибалтійскихъ губерній относительно *открытія, принятія и охраненія наслѣдства.* Уставъ гражданскаго судопроизводства, разсчитанный на гражданскіе законы внутреннихъ губерній Россіи, даетъ рядъ правилъ только относительно охраненія наслѣдственныхъ правъ посредствомъ вызова наслѣдниковъ умершаго лица и описи его имѣнія, между тѣмъ какъ мѣстные гражданскіе законы Прибалтійскихъ губерній, съ одной стороны, указаннымъ выше дѣйствіямъ по охраненію наслѣдственныхъ правъ придаютъ совершенно другое значеніе, а съ другой стороны—для своего осуществленія они требуютъ многихъ другихъ судебныхъ дѣйствій по открытію, принятію и охраненію наслѣдствъ. Не касаясь здѣсь всѣхъ основанныхъ частью на римскихъ источникахъ, частью—на мѣстныхъ источникахъ и началахъ германскаго права особенностей права наслѣдованія по мѣстнымъ гражданскимъ законамъ Прибалтійскихъ губерній, остановимся только на тѣхъ особенностяхъ его, которыя должны были вызвать особыя производства въ уставѣ гражданскаго судопроизводства. Кромѣ двухъ главныхъ основаній наслѣдованія— завѣщанія и закона, мѣстные гражданскіе законы Прибалтійскихъ губерній знаютъ еще даренія на случай смерти и кодициллы и подъ вліяніемъ германскаго права — договоры о наслѣдованіи или договоры о назначеніи наслѣдника. Какъ даренія на случай смерти и кодициллы, такъ и договоры о наслѣдованіи по своему содержанію принадлежатъ къ особымъ формамъ завѣщательныхъ распоряженій и по формѣ своей немногимъ отличаются отъ завѣщаній, такъ какъ при совершеніи таковыхъ должны быть соблюдаемы всѣ формальности, предписанныя для завѣщаній (ст. 2426, 2439 и 2481 ч. III св. мѣстн. узак.). Всѣ завѣщанія по своей формѣ, по мѣстному праву, бываютъ или публичныя, или домашнія, а послѣднія, въ свою очередь, могутъ быть или письменныя или словесныя, при чемъ такія завѣщанія могутъ храниться у себя дома или въ судѣ. Такимъ образомъ внѣшняя форма завѣщательныхъ распоряженій вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія частныхъ лицъ, при чемъ эта свобода избранія формы для завѣщательныхъ распоряженій настолько господствуетъ въ мѣстномъ правѣ, что разрѣшается публичнымъ порядкомъ составленныя завѣщанія отмѣнять не только посредствомъ домашняго завѣщанія, но даже посредствомъ устнаго объявленія въ присутствіи свидѣтелей (ст. 2806 и 2807). Но съ моментомъ смерти завѣщателя законъ связываетъ соблюденіе извѣстныхъ формальностей, при чемъ соблюденіе таковыхъ, кромѣ немногихъ, указанныхъ въ законѣ случаевъ,

является необходимымъ для дѣйствительности завѣщательныхъ распоряженій, а именно, по смерти завѣщателя всякое завѣщаніе, въ какой бы формѣ оно ни было составлено, а въ томъ числѣ и всякіе завѣщательные акты въ обширномъ смыслѣ, должно быть представлено въ подлежащій судъ, гдѣ оно вскрывается при открытыхъ дверяхъ и прочитывается сполна (ст. 2446 и 2447). Эти правила о вскрытіи завѣщаній основаны на римскихъ источникахъ, и только въ немногомъ дополнены на основаніи мѣстныхъ источниковъ, при чемъ подъ вліяніемъ обычнаго права указаннаго выше предъявленія завѣщанія въ судъ не требуется для завѣщаній, совершенныхъ родителями въ пользу ихъ дѣтей, если послѣднія всѣ на лицо, и въ такомъ случаѣ послѣдняго рода завѣщанія могутъ вскрываться домашнимъ порядкомъ. То же самое соблюдается и при взаимныхъ завѣщаніяхъ, если умретъ одинъ изъ его соучаетниковъ (ст. 2450). Затѣмъ, на основаніи судебнаго обычая, основаннаго, какъ видно, на правилахъ устава о завѣщаніи 1886 года (§§ 8 и 10), судъ, по просьбѣ заинтересованныхъ сторонъ или по собственной иниціативѣ, дѣлаетъ публичный вызовъ въ опредѣленный срокъ всѣхъ, кто считаетъ себя въ правѣ что либо возразить противъ завѣщанія или, вообще, предъявить по поводу его какія либо притязанія (ст. 2451), и если въ опредѣленный судомъ срокъ никакого спора противъ завѣщанія не будетъ предъявлено, или же предъявленный споръ будетъ устраненъ судомъ, то завѣщаніе признается вступившимъ въ законную силу (ст. 2452). При этомъ необходимо имѣть въ виду, что утвержденіе духовнаго завѣщанія, по мѣстному праву, имѣетъ совершенно иной характеръ, чѣмъ по законамъ внутреннихъ губерній Россіи, на основаніи которыхъ завѣщаніе можетъ быть признано недѣйствительнымъ по собственному усмотрѣнію суда, между тѣмъ какъ по мѣстному праву, даже по несоблюденію самыхъ существенныхъ формальностей, завѣщаніе можетъ быть признано судомъ недѣйствительнымъ лишь по спору заинтересованныхъ лицъ. Точно такъ же и самый вызовъ лицъ для предъявленія спора противъ завѣщанія имѣетъ, по мѣстному праву, совершенно иное значеніе, чѣмъ вызовъ наслѣдниковъ по законамъ внутреннихъ губерній Россіи, гдѣ неявка лицъ въ опредѣленный срокъ и утвержденіе судомъ завѣщанія не лишаетъ ихъ права впослѣдствіи до истеченія общаго срока давности заявить споръ въ судѣ, между тѣмъ какъ по мѣстному праву (ст. 2452), по общимъ правиламъ вызывнаго производства, непредъявленіе спора въ опредѣленный срокъ вызова влечетъ за собою потерю права на искъ. Въ соотвѣтствіе всѣмъ этимъ особенностямъ мѣстнаго права, въ уставъ гражданскаго судопроизводства по отношенію къ Прибалтійскимъ губерніямъ и были введены соотвѣтствующія правила *о порядкѣ вскрытія и обнародованія завѣщаній* (ст. 219 — 233 положенія о преобразованіи судебной части въ Прибалтійскихъ губерніяхъ) съ подробнымъ опредѣленіемъ таковаго порядка, такъ какъ хотя и мѣстные гражданскіе законы Прибалтійскихъ губерній касаются вопросовъ относительно

явки, вскрытія и обнародованія завѣщанія, но они даютъ по этому поводу, главнымъ образомъ, общія матеріально-правовыя опредѣленія, отсылая за дальнѣйшими подробностями относительно порядка явки, вскрытія и обнародованія завѣщанія къ опредѣленіямъ устава гражданскаго судопроизводства (примѣч. къ ст. 2447 и 2452). Что касается правилъ, указанныхъ въ положеніи по данному предмету, то, конечно, они вполнѣ соотвѣтствуютъ всѣмъ приведеннымъ выше матеріально-правовымъ опредѣленіямъ мѣстныхъ гражданскихъ законовъ. Считаемъ долгомъ здѣсь обратить вниманіе лишь на то, что, по примѣру варшавскаго судебнаго округа (ст. 1742 уст. гр. суд. изд. 1883 г.), вскрытіе завѣщаній на малоцѣнныя наслѣдства и въ Прибалтійскихъ губерніяхъ предоставлено мировымъ судьямъ, въ вѣдомствѣ которыхъ завѣщатели имѣли послѣднее предъ своею смертью мѣстожительство (ст. 219 пол.).

VII.

Хотя уставъ гражданскаго судопроизводства, какъ мы видѣли, указываетъ нѣкоторыя правила относительно *охраненія наслѣдствъ*, но, съ одной стороны, правила эти не соотвѣтствуютъ содержанію мѣстнаго матеріальнаго права, а съ другой стороны—они крайне недостаточны, вслѣдствіе чего по отношенію къ Прибалтійскимъ губерніямъ по этому предмету, по примѣру варшавскаго судебнаго округа, пришлось установить особыя процессуальныя правила. Изъ разсмотрѣнія постановленій мѣстныхъ матеріальныхъ гражданскихъ законовъ можно видѣть, что въ однихъ случаяхъ мѣры охраненія судомъ, по мѣстному праву, принимаются только по желанію наслѣдниковъ, именно въ томъ случаѣ, если наслѣдники умершаго, какъ призванные по закону, такъ и назначенные по завѣщанію или договору, извѣстны, притомъ находятся въ совершеннолѣтнемъ возрастѣ и на лицо (ст. 2588); въ другихъ же случаяхъ уже самъ судъ обязанъ принимать мѣры къ охраненію наслѣдства, а именно: 1) когда наслѣдники или нѣкоторые изъ нихъ неизвѣстны; 2) когда не всѣ наслѣдники находятся на лицо; 3) когда наслѣдники не желаютъ или не могутъ принять наслѣдства; 4) когда въ числѣ ихъ находится несовершеннолѣтній или по какой либо другой причинѣ неспособный лично охранять свои права, и 5) когда достовѣрно извѣстно, что лежащіе на наслѣдствѣ долги превышаютъ его стоимость и что интересамъ кредиторовъ грозитъ опасность (ст. 2589). Это различіе легло и въ основаніе процессуальныхъ правилъ о мѣрахъ къ охраненію наслѣдства (ст. 236 полож.), при чемъ принятіе означенныхъ мѣръ лежитъ на обязанности мироваго судьи, въ участкѣ котораго находится наслѣдственное имущество (ст. 234 полож.). Что касается самыхъ мѣръ охраненія наслѣдства, то онѣ, по мѣстному праву, заключаются: 1) въ опечатаніи, 2) въ описи, 3) въ сохраненіи наслѣдства, 4) въ назначеніи попечителей надъ наслѣдствомъ и 5) въ вызовѣ наслѣдниковъ и кредиторовъ. Соотвѣтственно

этому составлены и процессуальныя правила объ охраненіи наслѣдства (ст. 234—271 положенія о преобразованіи судебной части въ Прибалтійскихъ губерніяхъ), о попечительствѣ надъ наслѣдствомъ (ст. 272—273 полож.) и о публикаціи объ открытіи наслѣдства (ст. 274—277 полож.). Прежде всего не можемъ не обратить вниманія на то, что опечатаніе по мѣстному праву (ст. 2587) составляетъ самостоятельный способъ охраненія, между тѣмъ какъ по уставу гражданскаго судопроизводства опечатаніе, обыкновенно, соединяется съ описью. Такъ какъ опечатаніе представляется мѣрою, стѣснительною для заинтересованныхъ лицъ, и соединено съ излишними издержками, вслѣдствіе чего оно на практикѣ отдѣльно отъ описи рѣдко употреблялось [14]), то при введеніи этого способа въ уставъ гражданскаго судопроизводства по отношенію къ Прибалтійскимъ губерніямъ ограничено было примѣненіе этого способа только тѣми случаями, когда заинтересованныя лица будутъ о томъ просить, или когда мировой судья въ извѣстныхъ случаяхъ это признаетъ нужнымъ, или когда по какимъ либо причинамъ не можетъ быть приступлено къ немедленному составленію описи (ст. 238 полож.), вслѣдствіе чего, если опись представляется возможной, то для избѣжанія опечатанія наслѣдства, какъ способа, стѣснительнаго для заинтересованныхъ лицъ, предоставлено усмотрѣнію мироваго судьи, въ случаѣ необходимости, приступить къ описи немедленно, не выжидая доставленія заинтересованнымъ лицамъ извѣщенія о времени, назначенномъ для описи (ст. 254 и 258 полож.). Изъ подробнаго разсмотрѣнія указанныхъ выше правилъ можно видѣть, что всѣ процессуальныя правила о снятіи печатей, составленіи описи, храненіи опечатаннаго или описаннаго имущества и о жалобахъ и спорахъ, возникающихъ при охраненіи наслѣдства (ст. 251 — 271 полож.) весьма сходны съ правилами, установленными по тому же предмету для варшавскаго судебнаго округа [15]), кромѣ немногихъ исключеній, вызванныхъ особенностями мѣстнаго права, какъ, напримѣръ, правило, по которому снятіе печатей можетъ быть допущено по назначеніи попечителя надъ наслѣдствомъ или попечителя надъ имуществомъ отсутствующаго наслѣдника (ст. 251 полож.), въ силу опредѣленій матеріальнаго права, содержащихся въ 518 и 520, 2594 и 2597 ст. ч. III св. мѣстн. узак.

Правила о назначеніи *попечительства надъ наслѣдствомъ* сами по себѣ не представляютъ никакихъ особенностей, но только здѣсь нельзя не обратить вниманія на то, что въ прежнихъ судебныхъ мѣстахъ, какъ вѣдавшихъ и судебныя и опекунскія дѣла, сосредоточивалось все производство о наслѣдствѣ, начиная съ охранительныхъ мѣръ и кончая раздѣломъ наслѣдства; съ введеніемъ же судебныхъ уставовъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ дѣла опекунскія были изъяты изъ вѣдѣнія судебныхъ установленій, вслѣдствіе чего, по разрѣшеніи судомъ вопроса о необходимости назначенія попечительства надъ наслѣдствомъ, самый выборъ попечителей и наблюденіе надъ ними необходимо было предоставить

надлежащимъ опекунскимъ установленіямъ (ст. 273 полож.). Это тѣмъ болѣе представлялось необходимымъ потому, что такой порядокъ вполнѣ соотвѣтствовалъ началамъ мѣстнаго матеріальнаго права, по которымъ (ст. 268) попечительство надъ оставшимся наслѣдствомъ составляетъ одинъ изъ видовъ опекъ, наравнѣ съ опекою надъ несовершеннолѣтними и тому подобными.

Такъ какъ вызовъ наслѣдниковъ по законамъ внутреннихъ губерній Россіи является только способомъ охраненія наслѣдства (ст. 1402 уст. гр. суд.), при чемъ неявившіеся въ срокъ не лишаются права отыскивать наслѣдство въ теченіе общей давности, то такой вызовъ наслѣдниковъ дѣлается по распоряженію принимающаго охранительныя мѣры мироваго судьи. Совсѣмъ другой характеръ получаетъ *публикація объ открытіи наслѣдства* по мѣстнымъ законамъ Прибалтійскихъ губерній: здѣсь, по общимъ основаніямъ провокаціоннаго производства, съ вызовомъ наслѣдниковъ и кредиторовъ соединяются тѣ послѣдствія, что неявка наслѣдниковъ и кредиторовъ въ срокъ вызова влечетъ за собою потерю ихъ правъ на это наслѣдство (ст. 2619, 2620 и 2629). При такихъ условіяхъ вызовъ наслѣдниковъ долженъ уже производиться не принимающимъ только охранительныя мѣры судебнымъ органомъ, а тѣмъ судомъ, который, смотря по роду и цѣнѣ наслѣдства, является компетентнымъ для разрѣшенія споровъ и притязаній на наслѣдство по существу, и такимъ судомъ является именно тотъ судъ, въ вѣдомствѣ котораго наслѣдодатель имѣлъ послѣднее предъ смертью мѣстожительство [16]). Въ этомъ смыслѣ и былъ разрѣшенъ означенный вопросъ при введеніи судебной реформы въ Прибалтійскихъ губерніяхъ (ст. 274—275 полож.), при чемъ на мироваго судью, принимающаго мѣры охраненія наслѣдства, не подлежащаго его вѣдѣнію, возложена обязанность сообщать о производствѣ публикаціи подлежащему суду (ст. 276 полож.). Порядокъ этотъ существовалъ и ранѣе въ прежнихъ судебныхъ мѣстахъ, и такъ какъ онъ не противорѣчитъ судебнымъ уставамъ, то и явилось возможнымъ порядокъ этотъ установить и на будущее время.

VIII.

По принятію наслѣдства, по мѣстнымъ гражданскимъ законамъ Прибалтійскихъ губерній, возникаютъ еще два особыхъ производства: во 1-хъ, *о понужденіи наслѣдниковъ къ объявленію своей воли о принятіи или непринятіи ими наслѣдства*, и во 2-хъ, *объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства*. Сущность и основанія перваго рода производства заключаются въ слѣдующемъ. Большинство опредѣленій мѣстныхъ гражданскихъ законовъ по наслѣдственному праву, какъ извѣстно, всецѣло основано на нормахъ римскаго права, которое ни на одно изъ современныхъ законодательствъ не оказало столь сильнаго вліянія, какъ на гражданскіе законы Прибалтійскихъ губерній, вслѣдствіе чего послѣдними

иногда усвоены такія понятія, которыя чужды западно-европейскимъ законодательствамъ. Въ такомъ положеніи находится вопросъ о переходѣ наслѣдства. По понятіямъ германскаго и французскаго права, наслѣдство переходитъ къ наслѣдникамъ само собой, въ моментъ смерти наслѣдодателя, что и выражается извѣстными формулами: «Der Todte erbt den Lebendigen» и «le mort saisit le vif», получившими осуществленіе во многихъ законодательствахъ, какъ, напримѣръ, французскомъ, австрійскомъ, цюрихскаго кантона [17]) и др., а также въ мѣстномъ законодательствѣ губерній Царства Польскаго [18]). Совсѣмъ иначе этотъ вопросъ разрѣшало римское право, различавшее въ этомъ случаѣ прямыхъ наслѣдниковъ (sui heredes) отъ всѣхъ прочихъ наслѣдниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ extranei: первые наслѣдовали ipso jure, въ силу своего права, независимо отъ своей воли, а отъ послѣднихъ требовалось изъявленіе воли на принятіе наслѣдства, но и первымъ по преторскому праву дана была возможность безмолвно уклониться отъ дѣйствительнаго вступленія въ наслѣдство (такъ называемаго beneficium abstinendi). Во всякомъ случаѣ по римскому праву наслѣдство не переходило къ наслѣдникамъ въ моментъ смерти наслѣдодателя, а для этого требовался отдѣльный актъ принятія наслѣдства посредствомъ изъявленія воли наслѣдника. Въ виду несовпаденія этихъ двухъ моментовъ delatio и acquisitio hereditatis римское право выработано даже особое понятіе о hereditas jacens, подъ которымъ разумѣлось состояніе наслѣдства, какъ совокупности правъ и обязательствъ умершаго, въ періодъ между смертью прежняго обладателя правъ и принятіемъ наслѣдства наслѣдникомъ, причемъ эта hereditas jacens разсматривается, какъ самостоятельная личность—особаго рода юридическое лицо, для достиженія той цѣли, чтобы личность была продолжаема безъ всякаго перерыва. Мѣстные гражданскіе законы Прибалтійскихъ губерній, въ числѣ другихъ началъ римскаго права, усвоили и означенный выше взглядъ на переходъ наслѣдства къ наслѣдникамъ, а также и понятіе о hereditas jacens: съ открытіемъ наслѣдства, въ силу закона или завѣщанія, по мѣстному праву (ст. 1698—1699), наступаетъ только *призваніе* къ наслѣдованію (Berufung zur Erbfolge, Anfall der Erbschaft), дѣйствительное же *пріобрѣтеніе* наслѣдства наступаетъ лишь съ изъявленіемъ призваннымъ къ наслѣдованію готовности *принять* наслѣдство (ст. 2621 и 2622). При такихъ условіяхъ, когда переходъ наслѣдства къ наслѣдникамъ не совпадаетъ съ моментомъ открытія наслѣдства, кредиторы наслѣдодателя и легатаріи заинтересованы въ скорѣйшемъ изъявленіи воли наслѣдниками о принятіи наслѣдства, вслѣдствіе чего мѣстные законы предоставляютъ такимъ лицамъ право обратиться въ судъ о понужденіи наслѣдниковъ къ объявленію своей воли относительно принятія наслѣдства, и въ такомъ случаѣ судъ, по просьбѣ заинтересованныхъ лицъ, назначаетъ призванному къ наслѣдованію лицу срокъ до девяти мѣсяцевъ на объявленіе своей воли, и если онъ до истеченія сего срока не отречется отъ наслѣдства, то считается принявшимъ

таковое (ст. 2634), но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду невозможности иногда строгаго проведенія принципа о полномъ сліяніи (confusio) имуществъ наслѣдодателя и наслѣдника, въ силу котораго на наслѣдника переходятъ всѣ права и обязанности наслѣдодателя, кромѣ чисто личныхъ, мѣстные гражданскіе законы, подобно римскому праву, призванному къ наслѣдованію лицу предоставляютъ—съ одной стороны—jus deliberandi [19]), т. е., право, прежде нежели изъявить свою волю о принятіи наслѣдства, удостовѣриться, въ чемъ оно заключается (ст. 2633), а съ другой стороны—jus beneficii inventarii [20]), то есть право наслѣдника принять наслѣдство съ правомъ инвентаря, въ силу котораго онъ отвѣчаетъ по долгамъ наслѣдодателя и другимъ къ нему требованіямъ лишь въ размѣрѣ полученнаго наслѣдства, причемъ пока наслѣдникъ въ опредѣленный ему судомъ срокъ составляетъ инвентарь, ни кредиторы, ни легатаріи не вправѣ обращать къ нему своихъ требованій, и теченіе давности по ихъ искамъ пріостанавливается на все продолженіе срока, назначеннаго въ объявленіи (ст. 2650—2654). Соотвѣтственно всѣмъ указаннымъ выше особенностямъ мѣстнаго гражданскаго матеріальнаго права, въ положеніе о преобразованіи судебной части въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и были введены процессуальныя правила, опредѣляющія производство въ судѣ дѣлъ по просьбамъ о понужденіи наслѣдниковъ къ объявленію своей воли относительно наслѣдства и по заявленіямъ о принятіи наслѣдства на правѣ инвентарномъ (ст. 278—281 пол.).

Что касается производства объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства, то хотя таковое и не вызывается особенностями мѣстнаго матеріальнаго права, но оно установлено положеніемъ о преобразованіи судебной части въ Прибалтійскихъ губерніяхъ (ст. 282 — 286) на тотъ случай, если наслѣдники по закону, принявшіе наслѣдство, признаютъ необходимымъ, для опредѣленія ихъ правъ на наслѣдство, обратиться къ содѣйствію суда, и, конечно, если былъ произведенъ вызовъ наслѣдниковъ, то утвержденіе въ правахъ наслѣдства можетъ послѣдовать лишь по истеченіи срока сего вызова. Нѣтъ сомнѣнія, что утвержденіе въ правахъ наслѣдства въ охранительномъ порядкѣ возможно лишь до тѣхъ поръ, пока противъ правъ наслѣдника не предъявлено спора, потому что въ послѣднемъ случаѣ споръ долженъ будетъ разрѣшаться въ общемъ исковомъ порядкѣ. Разсматривая опредѣленія мѣстнаго права по данному вопросу, слѣдуетъ, вообще, признать, что мѣстное право для наслѣдника по закону, принимающаго наслѣдство, не требуетъ непремѣнно утвержденія суда. Въ этомъ отношеніи мѣстное право отличается отъ многихъ европейскихъ законодательствъ, изъ коихъ нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, австрійское гражданское уложеніе 1811 года, представляющее въ этомъ отношеніи болѣе сходства съ началами римскаго права, требуетъ отъ наслѣдника непремѣнно утвержденія его судомъ въ правахъ наслѣдства, причемъ желающій вступить во владѣніе наслѣдствомъ не только долженъ заявить, что онъ принимаетъ наслѣдство, но долженъ удостовѣрить

(ausweisen) предъ судомъ и правооснованіе, по которому наслѣдство ему достается, то есть, по завѣщанію, или по дѣйствительному договору или въ силу закона (ст. 799). Другія же законодательства держатся инаго направленія; такъ, напримѣръ, «Code Civil», по которому, какъ мы видѣли, пріобрѣтеніе наслѣдства совпадаетъ съ его открытіемъ, для такъ называемыхъ законныхъ наслѣдниковъ (légitimes) вовсе не требуетъ судебнаго утвержденія въ правахъ наслѣдства, установляя таковое только для непрямыхъ наслѣдниковъ, — именно для незаконныхъ дѣтей, для супруговъ и для государства (art. 724).

IX.

Такъ какъ *раздѣлъ наслѣдства* представляетъ нѣкоторыя особенности въ сравненіи съ раздѣломъ находящагося въ общемъ владѣніи имущества, то всѣ законодательства какъ въ матеріальныхъ, такъ и въ судопроизводственныхъ законахъ указываютъ болѣе или менѣе подробныя правила для раздѣла наслѣдства. Хотя уставъ гражданскаго судопроизводства и даетъ рядъ правилъ, опредѣляющихъ порядокъ раздѣла наслѣдства въ охранительномъ, безспорномъ порядкѣ, однако, правила эти не могли быть цѣликомъ перенесены на Прибалтійскія губерніи, въ виду тѣхъ особенностей, которыми отличается мѣстное право по данному предмету. Особенности эти, главнымъ образомъ, заключаются: во 1-хъ, въ томъ, что мѣстное право въ нѣкоторыхъ случаяхъ (ст. 2696 и 2697), для разрѣшенія спора о раздѣлѣ наслѣдства между братьями и сестрами и другими близкими родственниками, допускаетъ узаконенный третейскій судъ; во вторыхъ, — если наслѣдники не согласятся между собою на счетъ стоимости подлежащихъ раздѣлу недвижимостей, то въ такихъ случаяхъ, по мѣстному праву (ст. 2702), раздѣлу должна предшествовать оцѣнка недвижимостей, причемъ каждый изъ наслѣдниковъ можетъ требовать совершенія таковой судебнымъ порядкомъ; въ 3-хъ, по мѣстному праву (ст. 2703 и 2704), для опредѣленія истинной стоимости недвижимости, наслѣдники могутъ обращаться къ публичной продажѣ оной и при этомъ сами принимать участіе въ торгахъ съ тѣмъ, что оно отдается тому, за кѣмъ состоится высшая цѣна, и наконецъ, въ 4-хъ, наиболѣе существенная особенность мѣстнаго права (ст. 2741) заключается въ томъ, что въ случаѣ раздѣла наслѣдства, произведеннаго по вступившему въ законную силу судебному или третейскому рѣшенію, сонаслѣдники ни подъ какимъ предлогомъ не имѣютъ право его оспаривать, между тѣмъ какъ по уставу гражданскаго судопроизводства (ст. 1420), основанному въ данномъ случаѣ всецѣло на гражданскихъ законахъ внутреннихъ губерній Россіи (ст. 1332 и 1335 ч. 1 т. X св. зак.), постановленіе суда о раздѣлѣ наслѣдства не лишаетъ участвовавшихъ въ немъ права, въ извѣстныхъ случаяхъ и въ опредѣленный срокъ, предъявить, съ представленіемъ надлежащихъ доказательствъ, искъ о передѣлѣ, который и

разсматривается судомъ по общимъ правиламъ гражданскаго судопроизводства. Въ виду означенныхъ выше особенностей мѣстныхъ гражданскихъ законовъ пришлось правила устава гражданскаго судопроизводства по данному предмету (ст. 1409—1423) при примѣненіи таковыхъ къ Прибалтійскимъ губерніямъ, съ одной стороны, замѣнить новыми правилами (ст. 287, 288, 290—292 положенія), а съ другой — дополнить ихъ соотвѣтственно изложеннымъ выше особенностямъ мѣстнаго права (ст. 289 пол.) съ указаніемъ, что раздѣлъ наслѣдства производится на основаніи статей 1410—1419, 1421 и 1423 устава гражданскаго судопроизводства, съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ стат. 2685—2695, 2698—2734, 2738—2741 и 2743—2762 ч. III свода мѣстныхъ узаконеній. Такимъ образомъ, всѣ главныя особенности мѣстнаго права по данному вопросу оставлены дѣйствующими и на будущее время, за исключеніемъ дѣйствовавшихъ ранѣе сего для разрѣшенія споровъ о раздѣлѣ между ближайшими родственниками узаконенныхъ третейскихъ судовъ, существованіе которыхъ уже шло бы совершенно въ разрѣзъ съ началами устава гражданскаго судопроизводства, и такъ какъ организація третейскихъ судовъ въ томъ видѣ, какъ они существовали въ Прибалтійскихъ губерніяхъ по данному предмету, относится къ области не матеріальнаго права, а судопроизводства, то и не встрѣтилось особыхъ препятствій къ уничтоженію этихъ третейскихъ судовъ и замѣнѣ ихъ, для разрѣшенія спора о раздѣлѣ наслѣдства третейскимъ судомъ, организованнымъ по общимъ правиламъ устава гражданскаго судопроизводства. Что касается правилъ, изложенныхъ въ 290 и 291 ст. положенія о преобразованіи судебной части въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и опредѣляющихъ, что продажа для раздѣла наслѣдственнаго имущества, при согласіи всѣхъ сонаслѣдниковъ, можетъ быть произведена и домашнимъ порядкомъ, и что продажа наслѣдственнаго имущества, съ общаго согласія наслѣдниковъ, для опредѣленія истинной стоимости имѣнія, производится по правиламъ о добровольной публичной продажѣ (ст. 3945 и 3946), безъ обязательности при этомъ описи и оцѣнки имѣнія, то эти правила въ сущности не заключаютъ въ себѣ какихъ либо нововведеній, вытекая также изъ матеріально-правовыхъ опредѣленій мѣстныхъ гражданскихъ законовъ.

X.

Въ одной изъ предыдущихъ своихъ статей [21]) при разрѣшеніи вопроса о правѣ выкупа имѣній, проданныхъ съ публичнаго торга, мнѣ приходилось уже останавливаться на вопросѣ о *выкупѣ имуществъ*, а потому не представляется надобности здѣсь подробно на немъ останавливаться. Хотя уставъ гражданскаго судопроизводства и заключаетъ въ себѣ правила о порядкѣ производства дѣлъ о выкупѣ родовыхъ имуществъ (ст. 1438—1450), но такъ какъ правила эти представляютъ лишь развитіе началъ общаго матеріальнаго гражданскаго права Имперіи, то пра-

вила эти и не могли быть безъ измѣненій перенесены на Прибалтійскія губерніи, мѣстные гражданскіе законы которыхъ по данному вопросу содержатъ въ себѣ много особенностей. Общіе гражданскіе законы Имперіи (ст. 1346 ч. 1 т. X), какъ извѣстно, допускаютъ только выкупъ родственниками *родовыхъ* имуществъ, отчужденныхъ *по продажамъ* во владѣніе чужеродцамъ; между тѣмъ совершенно иначе разрѣшается этотъ вопросъ мѣстными гражданскими законами, усвоившими себѣ по данному вопросу начала германскаго права, которое право выкупа имуществъ допускало въ самыхъ широкихъ размѣрахъ въ пользу членовъ рода, въ пользу общины, въ пользу сосѣдей, въ пользу членовъ дворянскаго сословія и т. п. (такъ называемаго retractus gentilitius, retr. ex jure incolatus, ex jure vicinitatis и т. п.). Позаимствовавъ многія изъ своихъ постановленій по этому предмету изъ германскаго права, мѣстные гражданскіе законы поэтому допускаютъ право выкупа имуществъ въ довольно обширныхъ размѣрахъ, даже при условіи публичной продажи имѣнія, причемъ выкупъ (Näherrecht, Retracts oder Beispruchsrecht), будучи вещнымъ правомъ, можетъ быть простираемъ не только на перваго пріобрѣтателя подлежащей оному недвижимости, но и на послѣдующихъ (ст. 1613 — 1690 ч. III св. мѣст. узак.). Кромѣ того, по мѣстному праву, могутъ быть выкупаемы не только родовыя, но и благопріобрѣтенныя недвижимости, проданныя даже за долги съ публичнаго торга (ст. 1658), причемъ право выкупа не ограничивается только имуществами, отчужденными по продажамъ, но можетъ быть простираемо и на имѣнія, переданныя въ заставное владѣніе и уступленныя вмѣсто уплаты (ст. 1618), а по лифляндскому земскому праву—и на промѣненныя (ст. 1619), хотя при мѣнѣ по другимъ земскимъ правамъ, а также при дареніи и при отчужденіи по мировой сдѣлкѣ право выкупа не допускается. Хотя право выкупа въ разныхъ территоріяхъ Прибалтійскаго края существуетъ въ различныхъ видахъ и имѣетъ не одинаковое значеніе, вытекая изъ различныхъ основаній, однако, всѣ виды права выкупа относительно порядка возникновенія, прекращенія, осуществленія и послѣдствій подчиняются однимъ и тѣмъ же правиламъ, вслѣдствіе чего, при введеніи судебной реформы въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, признано было возможнымъ подчинить ихъ одинаковымъ процессуальнымъ правиламъ, съ распространеніемъ на нихъ правилъ, изложенныхъ въ статьяхъ 1442—1447 и 1450 устава гражданскаго судопроизводства и съ соблюденіемъ при этомъ, конечно, особенностей мѣстнаго права (ст. 1613—1690 ч. III св. мѣст. узакон.), изъ коихъ установленная 1629 и 1631 ст. присяга по требованію одной какой либо стороны, какъ идущая въ разрѣзъ съ началами устава гражданскаго судопроизводства, допускающаго присягу лишь по взаимному соглашенію тяжущихся, была отмѣнена положеніемъ (ст. 297) и замѣнена подпискою.

Кромѣ того здѣсь еще нельзя не обратить вниманія на употребленное въ 1441 ст. устава гражданскаго судопроизводства выраженіе объ из-

держкахъ «на поддержаніе и улучшеніе имѣнія», какъ основанное на опредѣленіяхъ общихъ гражданскихъ законовъ Имперіи; мѣстные же гражданскіе законы при разрѣшеніи вопроса о возвратѣ издержекъ, употребленныхъ на имѣніе, дѣлаютъ различіе между издержками необходимыми, полезными и возникшими изъ роскоши, то есть, способствовавшими только удобству, пріятности или украшенію (такъ называемаго impensae voluptuariae), при чемъ въ послѣднемъ случаѣ такія издержки при выкупѣ имѣнія вовсе не подлежатъ возвращенію пріобрѣтателю имѣнія (ст. 577, 580 и 1630), вслѣдствіе чего и необходимо было въ 1441 ст. устава гражданскаго судопроизводства ввести соотвѣтствующее измѣненіе (296 ст. Положенія).

XI.

Къ числу особенностей мѣстныхъ гражданскихъ законовъ Прибалтійскихъ губерній должна быть отнесена допускаемая ими *добровольная судебная публичная продажа недвижимаго* и движимаго *имущества*, совершенно неизвѣстная общимъ гражданскимъ законамъ Имперіи. Нѣтъ сомнѣнія, что добровольная публичная, при посредствѣ суда, продажа имущества должна во многомъ отличаться отъ принудительной, обязательной продажи, совершаемой помимо воли и желанія собственника, между тѣмъ какъ добровольная публичная продажа мыслима только при желаніи самого собственника, причемъ какъ опредѣленіе мѣста продажи, такъ и самыхъ условій ея должно принадлежать сторонамъ и, главнымъ образомъ, продавцу. Такъ какъ существованіе подобныхъ добровольныхъ публичныхъ продажъ не идетъ въ разрѣзъ съ началами устава гражданскаго судопроизводства, между тѣмъ такія публичныя продажи положительно разрѣшаются мѣстными гражданскими законами (ст. 3951) и вкоренились въ юридическомъ сознаніи мѣстнаго населенія, то при введеніи судебной реформы въ Прибалтійскомъ краѣ и было признано возможнымъ такія публичныя продажи оставить и на будущее время, ограничивъ ихъ лишь недвижимыми имуществами въ видахъ, главнымъ образомъ, практическихъ удобствъ, такъ какъ возложеніе также на судъ и обязанности добровольной публичной продажи движимости значительно бы и безъ особой крайней необходимости усложнило бы задачу судебныхъ установленій и отвлекало бы судебныхъ приставовъ отъ непосредственныхъ и немалочисленныхъ обязанностей, лежащихъ на нихъ по судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 г. [22]). Соотвѣтственно этому въ Положеніи о преобразованіи судебной части въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и были указаны процессуальныя правила, опредѣляющія порядокъ производства дѣлъ о добровольной судебной публичной продажѣ недвижимаго имущества (ст. 298—309).

Въ этихъ правилахъ съ одной стороны указано, что предоставлено усмотрѣнію продавца продавать недвижимость при мировомъ съѣздѣ или

окружномъ судѣ, безъ ограниченія цѣлаго имѣнія, а съ другой, что лицу, просящему о продажѣ, должно принадлежать право опредѣлять условія продажи, и судъ въ подобныхъ случаяхъ обязанъ только удостовѣриться въ правѣ этого лица распорядиться имѣніемъ, что, конечно, должно явствовать изъ ипотечной книги на это имѣніе. Эти и другія особенности порядка производства дѣлъ о добровольной судебной публичной продажѣ недвижимости вытекаютъ изъ того существеннаго различія между добровольной и принудительной или обязательной продажей недвижимости, при чемъ особенности добровольной публичной судебной продажи прямо вытекаютъ изъ постановленій мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, изложенныхъ въ статьяхъ 3946, 3961, 3962, 3966, 3968 и 3969 ч. III свода мѣстныхъ узаконеній, вслѣдствіе чего въ положеніи и необходимо было оговорить, что публичная продажа въ такихъ случаяхъ хотя и производится порядкомъ, опредѣленнымъ въ уставѣ гражданскаго судопроизводства, но съ соблюденіемъ при томъ касающихся сего и указанныхъ выше постановленій мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, а также и другихъ правилъ, указанныхъ въ семъ положеніи. Къ числу особенностей добровольной судебной публичной продажи принадлежитъ также и то, что подобная публичная продажа, наравнѣ съ частною, не оказываетъ никакого вліянія на право залогодержателей, между тѣмъ какъ съ принудительною публичною продажею недвижимости, на которую ингроссированы ипотеки, независимо отъ согласія кредиторовъ, прекращаются всѣ ингроссированныя по ней долговыя обязательства, закладныя права и ипотеки, о которыхъ только покупщикъ не заявитъ, что принимаетъ ихъ на себя (ст. 1602 и 3967 ч. III свода мѣстныхъ узаконеній), вслѣдствіе чего въ объявленіяхъ о добровольной публичной продажѣ, кромѣ другихъ необходимыхъ свѣдѣній (ст. 1147 пп. 1—3 и 6 устава гражданскаго судопроизводства и пп. 2 и 3 ст. 132 Положенія) и означенія необходимыхъ условій продажи (300 ст. Положенія), должно быть также указано, что продажа эта добровольная, а слѣдовательно и не прекращающая обезпеченныхъ симъ имѣніемъ ипотекъ (ст. 305 Положенія).

XII.

Мѣстные гражданскіе законы Прибалтійскихъ губерній, подобно мѣстнымъ гражданскимъ законамъ губерній Царства Польскаго (ст. 1257—1264 гражданскаго кодекса), содержатъ болѣе или менѣе подробныя опредѣленія о такъ называемомъ *взносѣ на храненіе* (depositio, Niederlegung, consignation), какъ способѣ исполненія по всякаго рода обязательствамъ, при томъ способѣ, влекущемъ за собою весьма существенныя матеріальныя послѣдствія (ст. 3522—3524), между тѣмъ общіе гражданскіе законы Имперіи знаютъ лишь единичный случай такого взноса, именно представленіе въ судъ занятыхъ денегъ (ст. 2055 ч. I т. X свода законовъ), вслѣдствіе чего уставъ гражданскаго судопроизводства

вовсе не касается этого вопроса. Но важное значеніе по мѣстному праву этого способа исполненія по обязательствамъ и принудило ввести въ положеніе о преобразованіи судебной части въ Прибалтійскихъ губерніяхъ (ст. 310—316) соотвѣтствующія особенностямъ мѣстнаго права процессуальныя правила, опредѣляющія порядокъ взноса на храненіе, подобно тому, какъ таковыя же правила, соотвѣтственно также особенностямъ мѣстнаго права, установлены были для губерній Варшавскаго судебнаго округа (ст. 1780—1786 устава гражданскаго судопроизводства изданнаго 1883 г.). Въ означенныхъ правилахъ съ одной стороны указано, что взносу на храненіе подлежатъ всякіе предметы, къ сохраненію и сбереженію которыхъ судъ не встрѣтитъ препятствій (ст. 311) и затрудненій, а съ другой стороны, изложенъ порядокъ такого взноса на храненіе, при чемъ такъ какъ подобный взносъ на храненіе установленъ въ интересахъ должника, для огражденія его отъ невыгодныхъ послѣдствій неисполненія въ срокъ обязательствъ, то такой взносъ, конечно, является правомъ, а не обязанностью должника [23]), почему ему предоставляется также право взять внесенный имъ на храненіе предметъ обратно, пока кредиторъ не заявитъ требованія о выдачѣ ему таковаго, послѣ чего между должникомъ и кредиторомъ устанавливалось уже договорное соглашеніе, отъ котораго одностороннее отступленіе по общимъ началамъ мѣстнаго права (ст. 3105, 3131, 3209 и 3276) не можетъ быть допущено. Что касается споровъ относительно дѣйствительности взноса на храненіе, то таковые, аналогично съ порядкомъ, установленнымъ для губерній Варшавскаго судебнаго округа (ст. 1783 устава гражданскаго судопроизводства изданнаго 1883 г.), разрѣшаются на основаніи общихъ правилъ устава гражданскаго судопроизводства (ст. 315 Положенія).

XIII.

Ни одно изъ установленныхъ положеніемъ для Прибалтійскихъ губерній особыхъ производствъ не имѣетъ такого важнаго практическаго значенія и не касается столь многихъ областей права, какъ именно *вызывное производство* (ст. 317—356 Положенія). Хотя и всѣ другія законодательства въ той или другой формѣ допускаютъ вызовъ неизвѣстныхъ лицъ для предъявленія правъ, а въ томъ числѣ и наше общее законодательство установляетъ вызовъ наслѣдниковъ (ст. 1401 уст. гр. суд.), безвѣстно отсутствующихъ (ст. 1453 уст. гр. суд.) кредиторовъ несостоятельнаго должника и т. п., но нигдѣ вызывное производство не получило столь широкихъ размѣровъ, какъ по мѣстнымъ гражданскимъ законамъ Прибалтійскихъ губерній, вслѣдствіе чего при введеніи судебной реформы въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и представилось необходимымъ указать въ Изложеніи процессуальныя правила о разнаго рода вызывныхъ производствахъ. Не имѣя возможности подробно останавливаться на этихъ правилахъ и на сущности каждаго изъ многочисленныхъ от-

дѣльныхъ видовъ вызывныхъ производствъ, такъ какъ это далеко завлекло бы насъ за предѣлы настоящей статьи, укажемъ здѣсь лишь на общій характеръ вызывнаго производства и отмѣтимъ наиболѣе выдающіеся случаи подобныхъ общихъ вызововъ.

Вызывное производство, по мѣстному праву, влечетъ за собою важныя гражданскія послѣдствія для вызываемыхъ лицъ, которыя, въ случаѣ незаявленія своихъ правъ въ назначенный судомъ срокъ, считаются утратившими свои права и даже на опредѣленіе суда по этому поводу означеннымъ лицамъ по общему принципу не предоставляется права жалобъ. Но, разумѣется, въ такой безусловной формѣ безапелляціонность рѣшеній суда можетъ иногда представляться крайне несправедливой, такъ какъ возможны такіе случаи, когда самый вызовъ судомъ будетъ произведенъ неправильно или по винѣ суда не дошелъ до свѣдѣнія лицъ, признанныхъ потерявшими свои права и т. п. Для такихъ случаевъ и установленъ положеніемъ порядокъ обжалованія опредѣленій суда [24]) посредствомъ частныхъ жалобъ, подаваемыхъ въ мѣсячный срокъ, съ предоставленіемъ означеннымъ лицамъ права на предъявленіе иска противъ упомянутыхъ опредѣленій, но не въ теченіе общаго срока давности, а въ четырехмѣсячный срокъ, считая послѣдній съ того дня, когда истцу сдѣлалось извѣстно оспариваемое опредѣленіе или вошелъ въ законную силу приговоръ о такомъ уголовномъ обстоятельствѣ, которое лишаетъ это опредѣленіе силы и значенія (ст. 331 — 333 Положенія). Впрочемъ, срокъ этотъ иногда допущенъ болѣе продолжительный, когда таковой срокъ установленъ мѣстными гражданскими законами, какъ напримѣръ, на основаніи 2619 и 2620 ст. ч. III св. мѣстн. узак., при вызовѣ наслѣдниковъ предоставляется неявившимся въ срокъ наслѣдникамъ предъявить искъ въ теченіе срочнаго года со дня полученія свѣдѣній объ открытіи наслѣдства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая нѣсколько смягчить послѣдствія неявки вызываемыхъ лицъ въ срокъ, Положеніе о преобразованіи судебной части въ Прибалтійскихъ губерніяхъ заимствовало изъ общегерманскаго устава гражданскаго судопроизводства 30 января 1877 г. (§ 828) то правило, что заявленіе заинтересованными лицами своихъ правъ, сдѣланное хотя бы и по истеченіи означеннаго въ объявленіи срока, признается своевременнымъ, если оно поступило до постановленія судомъ опредѣленія по существу, просьбы, по коей возбуждено производство (ст. 327 Положенія). Въ виду важныхъ гражданскихъ послѣдствій, соединяемыхъ съ вызывнымъ производствомъ, послѣднее, по закону, можетъ быть допускаемо только въ извѣстныхъ точно указанныхъ въ законѣ случаяхъ, обыкновенно по просьбѣ заинтересованныхъ въ томъ лицъ и только въ трехъ случаяхъ по усмотрѣнію самого суда, именно въ случаяхъ вызововъ для предъявленія споровъ противъ завѣщаній (ст. 2451 ч. III св. мѣстн. узак.), вызововъ наслѣдниковъ (ст. 2597) и лицъ, имѣющихъ возраженія противъ продажи крестьянскихъ участковъ (Лифляндское крестьянское положеніе 1860 г. ст. 62). Срокъ

на вызовъ, обыкновенно, назначается самимъ судомъ, при томъ въ предѣлахъ срочнаго года (Jahr und Tag), въ нѣкоторыхъ же случаяхъ этотъ срокъ опредѣленъ самимъ закономъ,—напримѣръ, при учрежденіи родоваго фидеикоммисса (ст. 2538) и при совершеніи корроборацій (ст. 3018 и 3019). Въ томъ и другомъ случаѣ такимъ срокомъ считается срочный годъ. Предоставляя въ нѣкоторыхъ случаяхъ опредѣленіе срока усмотрѣнію суда, законъ однако постановляетъ, что такой срокъ не можетъ быть менѣе 6 мѣсяцевъ, соотвѣтственно сроку вызова въ Имперіи (ст. 1241 ч. I т. X св. зак.), и болѣе срочнаго года (ст. 324 полож. и ст. 3059, 3060 и 3627 ч. III св. мѣстн. узак.). Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ указанныя выше правила о вызывномъ производствѣ распространяются только на вызовы, производимые судебными мѣстами; другія же установленія, какъ напримѣръ, органы полиціи, управленія кредитныхъ обществъ и пр., производя въ извѣстныхъ случаяхъ вызовы, руководствуются при этомъ особыми правилами.

Кромѣ общихъ процессуальныхъ правилъ, опредѣляющихъ вызывное производство, Положеніе содержитъ въ себѣ еще рядъ правилъ, касающихся *отдѣльныхъ видовъ вызывнаго производства* (ст. 335—356): 1) *вызова при отчужденіи недвижимаго имущества*, производимаго, по просьбѣ заинтересованныхъ лицъ, для вызова всѣхъ лицъ, имѣющихъ по недвижимости такія вещныя права, которыя не значатся въ ипотечныхъ книгахъ, или имѣющихъ право выкупа, потому что послѣднее, хотя бы и не значилось въ ипотечныхъ книгахъ, но должно быть осуществлено по отчужденіи недвижимости въ теченіе опредѣленнаго срока, каковой и установляется срокомъ вызова. Хотя съ означеннымъ вызовомъ и связывается потеря правъ для лицъ, не явившихся въ срокъ вызова, но, разумѣется, это не можетъ касаться разнаго рода ограниченій права собственности, такъ называемыхъ поземельныхъ повинностей (Reallasten), которыя неразрывно связаны съ недвижимостью и не прекращаются съ ея продажею; 2) *вызова при учрежденіи или прекращеніи фидеикоммисса* (ст. 338 — 341), производимаго, по требованію заинтересованныхъ лицъ, для вызова кредиторовъ и всѣхъ другихъ лицъ, могущихъ имѣть на обращаемое въ фидеикоммиссъ имѣніе какое либо право (ст. 2531 ч. III св. мѣстн. узак.) или имѣющихъ что либо возразить противъ его учрежденія (ст. 2538), и, вообще, заинтересованныхъ въ учрежденіи или отмѣнѣ фидеикоммисса; 3) *вызова при открытіи наслѣдства* (ст. 342—343), о которомъ намъ уже приходилось говорить ранѣе при разсмотрѣніи охранительныхъ мѣръ, связанныхъ съ открытіемъ наслѣдства; 4) *вызова для погашенія ипотекъ* (ст. 344—349), допускаемаго въ тѣхъ случаяхъ, когда: а) ипотечный долгъ, по заявленію должника, уже уплаченъ, но на погашеніе онаго въ крѣпостной книгѣ должникъ не можетъ получить требуемаго закономъ (ст. 1600 ч. III св. мѣст. узак.) согласія настоящаго кредитора, за неизвѣстностью его или его мѣстожительства; б) когда кредиторъ признаетъ уплату долга и изъ-

являетъ согласіе на погашеніе онаго въ крѣпостной книгѣ, но выданный ему долговой актъ не можетъ быть представленъ по случаю утраты онаго (ст. 3540 ч. III св. мѣст. узак.), и в) когда должникъ по просроченному ипотечному обязательству не можетъ произвести уплату за неизвѣстностью настоящаго кредитора или его мѣстожительства. Во всѣхъ этихъ случаяхъ съ неявкою вызываемыхъ лицъ въ опредѣленный срокъ связываются тѣ гражданскія послѣдствія, что не предъявившіе свои права на ипотеку должны быть признаны утратившими эти права, и въ такомъ случаѣ ипотека будетъ погашена въ ипотечной книгѣ, о каковомъ опредѣленіи суда и должно быть публиковано въ вѣдомостяхъ. Хотя этотъ видъ вызывнаго производства и не предусмотрѣнъ мѣстными гражданскими законами, однако на практикѣ онъ давно уже примѣнялся, въ виду важнаго практическаго его значенія [25]), вслѣдствіе чего при введеніи судебной реформы въ Прибалтійскихъ губерніяхъ признано было возможнымъ установить въ законѣ процессуальныя правила, опредѣляющія порядокъ вызова для погашенія ипотекъ. Этотъ видъ вызывнаго производства настолько отличается цѣлесообразностью и вызывается неотложными практическими нуждами, что, какъ видно изъ слуховъ, проникшихъ въ печать, министерство юстиціи предполагаетъ этотъ видъ вызова примѣнить къ законодательству внутреннихъ губерній Россіи; 5) наконецъ, *вызова по случаю утраты долговыхъ документовъ* (ст. 350—356), выданныхъ частнымъ лицомъ опредѣленному кредитору, то есть, именныхъ. Цѣль подобнаго вызова [26]), конечно, заключается въ томъ, чтобы, несмотря на утрату акта, вслѣдствіе похищенія, потери, пожара и т. п., сохранить за кредиторомъ право требованія. Просьбы о признаніи акта уничтоженнымъ подаются, смотря по суммѣ онаго, мировому судьѣ или окружному суду по мѣсту платежа, означенному въ актѣ, если же таковое не означено, то по мѣсту жительства должника, а при неизвѣстности послѣдняго—по мѣсту выдачи обязательства.

XIV.

Послѣднее изъ особыхъ производствъ, установленныхъ для Прибалтійскихъ губерній, касается вопроса *объ опредѣленіи вознагражденія за имущества, отчуждаемыя въ принудительномъ порядкѣ.* Означенное особое производство вызывается тѣмъ, что кромѣ принудительнаго отчужденія (экспропріаціи) частнаго имущества на государственныя или общественныя потребности, вознагражденіе за каковое по новому закону [27]) и по отношенію къ Прибалтійскимъ губерніямъ опредѣляется на основаніи общихъ, дѣйствующихъ въ Имперіи, правилъ о вознагражденіи общественномъ, то есть не въ судебномъ, а въ административномъ порядкѣ, мѣстное право знаетъ еще экспропріацію частей изъ поземельныхъ участковъ, отдѣленныхъ отъ помѣстья, по требованію помѣщика. Такого рода право на экспропріацію вытекаетъ изъ дѣйствующихъ въ Прибалтійскомъ

краѣ крестьянскихъ положеній: Лифляндскаго 1860 года (§§ 42—45) и Эстляндскаго 1856 года (§§ 204 — 207) и Высочайше утвержденныхъ 19 февраля 1865 года правилъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ острова Эзеля (§ 23). Въ силу означенныхъ узаконеній, во всѣхъ участкахъ помѣстья, перешедшихъ къ постороннимъ лицамъ, въ Эстляндіи— въ собственность, въ Лифляндіи — въ собственность и временное владѣніе, а на островѣ Эзелѣ—во временное пользованіе, за помѣщикомъ сохраняется право совозмезднаго присоединенія земель для спуска воды, искусственнаго орошенія и для устройства сухопутныхъ или водяныхъ сообщеній, причемъ на помѣщикѣ для этой цѣли лежитъ обязанность доказать въ подлежащемъ судѣ необходимость и пользу подобныхъ предпріятій, и затѣмъ уже помѣщикъ можетъ пользоваться отчужденною землею не иначе, какъ на означенное предпріятіе; въ противномъ случаѣ земля вновь возвращается прежнему собственнику или владѣльцу, но безъ права обратнаго полученія уплаченнаго уже вознагражденія. Количество вознагражденія опредѣляется судомъ, если не состоится полюбовнаго на то соглашенія самихъ сторонъ. Компетентнымъ для разрѣшенія означеннаго вопроса судомъ, по прежнимъ законамъ, считался мѣстный приходскій судъ [28]). Въ виду означенныхъ особенностей мѣстнаго права, съ введеніемъ судебной реформы въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, и пришлось установить въ Положеніи (ст. 357—360) процессуальныя правила, опредѣляющія порядокъ производства дѣлъ объ опредѣленіи вознагражденія за имущества, отчуждаемыя въ принудительномъ порядкѣ, причемъ всѣ эти дѣла были подчинены вѣдѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ по мѣсту нахожденія отчуждаемой недвижимости (357 ст. Пол. и 212 ст. уст. гр. суд.), и должны производиться на основаніи общихъ правилъ устава гражданскаго судопроизводства, съ нѣкоторыми отступленіями, вызываемыми особенностью этихъ дѣлъ; такъ въ виду особаго свойства этихъ дѣлъ, какъ не терпящихъ отлагательства, дѣла эти обязательно должны производиться сокращеннымъ порядкомъ, затѣмъ судебныя издержки во всякомъ случаѣ возлагаются на помѣщика, возбудившаго дѣло объ экспропріаціи (ст. 359 Положенія) и передача отчужденнаго участка помѣщику, согласно 868 ст. ч. III св. мѣстн. узак., дѣлается не прежде, какъ по представленіи помѣщикомъ росписки владѣльца въ полученіи полнаго вознагражденія или же внесенія помѣщикомъ суммы вознагражденія въ окружный судъ (ст. 360 Положенія). Въ началѣ настоящей статьи мнѣ приходилось уже указывать на то, что этотъ послѣдній видъ особыхъ производствъ не вполнѣ гармонируетъ съ остальными производствами, и, дѣйствительно, дѣла сего рода, какъ видно изъ вышеизложеннаго, должны производиться на основаніи общихъ правилъ устава гражданскаго судопроизводства съ небольшими только отступленіями отъ общаго порядка. Поэтому-то правила о производствѣ этихъ дѣлъ правильнѣе было бы помѣстить не въ отдѣлѣ «объ особыхъ производствахъ», а среди процессуальныхъ правилъ о такого рода производствахъ, которыя, слѣдуя об-

щему порядку гражданскаго судопроизводства, допускаютъ нѣкоторыя отступленія, вызываемыя особенностью этихъ дѣлъ.

Этимъ я оканчиваю третью и послѣднюю статью моего очерка, предназначеннаго къ выясненію особенностей гражданскаго судопроизводства въ Прибалтійскомъ краѣ. Изъ вышеизложеннаго не трудно видѣть, что хотя особенности эти весьма существенны и касаются многихъ сторонъ гражданскаго судопроизводства, однако онѣ не подрываютъ тѣхъ главныхъ началъ, которыя лежатъ въ основѣ гражданскаго судопроизводства по судебнымъ уставамъ Императора Александра II, при чемъ всѣ эти особенности въ гражданскомъ судопроизводствѣ Прибалтійскаго края въ большинствѣ случаевъ вызваны особенностями мѣстнаго матеріальнаго права, построеннаго, какъ извѣстно, на совершенно иныхъ началахъ, чѣмъ общее матеріальное гражданское право Имперіи.

---

*) См. Юрид. Вѣстникъ 1890 годъ №№ 3 и 9.

1) Судебные уставы 20 ноября 1864 года, съ приложеніемъ разсужденій на коихъ они основаны. Изд. Государ. канцеляріи ч. I (2-е изд.)—стр. XXI—XXII, XXXVI—VII, 672—674.

2) Положеніе о преобраз. суд. части въ Приб. губ. ст. 170 (см. изд. Минист. Юстиціи—Гасмана и Нолькена—ч. I, стр. 141—142).

3) Сводъ законовъ т. X. ч. I ст. 151 — 158, т. IX, ст. 491, а также т. II прил. къ 452 ст. по прод. 1868 года.

4) Гражданское уложеніе 1825 г. ст. 319—325; сводъ мѣстн. узак. губ Остз. ч. III ст. 175—192.

5) Положеніе о преобразов. судебной части въ Прибалт. губ. ст. 171—175.

6) Положеніе о преобраз. судеб. части въ Приб. губ.—В. «Объ учрежденіи опекунскихъ установленій» ст. 1–13.

7) «Объ учрежденіи опекунскихъ установленій» (въ Прибалт. губерніяхъ ст. 7., ibid., ст. 6.

8) Полож. о преобраз. судеб. части въ Приб. губ. ст. 171—172.

9) Code Civil art. 489 — 515; Саксонское гражданское уложеніе ст. 81, 81-а и 81-б и Саксонскій законъ 20 февр. 1882 г. ст. 1 — 7, отмѣнившій собою 1981—1989 ст. гражд. улож.; общее гражд. уложеніе Австрійской Имперіи 1811 г. ст. 273: граждан. уложеніе Цюрихскаго кантона ст. 318, 319, 323—330, и др.

10) Гражданское уложеніе 1825 г. ст. 489—521.

11) Положеніе о преобраз. суд. части въ Приб. губ. ст. 188, изд. Мин. Юстиціи—Гасмана и Нолькена ч. I, стр. 150.

12) «Юридическая Лѣтопись» 1890 г. № 1 стр. 35—статья В. Я. Фукса «Судебная реформа Прибалтійскихъ губерній».

13) Полож. о преобраз. суд. части въ Приб. губ.—изд. Мин. Юст.—Гасмана и Нолькена, стр. 157.

14) Положеніе о преобраз. суд. части въ Прибалт. губ.—изд. Минист. Юстиціи—Гасмана и Нолькена стр. 167.

15) Уставъ гражд. суд. изд. 1883 г. ст. 1709—1741.

[16]) Ст. XXXIV введенія къ III ч. св. мѣст. узакон.

[17]) Code Civil—art. 724, «общее гражданское уложеніе Австрійской Имперіи 1811 г. ст. 537, «Гражданское улож. Цюрихскаго кантона» ст. 1986.

[18]) Книга III гражданскаго кодекса ст. 724.

[19]) L. 7. D. de jure deliberandi (XXVIII, 8).

[20]) L. 22 §§ 2, 4, 9 и 11 C. de jure deliber. (VI, 30).

[21]) См. мою статью: «Гражданское судопроизводство въ Прибалтійскомъ краѣ»—статья вторая—Юридическій Вѣстникъ—№ 9 стр. 113—115.

[22]) Положеніе о преобразованіи судебной части въ Прибалт. губ.—изд. Мин. Юстиціи, Гасмана и Нолькена ч. I, стр. 187—188.

[23]) Положеніе о преобразованій судебной части въ Прибалт. губ. изд. Мин. Юстиціи—Гасмана и Нолькена ч. I, стр. 195.

[24]) Положеніе о преобразованіи судебной части въ Прибалт. губ. изд. Мин. юстиціи—Гасмана и Нолькена ч. I, стр. 204.

[25]) Положеніе о преобраз. судебн. части въ Прибалт. губ.—изданіе Мин. Юст. Гасмана и Нолькена ч. I, стр. 210.

[26]) ibid. стр. 214.

[27]) Высочайше утвержденное 9 іюля 1889 года мнѣніе Государственнаго Совѣта ст. XVIII.

[28]) Положеніе о преобразованіи судебной части въ Прибалтійскихъ губерн.—изд. Мин. Юстиціи—Гасмана и Нолькена ч. I, стр. 218.

Игорь Тютрюмовъ

МЕЖДУНАРОДНАЯ ХЛѢБНАЯ ТОРГОВЛЯ РОССІИ.

Подъ названіемъ «свѣдѣнія о международной хлѣбной торговлѣ» центральнымъ статистическимъ комитетомъ изданы (Временникъ центральнаго статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ, 1889 г., № 5) статистическія таблицы, составленныя старшимъ редакторомъ г. Кауфманомъ. Названный *Временникъ* представляетъ собою одну изъ брошюръ, изданныхъ въ послѣднее время, матеріалъ для которыхъ разработанъ по порученію предсѣдателя «коммиссіи по поводу паденія цѣнъ на сельско-хозяйственныя произведенія», учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

Согласно свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ въ таблицахъ этого изданія въ десятилѣтіе съ 1852 по 1861 годъ, т. е. до отмѣны крѣпостнаго права, всего вывезено изъ Россіи: пшеницы 24,669,918 четв., ржи 13,297,913 четвертей, овса 10,012,186 четвертей и ячменя 4,653,921 четверть. Въ послѣднее же десятилѣтіе, т. е. съ 1877 по 1886 г. всего вывезено изъ Россіи четвертей: пшеницы—116,539,583, ржи—78,814,514, овса — 78,586,835 и ячменя 36,487,880, т. е. въ послѣднее десятилѣтіе вывозъ пшеницы увеличился на 91,869,665 четвертей, или на $372{,}_4\%$, ржи на 65,516,601 четв., или на $492{,}_7\%$, овса на 68,574,649 четв., или на $684{,}_9\%$, и ячменя на 31,833,959 четв., или на 684%: одно десятилѣтіе отдѣляется отъ другаго только пятнадцатью годами [1]).

[1]) Если мы сравнимъ за то же время вывозъ пшеницы и пшеничной муки изъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки съ вывозомъ пшеницы изъ Россіи, то получимъ слѣдующія цифры. Въ десятилѣтіе 1852—1861 гг. всего вывезено пшеницы и пшеничной муки изъ Соединенныхъ Штатовъ 34,818,675 четвертей, а въ десятилѣтіе 1877—1886 гг.—209,780,755 четвертей, т. е. болѣе на 174,962,080 четвертей, или на $502{,}_5\%$. Разность въ ростѣ торговли пшеницею Россіи по сравненію съ ростомъ торговли Соединенныхъ Штатовъ окажется незначительною, если мы примемъ во вниманіе то обстоятельство, что Россія выступила на путь капиталистическаго производства въ земледѣліи всего какихъ нибудь 25 лѣтъ.

Прежде, чѣмъ перейти къ болѣе детальному разсмотрѣнію хлѣбной торговли Россіи и соперничающихъ съ нею странъ на международномъ рынкѣ, посмотримъ на общія цифры вывоза одного изъ главныхъ предметовъ хлѣбной торговли, а именно пшеницы. Въ пятилѣтіе 1862 — 1866 гг. всего вывезено изъ Россіи пшеницы 26,840,524 четверти, въ десятилѣтіе 1867 — 76 гг. — 86,602,694 четв. и въ десятилѣтіе 1877—1886 гг.—116,539,583 четверти. Изъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки вывезено мѣстной пшеницы и пшеничной муки въ пятилѣтіе 1862—1866 гг. 30,875,802 четверти, въ десятилѣтіе 1867—1876 гг. 80,048,170 четвертей и въ десятилѣтіе 1877 — 1886 гг. 209,780,755 четвертей. Если мы ограничимся приведенными цифрами вывоза пшеницы, не обращая вниманія на число четвертей, ввезенное въ Соединенные Штаты, а потомъ вывезенное изъ нихъ на европейскіе рынки, то сравненіе показываетъ, что въ 1862 — 66 г., изъ Россіи вывезено пшеницы менѣе на 4.035,278 четв., или на $13,_1$%, чѣмъ вывезено изъ Соединенныхъ Штатовъ пшеницы и муки; что въ первое десятилѣтіе (1867—76) изъ Россіи вывезено на 6.554,484 четв., или на $8,_2$%, болѣе, чѣмъ въ то же время изъ тѣхъ же Штатовъ, и что въ послѣднее десятилѣтіе (1877—86) изъ Россіи вывезено той же пшеницы менѣе на 93.241,172 четв., или на $44,_4$%, чѣмъ вывезено за то же время изъ Соединенныхъ Штатовъ. Относительное увеличеніе вывоза пшеницы изъ Россіи также указываетъ на то, что въ послѣднее десятилѣтіе вывозъ пшеницы изъ Россіи относительно падаетъ, въ то время какъ вывозъ пшеницы и пшеничной муки изъ Соединенныхъ Штатовъ увеличивается и абсолютно, и относительно. Такъ вывозъ изъ Россіи въ первое десятилѣтіе увеличился на $222,_6$% по сравненію съ предшествующимъ пятилѣтіемъ; вывозъ же во второе десятилѣтіе по сравненію съ вывозомъ перваго десятилѣтія увеличился только на $34,_6$%. Между тѣмъ вывозъ изъ Соединенныхъ Штатовъ пшеницы и пшеничной муки въ первое десятилѣтіе увеличился на $159,_3$% по сравненію съ пятилѣтіемъ; во второе же десятилѣтіе увеличился по сравненію съ первымъ десятилѣтіемъ на $162,_1$%. Относительное уменьшеніе вывоза пшеницы является для Россіи еще тѣмъ болѣе невыгоднымъ, что цѣна четверти пшеницы во второе десятилѣтіе понизилась на лондонскомъ рынкѣ съ $12,_{32}$ руб. металл. за четверть до $9,_{60}$ металл. руб., или на $22,_1$%. Т. е. выходитъ такъ, что по сравненію съ первымъ десятилѣтіемъ русскіе торговцы пшеницею должны были отдать даромъ нѣсколько болѣе $^1/_5$ всего вывезеннаго количества четвертей для того, чтобы получить обычную прибыль, при условіи, конечно, что всѣ остальныя обстоятельства торговли пшеницею остались прежними. Разумѣется, паденіе цѣнъ пшеницы въ послѣднее десятилѣтіе отразилось и на американскихъ торговцахъ пшеницею, но, при прочихъ равныхъ условіяхъ, такое пониженіе цѣны уравновѣшивалось до извѣстной степени тѣмъ, что оно сопровождалось громаднымъ экспортомъ пшеницы и пшеничной муки.

Обратимся къ болѣе детальному разсмотрѣнію вывоза пшеницы, ржи, овса и ячменя и распредѣленію его по государствамъ.

Въ пятилѣтіе съ 1862—66 гг. весь вывозъ пшеницы въ 26.840,524 четверти распредѣлялся по государствамъ слѣдующимъ образомъ: въ Великобританію 13.118,089 четвертей (48,9% всего вывоза этого пятилѣтія), въ Германію—2.638,432 четв. (9,8%), во Францію—5.135,001 четв. (19,1%), въ Италію—2.558,765 четв. (9,6%), въ Голландію—41,674 четв. (0,2%) и въ прочія государства—12,4%. Въ десятилѣтіе 1867 — 76 гг. весь вывозъ въ 86.602,694 четв. распредѣлялся такъ: въ Великобританію—44.466,758 четв. (51,3%), въ Германію—6.274,987 четв. (7,2%), во Францію — 17.221,329 четв. (19,9%), въ Италію — 5.943,873 четверти (6,9%), въ Голландію — 1.145,051 четверть (1,3%) и въ проч. государства — 13,4%. Въ десятилѣтіе 1877 — 1886 годахъ весь вывозъ къ 116.539,583 четверти распредѣлялся по государствамъ слѣдующимъ образомъ: въ Великобританію—41.971,016 четв. (36%), въ Германію—18.157,269 четв. (15,6%), во Францію—19.112,782 четв. (16,4%), въ Италію—7.852,163 четв. (6,7%), въ Голландію—7,781,862 четв. (6,7%) и въ прочія государства—18,26%. Изъ приведенныхъ абсолютныхъ и относительныхъ величинъ вывоза русской пшеницы видно, что вывозъ пшеницы на великобританскій рынокъ уменьшается и абсолютно и относительно; что на французскій и итальянскій рынокъ вывозъ пшеницы абсолютно возросъ, но относительно упалъ; что русская пшеница удерживаетъ за собою только германскій, голландскій рынокъ и рынки прочихъ государствъ.

По абсолютной величинѣ вывоза второе мѣсто занимаетъ *рожь*. Въ пятилѣтіе 1862—66 г. весь вывозъ въ 6,660,520 четв. распредѣлялся между слѣдующими государствами: въ Великобританію 935,990 четвер. (14,1%), въ Германію — 4,096,719 четв. (61,5%), въ Голландію—994,304 четв. (14,9%), въ Швецію и Норвегію — 185,996 четвертей (2,8%), въ Бельгію—78,859 четв. (1,2%) и въ прочія государства—5,5%. Въ десятилѣтіе 1867—76 г. весь вывозъ въ 46,941,160 четв. по государствамъ распредѣлялся слѣдующимъ образомъ: въ Великобританію—9,044,673 четв. (19,3%), въ Германію — 22,667,570 четвертей (48,3%), въ Голландію— 4,741,601 четв. (10,1%), въ Швецію и Норвегію—3,206,527 четв. (6,8%), въ Бельгію—1,243,962 четв. (2,7%) и въ прочія государства—12,8%). Въ десятилѣтіе 1877 — 86 г. весь вывозъ въ 78,814,514 четв. распредѣлялся по государствамъ слѣдующимъ образомъ: въ Великобританію — 12,732,323 четв. (16,2%), въ Германію—34.110,500 четв. (43,3%), въ Голландію— 8,905,150 четв. (11,3%), въ Швецію и Норвегію—9,943,735 четв. (12,6%), въ Бельгію—3,061,479 четв. (3,9%) и въ прочія государства — 12,7%. Такимъ образомъ, вывозъ ржи на великобританскій, германскій и голландскій рынки упалъ относительно, несмотря на его абсолютное увеличеніе; но въ то же время увеличился вывозъ и абсолютно, и отно-

сительно на шведско-норвежскій, бельгійскій и прочихъ государствъ рынки.

Третье мѣсто по величинѣ вывоза занимаетъ *овесъ*. Въ пятилѣтіе 1862—66 г. весь вывозъ въ 6,401,250 четв. распредѣлялся по государствамъ слѣдующимъ образомъ: въ Великобританію—4,893,234 четв. (76,4%), въ Германію—396,966 четв. (6,2%); во Францію—550,316 четв. (8,6%), въ Голландію — 158,501 четв. (2,5%), въ Бельгію — 44,302 четв. (0,7%) и въ прочія государства — 5,6%. Въ десятилѣтіе 1867 — 76 г. весь вывозъ въ 34,959,754 четв. распредѣлялся такъ: въ Великобританію—21,730,104 четв. (62,2%), въ Германію—6,280,747 четв. (18%), во Францію — 2,975,004 четв. (8,5%), въ Голландію—813,792 четв. (2,3%), въ Бельгію—1,598,838 четв. (4,6%) и въ прочія государства — 4,4%. Въ десятилѣтіе 1877—86 г. весь вывозъ въ 78,586,835 четв. распредѣлялся слѣдующимъ образомъ: въ Великобританію—37,439,479 четв. (47,6%), въ Германію—13,690,156 четвертей (17,4%), во Францію 12,120,136 четвертей (15,4%), въ Голландію — 5,329,741 четв. (6,8%), въ Бельгію — 6,535,607 четв. (8,3%) и въ прочія государства—4,5%. Отсюда видно, что вывозъ овса на великобританскій рынокъ, относительно, падаетъ, несмотря на абсолютное увеличеніе вывоза; почти въ такомъ же положеніи или, вѣрнѣе, движеніи находится вывозъ овса и на германскомъ рынкѣ; только на французскій, голландскій и бельгійскій рынки вывозъ овса увеличивается и относительно, и абсолютно; рынокъ прочихъ государствъ не играетъ значительной роли по торговлѣ овсомъ.

Наконецъ, вывозъ *ячменя* занимаетъ слѣдующее мѣсто по величинѣ. Въ пятилѣтіе 1862—66 г. весь вывозъ въ 2,997,274 четв. распредѣлялся слѣдующимъ образомъ: въ Великобританію — 1,247,306 четв. (41,6%), въ Германію—209,864 четв. (7,0%), въ Голландію—1,116,610 четв. (37,2%), въ Бельгію — 45,485 четв. (1,5%) и въ прочія государства—12,7%. Въ десятилѣтіе 1867—76 г. весь вывозъ въ 12,571,552 четв. распредѣлялся слѣдующимъ образомъ: въ Великобританію — 6,552,581 четв. (52,1%), въ Германію—1,214,632 четв. (9,7%), въ Голландію—2,615,277 четв. (20,8%), въ Бельгію — 460,684 четв. (3,7%) и въ прочія государства — 13,7%. Въ десятилѣтіе 1877—86 г. весь вывозъ въ 36,487,880 четв. по государствамъ распредѣлялся такъ: въ Великобританію—17,334,445 четв. (47,5%), въ Германію—3,679,701 четв. (10,1%), въ Голландію — 5,383,118 четв. (14,8%), въ Бельгію — 4,302,145 четв. (11,8%) и въ прочія государства — 15,8%. Такимъ образомъ вывозъ ячменя на великобританскій рынокъ, возрастая абсолютно, падаетъ относительно; относительное паденіе вывоза ячменя на голландскій рынокъ выражается еще рѣзче, чѣмъ на великобританскомъ рынкѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается и абсолютно, и относительно вывозъ ячменя на германскій и бельгійскій рынки, а также на рынки прочихъ государствъ.

Вывозъ пшеницы, ржи, овса и ячменя, показанный выше, указываетъ только на то, что вывозъ названныхъ хлѣбовъ предназначается въ ту или другую страну ввоза, но дѣйствительный ввозъ того или другого рода хлѣба въ ту или другую страну не совпадаетъ съ номинальнымъ означеніемъ страны ввоза. Поэтому обратимся къ англійскому рынку и посмотримъ на немъ на роль Россіи по ввозу хлѣба, а также и на роль странъ, соперничающихъ съ нею въ доставкѣ хлѣба.

Въ пятилѣтіе 1862 — 66 г. весь привозъ въ Англію пшеницы равнялся 51,144,643 четвертямъ, который составился изъ привоза слѣдующихъ странъ: изъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки 14,320,917 четв. (28%), изъ Россіи — 10,136,862 четв. (19,$_8$%) и изъ другихъ странъ остальныя 52,$_2$%. Въ десятилѣтіе 1867 — 76 г. весь привозъ равнялся 143,025,702 четверт. Въ это число четвертей привезено: изъ Соединенныхъ Штатовъ 51,168,293 четверти (35,$_8$%), изъ Россіи — 34,697,599 четв. (24,$_3$%), изъ Остъ-Индіи—2,048,667 четв. (1,$_4$%), изъ Австраліи—2,452,791 четв. (1,$_7$%) и изъ другихъ странъ—36,$_8$%. Въ десятилѣтіе 1877—86 г. весь привозъ пшеницы равнялся 221,453,251 четв. Въ томъ числѣ: изъ Соединенныхъ Штатовъ 121,154,009 четв. (54,$_7$%), изъ Россіи — 24,742,761 четв. (11,$_2$%), изъ Остъ-Индіи — 21,787,257 четв. (9$_8$%), изъ Австраліи — 9,222,617 четв. (4,$_2$%) и изъ другихъ странъ—20,$_1$%. Такимъ образомъ, Россія по вывозу пшеницы все болѣе и болѣе вытѣсняется съ англійскаго рынка, съ одной стороны, Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами, а съ другой—Остъ-Индіею и Австраліею.

Весь привозъ овса въ Англію въ пятилѣтіе 1862—1866 гг. равнялся 10.243,750 четвертямъ, который составился изъ привоза слѣдующихъ странъ: изъ Соединенныхъ Штатовъ 121,179 четв. (1,$_2$%), изъ Россіи 2.879,150 четв. (28,$_1$%), изъ Швеціи 3.462,356 четв. (33,$_8$%), изъ англійскихъ владѣній въ Сѣверной Америкѣ 429,141 четв. (4,$_2$%) и изъ другихъ странъ 32,$_7$%. Въ десятилѣтіе 1867—1876 гг. весь привозъ равнялся 32.744,937 четв., который составился изъ привоза: изъ Соединенныхъ штатовъ 191,898 четв. (0,$_6$%), изъ Россіи 12.600,387 четв. (38,$_5$%), изъ Швеціи 11.364,860 четв. (34,$_7$%), изъ англійскихъ владѣній въ Сѣверной Америкѣ 1.350,280 четв. (4,$_2$%) и изъ другихъ странъ 22%.

Въ десятилѣтіе 1877—1886 гг. весь привозъ равнялся 40.779,648 четв., который составился изъ привоза: изъ Соединенныхъ Штатовъ 708,620 четв. (1,$_7$%), изъ Россіи 23.191,639 четв. (56,$_9$%), изъ Швеціи 11.741,988 четв. (28,$_8$%), изъ англійскихъ владѣній въ Сѣверной Америкѣ 1.585,908 четв. (3,$_9$%) и изъ другихъ странъ 8,$_7$%.

Отсюда видно, что Россія по вывозу овса все болѣе и болѣе овладѣваетъ англійскимъ рынкомъ, вытѣсняя съ него своего главнаго конкуррента—Швецію.

Весь привозъ ячменя въ Англію равнялся въ пятилѣтіе 1862—1866 гг.

10.906,815 четв., который составился изъ привоза: изъ Россіи 994,933 четв. (9,1%), изъ Германіи 2.381,292 четв. (21,8%), изъ Турціи и Болгаріи 2.158,110 четв. (19,8%), изъ Даніи 2.036,595 четв. (18,7%) и изъ другихъ странъ 30,6%. Въ десятилѣтіе 1867 — 1876 гг. весь привозъ равнялся 28.968,583 четв., который составился изъ привоза: изъ Россіи 5.097,170 четв. (17,6%), изъ Германіи 3.667,968 четв. (12,7%), изъ Румыніи 1.369,578 четв. (4,7%), изъ Турціи и Болгаріи 5.680,026 четв. (19,6%), изъ Даніи 3.833,492 четв. (13,2%) и изъ другихъ странъ 32,2%. Въ десятилѣтіе 1877—1886 гг. весь привозъ равнялся 41.604,556 четв., который составился изъ привоза: изъ Россіи 11.812,642 четв. (28,4%), изъ Германіи 6.257,442 четв. (15%), изъ Румыніи 7.261,866 четв. (17,8%), изъ Турціи и Болгаріи 3.658,963 четв. (8,8%), изъ Даніи 3.748,670 четв. (9%) и изъ другихъ странъ 21%. Такимъ образомъ, по вывозу ячменя Россія занимаетъ первое мѣсто на англійскомъ рынкѣ, при чемъ ея серьезнымъ конкуррентомъ является Румынія. Обѣ названныя страны оказываютъ сильное давленіе на вывозъ ячменя изъ Германіи, такъ что вывозъ послѣдней относительно падаетъ, хотя и увеличивается абсолютно.

По ввозу кукурузы Россія занимаетъ незначительное мѣсто на англійскомъ рынкѣ, на которомъ господствуетъ ввозъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, равнявшійся 24.899,815 четв. (66,1%) въ пятилѣтіе 1872 — 1876 гг. и 66.915,713 четв. (68,2%) въ десятилѣтіе 1877—1886 гг.

Посмотримъ на роль Россіи по ввозу пшеницы и ржи на германскомъ рынкѣ. Въ пятилѣтіе 1862—1866 гг. привозъ пшеницы въ Германію изъ Россіи равнялся 658,000 четв., или 12,1% всего привоза пшеницы въ Германію (5.443.000 четв.). Въ десятилѣтіе привозъ пшеницы изъ той же Россіи равнялся 6.094,000 четв., или 21,6% всего привоза въ это десятилѣтіе (28.240,000 четв.). Въ десятилѣтіе 1877 — 1886 гг. весь привозъ пшеницы въ Германію равнялся 39.377,000 четв., и въ томъ числѣ изъ Россіи было привезено 14.592,000 четв., или 37,1% всего привоза. Такимъ образомъ, по вывозу пшеницы Россія все болѣе и болѣе овладѣваетъ германскимъ рынкомъ: ввозъ пшеницы увеличивается и абсолютно и относительно. Если мы сравнимъ показанный вывозъ пшеницы изъ Россіи въ Германію съ тѣмъ, дѣйствительно ввезеннымъ въ Германію количествомъ пшеницы, то окажется, что въ пятилѣтіе 1862—1866 гг. въ Германію ввезено русской пшеницы менѣе на 1.980,432 четв., въ десятилѣтіе 1867—1876 гг. менѣе на 180,987 четв. и въ десятилѣтіе 1877—1886 гг. менѣе на 3.565,269 четв., т. е. оказывается, что Германія является скупщикомъ русской пшеницы, которую она перепродаетъ на другіе рынки.

Привозъ ржи изъ Россіи въ Германію равнялся: 2.424,000 четв. въ пятилѣтіе 1862—1866 гг., или 42,7% всего привоза ржи (5.673,000 четв.), 12.798,000 четв. въ десятилѣтіе 1867—1876 гг., или 29,7%

всего привоза ржи въ это же десятилѣтіе (43.013,000 четв.) и 25.935,000 четв. въ десятилѣтіе 1877—1886 гг., или 44,4% всего германскаго привоза (58.375,000 четв.). Такимъ образомъ, по вывозу ржи Россія занимаетъ на германскомъ рынкѣ еще болѣе значительное мѣсто, чѣмъ по вывозу пшеницы, при чемъ сравненіе показываетъ, что Германія скупаетъ русскую рожь еще въ большемъ количествѣ, чѣмъ она дѣлаетъ это съ русскою пшеницею.

Посмотримъ, наконецъ, на роль Россіи по вывозу пшеницы на французскомъ рынкѣ. Весь привозъ пшеницы во Францію равнялся въ пятилѣтіе 1862—1866 гг. 4.367,000 четв., который составился изъ привоза: изъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки 669,000 четверт. (15,3%), изъ Россіи 956,000 четв. (21,9%) и изъ другихъ странъ 62,8%. Въ десятилѣтіе 1867—1876 гг. всего привезено во Францію 32.449,000 четв. изъ слѣдующихъ странъ: изъ Соединенныхъ Штатовъ 1.996,000 четв. (6,1%), изъ Россіи 10.559,000 четв. (32,5%) и изъ другихъ странъ 61,4%. Въ десятилѣтіе 1877—1886 гг. весь привозъ пшеницы равнялся 72.869,000 четв., который составился изъ привоза: изъ Соединенныхъ Штатовъ 33.115,000 четв. (45,4%), изъ Россіи 16.666,000 четв. (22,9%), изъ Остъ-Индіи 5.243,000 четв. (7,2%), изъ Австраліи 2.491,000 четв. (3,4%) и изъ другихъ странъ 21,1%. Отсюда видно, что Россія по привозу пшеницы вытѣсняется съ французскаго рынка,— несмотря на абсолютное увеличеніе ея вывоза пшеницы во Францію,— Соединенными Штатами. При этомъ съ русскою пшеницею, предназначенною во Францію, происходитъ та же исторія, что и съ пшеницею и рожью, предназначенными въ Германію: во Францію попадаетъ меньшее количество пшеницы противъ того, которое назначается для вывоза.

Приведенныя выше свѣдѣнія о международной хлѣбной торговлѣ Россіи свидѣтельствуютъ съ достаточною точностью, что эта торговля все болѣе и болѣе развивается, несмотря на колоссальную конкурренцію Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, и, такимъ образомъ, развитіе товарнаго хозяйства въ Россіи идетъ тѣми быстрыми шагами, съ которыми какъ-то не вяжется проповѣдь о самобытномъ ходѣ русскаго экономическаго развитія и объ отсутствіи условій для развитія капитализма.

П. Скворцовъ.

ПРИЗРѢНІЕ ДѢТЕЙ АРЕСТАНТОВЪ.

I.

При посѣщеніи русскихъ тюремъ ярко бросается въ глаза *фактъ пребыванія въ нихъ дѣтей всѣхъ возрастовъ.* Мы исключаемъ тѣхъ, перешедшихъ десятилѣтній возрастъ (періодъ, съ котораго начинается вмѣненіе), которыя находятся въ тюрьмахъ или по приговору суда, или подъ предварительнымъ арестомъ по обвиненію въ преступленіяхъ. Хотя въ сущности малолѣтнимъ, совершившимъ преступленіе, тоже не мѣсто въ тюрьмѣ, но вопросъ этотъ здѣсь мы оставляемъ въ сторонѣ. Мы намѣрены остановиться и войти въ ближайшее разсмотрѣніе того, что въ нашихъ тюрьмахъ зачастую помѣщаются дѣти арестантовъ, въ нихъ содержащихся, которыя никакихъ преступленій не совершали и которыя попали въ тюрьмы единственно вслѣдствіе того, что лишеніе свободы ихъ родителей оставило ихъ безъ всякаго призора. Попадающаяся въ тюрьмахъ группа этихъ дѣтей *объемлетъ собою всѣ возрасты, начиная отъ грудныхъ младенцевъ и кончая даже несовершеннолѣтними.* Особенно много бываетъ дѣтей ниже десятилѣтняго возраста.

Фактъ этотъ слишкомъ важенъ, чтобы на немъ не остановиться. По общему сознанію вліяніе нашей тюрьмы на приговоренныхъ къ помѣщенію въ нее весьма неудовлетворительно. Возможно ли при этихъ условіяхъ примириться съ тѣмъ, чтобы тюрьма становилась еще какимъ-то *пріютомъ призрѣнія для несчастныхъ дѣтей*, остающихся брошенными на произволъ судьбы. Каково должно быть тлетворное вліяніе тюрьмы на этихъ приготовляющихся къ жизни субъектовъ, объ этомъ нечего распространяться,—настолько это очевидно. Если обычныя карательныя учрежденія признаются не пригодными для малолѣтнихъ преступниковъ, то что же сказать о дѣтяхъ, не совершившихъ никакого преступленія и тѣмъ не менѣе попадающихъ въ тюрьму; не злая ли эта насмѣшка,—организаціей пріютовъ спасать малолѣтнихъ преступниковъ отъ содержанія въ тюрьмѣ и въ то же время оставлять въ этой послѣдней

дѣтей, заслуживающихъ еще бóльшаго сочувствія и состраданія. Повидимому есть мѣра всему...

Участь дѣтей арестантовъ есть къ тому же вопросъ громадной общественной важности. Воспитаніе и призрѣніе дѣтей, брошенныхъ и покинутыхъ (enfance abandonnée) занимаетъ, можно сказать, центральное мѣсто въ современной дѣятельности общества и государства, направленной къ предупрежденію преступленій. По справедливому замѣчанію французскаго сенатора Русселя въ докладѣ, представленномъ имъ С.Петербургскому тюремному конгрессу по вопросу объ устраненіи пагубнаго вліянія родителей на дѣтей (7 вопросъ, I отдѣленіе программы) [1]), менѣе важно улучшать пенитенціарный режимъ для молодыхъ заключенныхъ, а гораздо важнѣе организовать на почвѣ благотворительности законную защиту и нравственное воспитаніе покинутыхъ, брошенныхъ и обиженныхъ дѣтей. Страшно подумать, какова эта защита и каково это воспитаніе для массы нашихъ арестантскихъ дѣтей...

Какъ это ни странно, но допущеніе арестантскихъ дѣтей въ тюрьму разрѣшается нашимъ закономъ. Хотя на основаніи 159 ст. Уст. о сод. подъ стр., изд. 1886 года, перечисляющей тѣхъ лицъ, которыя содержатся въ тюрьмахъ, и не упоминающей о дѣтяхъ арестантовъ, можно было бы заключить, что эти послѣднія въ тюрьму не допускаются, но такое заключеніе было бы неправильно. Статья 189 того же устава устраняетъ всякія сомнѣнія по этому поводу. *Малолѣтнимъ дѣтямъ*, говорится въ ней, *находящимся въ мѣстахъ заключенія при арестантахъ, производятся кормовыя деньги наравнѣ съ взрослыми арестантами*. О малолѣтнихъ дѣтяхъ, находящихся при арестантахъ, упоминаетъ и статья 191 устава о сод. подъ стражей.

Статья 164, опредѣляющая, что малолѣтніе и несовершеннолѣтніе содержатся отдѣльно отъ прочихъ заключенныхъ, имѣетъ весьма важное примѣчаніе слѣдующаго содержанія: *содержащіяся въ тюрьмахъ малолѣтнія арестантскія дѣти* (кромѣ грудныхъ младенцевъ),—*могутъ быть тюремными комитетами помѣщаемы въ заведенія общественнаго призрѣнія, хотя бы и въ богадѣльни*, съ тѣмъ, чтобы издержки, потребныя на содержаніе ихъ, въ продолженіе того времени, пока они будутъ находиться въ вѣдѣніи сихъ заведеній (т. е. до выпуска родителей ихъ изъ тюрьмы), относимы были на счетъ отпускаемыхъ изъ казны по силѣ ст. 190 кормовыхъ денегъ изъ собственныхъ суммъ тюремныхъ комитетовъ. Факультативное право помѣщенія арестантскихъ дѣтей въ заведенія общественнаго призрѣнія и даже въ богадѣльни на практикѣ обыкновенно игнорируется. Арестантскія дѣти всетаки остаются въ тюрьмѣ.

Необходимость сколько нибудь регулировать помѣщеніе арестантскихъ дѣтей въ тюрьмы вызвала циркулярное распоряженіе министерства внут-

---

[1]) Докладъ напечатанъ отдѣльной брошюрой на французскомъ языкѣ.

ренних дѣлъ отъ 10 августа 1869 года № 158, послѣдовавшее по соглашенію съ государственнымъ контролемъ [2]). Въ циркулярѣ этомъ говорится, что дѣти, помѣщенныя съ родителями-арестантами въ мѣстахъ заключенія, могутъ находиться при родителяхъ *не далѣе 17-лѣтняго возраста*, причемъ *самое помѣщеніе такихъ дѣтей въ тюрьмы должно быть допускаемо съ крайней разборчивостью* и въ такихъ только случаяхъ, если нѣтъ у таковыхъ малолѣтнихъ ближайшихъ родственниковъ, которые согласились бы принять ихъ на свое попеченіе. Если же родители, взятые подъ стражу съ такими дѣтьми, у которыхъ уже развилось пониманіе, будутъ обвиняться въ тяжкихъ преступленіяхъ или отличаться особенной испорченностью, то необходимо, по возможности, содержать дѣтей отдѣльно отъ такихъ родителей, дабы предупредить вредное вліяніе послѣднихъ. Дѣти, во время содержанія въ тюрьмѣ, должны участвовать въ посильныхъ арестантскихъ работахъ, съ цѣлью пріучить ихъ къ труду и какому либо мастерству и обучить грамотѣ.

Таково содержаніе единственнаго, насколько намъ извѣстно, административнаго распоряженія, касающагося арестантскихъ дѣтей. Нечего и говорить, что имъ далеко не исчерпываются многочисленные вопросы, возникающіе при содержаніи дѣтей въ тюрьмахъ. Такъ, остается совершенно открытымъ важный вопросъ о режимѣ, которому должны подлежать эти «*арестанты по недоразумѣнію*». Естественно, было бы весьма желательно, чтобы они содержались совершенно отдѣльно отъ другихъ арестантовъ, чтобы они пользовались возможными льготами и облегченіями и т. п. Неизвѣстно также, какова дисциплинарная власть тюремнаго начальства относительно дѣтей. Странно было бы приравнивать ихъ къ взрослымъ арестантамъ, какъ это повидимому дѣлается. Всѣ подобные вопросы совершенно не затронуты въ законѣ и не получили надлежащей разработки въ административныхъ распоряженіяхъ.

Вышеприведенное административное распоряженіе, по своему содержанію, едва ли вполнѣ удовлетворительно. Выставивъ симпатичное начало осторожности при допущеніи арестантскихъ дѣтей въ тюрьмы, циркуляръ въ въ то же время поставилъ слишкомъ высокій возрастный предѣлъ, до котораго дѣти могутъ быть въ тюрьмахъ. Мыслимо ли, чтобы возрастъ этотъ простирался до 17 лѣтъ? Повидимому, при арестантахъ, если могутъ быть дѣти, то только въ такомъ возрастѣ, въ которомъ они нуждаются въ непосредственномъ попеченіи своихъ родителей (таковы, напримѣръ, грудныя дѣти), но ужъ никакъ не далѣе этого условія.

Совершенно не выдерживаетъ критики разрѣшеніе оставлять въ тюрьмахъ дѣтей, на которыхъ ихъ родители могутъ оказать вредное вліяніе. Какъ могутъ эти дѣти оставаться въ тюрьмахъ, когда единственное raison d'être ихъ помѣщенія въ тюрьму, чтобы они были при своихъ родите-

---

2) Систематическій сборникъ узаконеній и распоряженій по тюремной части В. Коковцева и С. Рухлова. 1890 годъ, стр. 190 и 191.

ляхъ, отпадаетъ? Вообще нельзя не пожалѣть, что въ циркулярѣ оставленъ въ сторонѣ важный вопросъ о предупрежденіи вреднаго вліянія тюрьмы на дѣтей. Если бы циркуляръ вступилъ на эту точку зрѣнія, то мы не сомнѣваемся въ томъ, что въ тюрьмахъ почти не осталось бы арестантскимъ дѣтей.

Привлеченіе дѣтей къ арестантскимъ работамъ нуждается въ болѣе точной регламентаціи, необходимость которой особенно ощущается послѣ изданія закона 6 января 1886 года объ обязательныхъ работахъ въ тюрьмахъ. Въ законѣ этомъ совершенно не упомянуто объ арестантскихъ дѣтяхъ, такъ что вопросъ о правѣ ихъ на вознагражденіе за свой трудъ остается открытымъ.

Таково положеніе арестантскихъ дѣтей въ законѣ и административныхъ распоряженіяхъ. Положеніе это весьма печально. Еще болѣе печально оно въ дѣйствительности. Можно съ утвердительностью сказать, что во многихъ изъ нашихъ тюремныхъ замковъ не принимается рѣшительно никакихъ мѣръ, чтобы по крайней мѣрѣ отдѣлить несчастныхъ дѣтей отъ остальнаго тюремнаго населенія, чѣмъ въ самой тюрьмѣ незамѣтно подготовляется въ ребенкѣ созрѣвающій преступникъ.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что арестантскимъ дѣтямъ не мѣсто въ тюрьмѣ. *Вывести ихъ оттуда во что бы то ни стало* — такова важная и неотложная задача закона и государственной и общественной благотворительности. Законъ нашъ, какъ мы видѣли, стоитъ на почвѣ помѣщенія дѣтей въ тюрьмы. Что же касается общественной благотворительности, то ею пока сдѣлано немного въ указанномъ нами направленіи. Такъ, у насъ насчитывается всего 11 пріютовъ для призрѣнія и воспитанія дѣтей арестантовъ и ссыльныхъ.

Таковы: 1) состоящій подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Московскій пріютъ для дѣтей лицъ, ссылаемыхъ по судебнымъ приговорамъ въ Сибирь; 2) состоящій подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни же Императрицы пріютъ для дѣтей ссыльныхъ тифлисскаго дамскаго тюремнаго отдѣленія; 3) находящійся въ вѣдѣніи с.-петербургскаго дамскаго тюремнаго комитета пріютъ имени Ея Императорскаго Высочества Принцессы Евгеніи Максиміліановны Ольденбургской — для арестантскихъ дѣтей женскаго пола; 4) находящійся въ вѣдѣніи с.-петербургскаго мужскаго тюремнаго комитета Александровскій пріютъ для арестанскихъ дѣтей мужскаго пола; 5) тамбовскій, имени Е. Д. Нарышкина, пріютъ для дѣтей арестантовъ и ссыльныхъ; 6) въ вѣдѣніи красноярскаго тюремнаго комитета—пріютъ для дѣтей ссыльныхъ арестантовъ; 7) въ вѣдѣніи иркутскаго дамскаго тюремнаго комитета—пріютъ для того же назначенія; 8, 9, 10) пріюты для дѣтей арестантовъ и ссыльныхъ въ Томскѣ, Читѣ и Верхнеудинскѣ, и 11) пріютъ для дѣтей ссыльнокаторжныхъ при александровской каторжной тюрьмѣ близъ Иркутска. Слѣдуетъ еще упомянуть о пріютахъ для дѣтей ссыльно-каторжныхъ на карійскихъ промыслахъ и на островѣ Сахалинѣ, учрежденныхъ правительствомъ по закону 19 мая 1881 года.

Количество этихъ пріютовъ слишкомъ недостаточно. Масса дѣтей остается всетаки въ тюрьмахъ. Забота объ этихъ дѣтяхъ нуждается не только въ общественной поддержкѣ, но требуетъ не менѣе того и государственной помощи.

II.

На западѣ несравненно болѣе развита заботливость о бездомныхъ и безпріютныхъ дѣтяхъ, чѣмъ у насъ. Съ XVIII столѣтія въ западной Европѣ сильно оживилось вниманіе общества, все болѣе и болѣе возрастающее, къ этимъ дѣтямъ, причемъ были выдвинуты двѣ системы попеченія объ нихъ. Одна система заключается въ помѣщеніи дѣтей въ трудовыя семьи земледѣльцевъ и ремесленниковъ, а другая въ отдачѣ ихъ въ особыя воспитательныя заведенія [3]). Двѣ эти системы существуютъ до настоящаго времени, пополняя другъ друга, такъ какъ каждая изъ нихъ имѣетъ свои сравнительныя достоинства и недостатки.

Впрочемъ, на стокгольмскомъ международномъ конгрессѣ 1878 г. была принята резолюція, въ которой было признано, что *лучшее воспитаніе для дѣтей есть воспитаніе въ честной семьѣ* и что только въ случаѣ неимѣнія такихъ семействъ или нежеланія ихъ взять ребенка слѣдуетъ прибѣгать къ публичнымъ или частнымъ заведеніямъ. Несмотря на признаніе первенствующаго значенія за помѣщеніемъ въ чужія семьи, практическое осуществленіе этой мѣры встрѣчаетъ цѣлый рядъ весьма серьезныхъ затрудненій. Прiисканіе вполнѣ добросовѣстной семьи, согласной взять чужаго ребенка, есть обыкновенно рѣдкая случайность; чаще же попадаются семьи, эксплоатирующія трудъ питомца. Затѣмъ контроль и надзоръ за такими семьями почти невозможенъ.

На разрѣшеніе с.-петербургскаго тюремнаго конгресса былъ снова поставленъ вопросъ о пригодности для воспитанія чужихъ дѣтей помѣщенія въ чужія семьи (3 вопросъ III секціи). Несмотря такимъ образомъ на утвердительное разрѣшеніе его стокгольмскимъ конгрессомъ, вопросъ этотъ далеко еще не порѣшенъ въ наукѣ и въ жизни. Жизненное значеніе этого вопроса выразилось, между прочимъ, въ значительномъ числѣ докладовъ, представленныхъ для его разрѣшенія (13 докладовъ). Меньшинство докладовъ высказалось даже противъ помѣщенія дѣтей въ чужія семьи. Таковы доклады К. Реве [4]) (изъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ), вице-президента лондонскаго королевскаго статистическаго общества Муата [5]), профессора Духовскаго [6]), пенитенціарной коммиссіи с.-петербург-

---

[3]) Крайзикъ. Rapport presenté au IV congrès pénitentiaire international de St.-Pétersbourg sur la 3 question de la III section. И. Фойницкій, ученіе о наказаніи, стр. 443 и слѣд.

[4]) Докладъ напечатанъ отдѣльной брошюрой на французскомъ языкѣ.

[5]) Тоже.

[6]) Тоже.

скаго юридическаго общества [7]) и профессора мюнхенскаго университета Гарбургера [8]). Конгрессъ призналъ необходимымъ для воспитанія покинутыхъ дѣтей принять какъ систему помѣщенія въ чужія семьи, такъ и систему отдачи въ воспитательныя заведенія- Обѣ эти системы желательно соединить такъ, чтобы они пополняли одна другую.

Какъ бы то ни было, тѣмъ или другимъ способомъ, но судьба покинутыхъ дѣтей, а въ томъ числѣ и арестантскихъ дѣтей, представляется на западѣ въ значительной степени обезпеченной и нигдѣ не допускается возможности, чтобы арестантскія дѣти отдавались въ тюрьмы. Чтобы показать, насколько тамъ широко развито попеченіе о несчастныхъ дѣтяхъ, достаточно привести въ видѣ примѣра Англію и Ирландію, въ которыхъ нынѣ существуетъ около 240 ремесленныхъ школъ (industrial schools) съ населеніемъ около 17 тысячъ мальчиковъ и 8 тысячъ дѣвочекъ. Школы эти предназначены для помѣщенія, между прочимъ, и дѣтей, родители которыхъ приговорены къ предварительному лишенію свободы.

Кромѣ того, на западѣ самыя заботы о семьяхъ заключенныхъ, а слѣдовательно, и объ ихъ дѣтяхъ предоставляются не только благотворительнымъ учрежденіямъ, но нерѣдко возлагаются и на общества патроната. Такъ, напримѣръ, въ кантонѣ Ааргау въ уставахъ обществъ патроната включено требованіе оказывать попеченіе и помощь семьѣ заключеннаго [9]). Затѣмъ во многихъ другихъ государствахъ, какъ можно видѣть изъ обстоятельной заботы г. Фукса объ историческомъ развитіи патроната [10]), точно также эти заботы поручены патронату. На съѣздѣ нѣмецкихъ пенитенціаристовъ въ Вѣнѣ 1883 года было также выражено пожеланіе въ этомъ же направленіи [11]).

На обсужденіе с.-петербургскаго тюремнаго конгресса былъ поставленъ, между прочимъ, вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли учрежденіямъ и обществамъ патроната принимать на себя заботы о положеніи и нуждахъ семействъ заключенныхъ (4 вопросъ III секціи). Конгрессъ принялъ резолюцію, въ которой выразилъ пожеланіе, чтобы общества патронатовъ могли имѣть возможность оказать въ крайнемъ случаѣ помощь семейству заключеннаго, если его заключеніе причинило тяжкій ущербъ несовершеннолѣтнимъ, престарѣлымъ или слабымъ. Принимая эту резолюцію, конгрессъ имѣлъ, между прочимъ, въ виду, что поддержаніе семьи заключеннаго имѣетъ значеніе предупредительной мѣры. Воспитаніе дѣтей осужденнаго несомнѣнно предупреждаетъ преступность. При этомъ кон-

---

7) Труды коммиссіи, стр. 190.

8) Докладъ напечатанъ отдѣльной брошюрой.

9) Болѣе подробныя свѣдѣнія можно найти въ докладѣ пастора Крауса, помѣщенномъ въ Bulletin de la commission pénitentiaire internationale, 1888 г., I и II Livraison.

10) Работа эта напечатана въ томъ же Bulletin, 1888 годъ, III и IV Livraison.

11) Blätter für Gefängnisskunde Экерта, XIX, стр. 118.

грессъ принялъ резолюцію въ формѣ пожеланія, такъ какъ средства обществъ патроната слишкомъ незначительны и всякое расширеніе сферы дѣятельности патроната идетъ за счетъ его жизненности.

У насъ важный институтъ патроната еще не получилъ надлежащаго широкаго развитія. Поэтому намъ не приходится ввѣрять судьбу дѣтей арестантовъ учрежденіямъ этого рода. Необходимо вслѣдствіе этого довольствоваться пока сферой государственной и общественной благотворительности. Конечно, организація помощи и попеченія надъ дѣтьми не должна ограничиваться одними арестантскими дѣтьми. Эти послѣднія составляютъ лишь частицу цѣлой массы безпріютныхъ и бездомныхъ дѣтей, нуждающихся въ воспитаніи и призрѣніи. Значительность расходовъ, сопряженныхъ съ сколько нибудь удовлетворительной организаціей этого великаго общественнаго дѣла, не должна препятствовать его осуществленію. Справедливо было замѣчено по этому поводу г. Брюеромъ [12]), что «суммы истраченныя для того, чтобы воспрепятствовать ребенку сдѣлаться преступникомъ, сберегаютъ сторицею тѣ суммы, которыя были бы необходимы впослѣдствіи, чтобы примѣнить къ нему наказаніе и кару».

И. Г. Щегловитовъ.

---

12) Bulletin de la société générale des prisons, année XIV, стр. 79.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Левитскій, В. Ф. *Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ*, 1890.

Трудъ г. Левитскаго посвященъ основнымъ вопросамъ методологіи, которые за послѣдніе годы были предметомъ ожесточенныхъ споровъ между Менгеромъ, Саксомъ, Дитцелемъ, Вагнеромъ, Шмоллеромъ и нѣкоторыми другими экономистами. Г. Левитскій, проработавшій надъ этимъ трудомъ, какъ онъ говоритъ въ предисловіи, шесть лѣтъ, такъ опредѣлилъ задачу своего изслѣдованія: «Мы весьма далеки отъ претензіи указать въ этомъ сочиненіи какія либо новыя, неизвѣстныя еще задачи экономической науки, или же представить болѣе улучшенные методологическіе способы изслѣдованія. По основной идеѣ этого сочиненія, оно должно явиться только уясненіемъ задачи и путей, по которымъ фактически слѣдовали выдающіеся экономисты, трудами которыхъ создана наука о народномъ хозяйствѣ» (24).

Опираясь на Кэрнса, Дж. Ст. Милля и Родбертуса, авторъ вполнѣ основательно возражаетъ на положенія Дитцеля и Менгера, будто теорія политической экономіи не имѣетъ историческаго характера и будто установляемые ею законы могутъ быть вполнѣ уподоблены законамъ явленій внѣшней природы. «*Историческій элементъ* въ законѣ поземельной ренты Рикардо, говоритъ авторъ, заключается въ институтѣ частной собственности на землю, въ силу которой «излишнія цѣнности» получаетъ землевладѣлецъ, а не предприниматель, арендующій землю, и не наемный рабочій, обрабатывающій ее. Разъ не существовало бы института частной собственности на землю, и, съ другой стороны, права рабочихъ на вознагражденіе въ формѣ рабочей платы,—какъ напримѣръ это было при рабскомъ хозяйствѣ, когда продуктъ цѣликомъ принадлежалъ рабовладѣльцу, который былъ въ то же время и землевладѣльцемъ,— тогда не могло бы быть и рѣчи о рентѣ, какъ особой формѣ распредѣленія продуктовъ. Законы прибыли и рабочей платы того же Рикардо, въ свою очередь, предполагаютъ существованіе капитала, института ча-

стной собственности, личную свободу всѣхъ классовъ общества, особенную соціально-экономическую конституцію общества, состоящую изъ классовъ землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ...» (43 — 44). Отсюда, думаетъ авторъ, можно вполнѣ оправдать для европейскихъ народовъ три основныхъ типа хозяйственнаго быта: 1) домашнее хозяйство древнихъ Греціи и Рима, которое съ такимъ мастерствомъ воспроизвелъ Родбертусъ; 2) феодальное хозяйство среднихъ вѣковъ, особенно полно изслѣдованное Арнольдомъ и писателями школы Шмоллера, и 3) мѣновое хозяйство новаго времени. Согласно съ этими типами хозяйства, могутъ быть и три системы теоретической экономіи—древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ. Различіе между теоретическимъ и историческимъ изученіемъ хозяйственныхъ явленій состоитъ въ томъ, что исторія изслѣдуетъ явленія со стороны процесса ихъ развитія и преобразованія однихъ формъ явленій въ другія, а теоретическая экономія изслѣдуетъ хозяйственныя явленія *даннаго историческаго типа хозяйственнаго устройства* со стороны ихъ сосуществованія. Въ главѣ IX, посвященной вопросу о методѣ теоретической экономіи, г. Левитскій указываетъ, слѣдуя Дж. Ст. Миллю, недостаточность индуктивной методы и отдаетъ предпочтеніе методѣ дедуктивной. Къ вопросу о провѣркѣ выводовъ, полученныхъ приложеніемъ дедуктивной методы, авторъ расходится съ Миллемъ и примыкаетъ къ Кэрнсу, который въ своемъ классическомъ трудѣ «The character and logical method of Political Economy» указываетъ на методологическую несправедливость эмпирической провѣрки законовъ, добытыхъ путемъ дедукціи.

Резюмировавъ воззрѣнія исторической школы экономистовъ на задачи и методы политической экономіи, г. Левитскій излагаетъ содержаніе главныхъ трудовъ, вышедшихъ изъ подъ пера историковъ-экономистовъ: Рошера, Книса, Шмоллера, Каутца, Коона, Шееля, Ингрэма и другихъ. Дальнѣйшія главы авторъ посвящаетъ изложенію тѣхъ критическихъ замѣчаній, которыя были высказаны историческою школою относительно экономистовъ-теоретиковъ. Признавая немаловажныя заслуги за нѣмецкими экономистами исторической школы, г. Левитскій дѣлаетъ очень остроумное замѣчаніе по адресу болѣе хвастливаго, нежели глубокомысленнаго нѣмецкаго экономиста Шмоллера. Собравъ въ одинъ томъ всѣ свои развязныя разсужденія объ экономистахъ-теоретикахъ, Шмоллеръ въ предисловіи говоритъ: «теперь наши политико-экономы, какъ и наши генералы, безспорно признаны первыми во всемъ мірѣ». На это г. Левитскій вполнѣ основательно замѣчаетъ: «если бы тактическіе пріемы послѣднихъ (генераловъ) походили на тѣ аргументы, съ помощью которыхъ Шмоллеръ атакуетъ теоретическую экономію англійской школы, то едва ли германская армія считала бы за собою столько побѣдъ» (175). Подводя итоги возраженіямъ, которыя были сдѣланы теоретической экономіи писателями исторической школы, особенно Клиффъ Лесли, Брентано, г. Левитскій установляетъ такіе выводы: 1) многія частныя условія, при которыхъ

происходятъ хозяйственныя явленія, съ полными удобствами объясняются при помощи самой теоріи, какъ она установлена экономистами классической школы. Такъ, напримѣръ, многія частныя явленія, измѣняющія законъ поземельной ренты, какъ онъ установленъ Рикардо, отлично объясняются съ помощью самой теоріи Рикардо. Общія положенія теоріи о вліяніи на высоту ренты степени плодородія участка земли, его отдаленности отъ рынка, успѣховъ земледѣльческой техники—могутъ объяснить явленія дѣйствительной жизни во всемъ ихъ разнообразіи, особенности какого нибудь англійскаго, американскаго, сибирскаго хлѣбнаго рынка и т. д. 2) Тѣ поправки, которыя историческая школа внесла въ выводы теоріи, имѣли бы цѣну, если бы не были гораздо ранѣе сдѣланы экономистами-теоретиками, каковы Дж. Ст. Милль, Торнтонъ, Родбертусъ. 3) Теоріи политической экономіи историки-экономисты предъявляютъ такія требованія, которыя должны быть выполняемы исторіей хозяйства и статистикой. Особая глава посвящена разсмотрѣнію вопроса о томъ, насколько удобно принимать эгоизмъ, какъ основную посылку для построенія экономическихъ законовъ. Опираясь на мнѣнія новѣйшихъ методологовъ—Менгера, Сакса и другихъ, г. Левитскій считаетъ эту посылку вполнѣ удобною, поскольку задачи теоретической экономіи не смѣшиваются съ задачами прикладной науки. Примѣрами изъ книги «О богатствѣ народовъ» авторъ доказываетъ положеніе, что А. Смитъ вовсе не считалъ хозяйственной политики, основанной на эгоизмѣ, за лучшую, и во многихъ случаяхъ оправдывалъ вмѣшательство правительственной власти. Нѣсколько страницъ г. Левитскій удѣлилъ новѣйшимъ попыткамъ дать теоретическое освѣщеніе тѣмъ альтруистическимъ началамъ, которыя проявляются въ хозяйствѣ, насколько это выполнено Вагнеромъ, Саксомъ, Штейномъ и другими. Въ окончательномъ выводѣ о значеніи исторической школы г. Левитскій говоритъ, что она «представляетъ собою плодотворную реакцію противъ исключительнаго преобладанія теоретическаго направленія въ политической экономіи. Ближайшими результатами обширныхъ изслѣдованій въ области хозяйственной исторіи была постановка на научную почву ученій о хозяйственной политикѣ... Но въ своихъ нападкахъ на недостатки теоретическаго направленія, сказавшихся въ классической экономіи, историческая школа, по нѣмецкой пословицѣ, «выплескивала вмѣстѣ съ водою и ребенка», доходя до полнаго отрицанія теоретической экономіи» (241—42). По мнѣнію автора, историческую школу спасла отъ абсурдовъ только ея собственная непослѣдовательность: писатели исторической школы всѣ свои теоретическія положенія или цѣликомъ заимствовали у экономистовъ-классиковъ, или построили изъ элементовъ, которые были даны теоретической экономіей. Въ заключительной главѣ г. Левитскій сводитъ весь научный матеріалъ, относящійся до хозяйственныхъ явленій, къ тремъ научнымъ областямъ—теоретической экономіи, исторіи хозяйства и ученію объ экономической политикѣ.

Книга трудолюбиваго автора, дающая обзоръ того, что сдѣлано въ западно-европейской литературѣ для уясненія вопросовъ методологіи, является полезнымъ пріобрѣтеніемъ въ русской литературѣ.

А. Исаевъ.

Сазоновъ, Г. П. *Крестьянская земельная собственность въ Порховскомъ уѣздѣ*, 1890.

Эта книга составляетъ отчетъ г. Сазонова Вольному Экономическому Обществу по изслѣдованію быта крестьянъ въ Порховскомъ уѣздѣ Псковской губерніи. Вольное Экономическое Общество предприняло это изслѣдованіе вслѣдствіе тревожныхъ извѣстій о томъ, что крестьяне, сполна выкупившіе свои надѣлы съ помощью почти милліоннаго капитала, который былъ завѣщанъ землевладѣльцемъ Пантелѣевымъ, пришли въ состояніе крайней нужды. Представляло большой интересъ выясненіе того, почему крестьяне, имѣвшіе столь благопріятныя условія, за немного лѣтъ опустились гораздо ниже уровня, на которомъ стоитъ, въ среднемъ, крестьянское населеніе Порховскаго уѣзда. Г. Сазоновъ съ большимъ знаніемъ дѣла исполнилъ порученіе Вольнаго Экономическаго Общества. Но его трудъ имѣетъ и общее научное значеніе: анализируя всѣ причины, которыя ухудшили положеніе крестьянъ, выкупившихъ надѣлы безъ всякихъ собственныхъ усилій, г. Сазоновъ подробно останавливается на оцѣнкѣ такихъ важныхъ юридико-экономическихъ явленій, какъ *залогъ и продажа крестьянскихъ земель*, явленій, которыя въ корнѣ подрываютъ благосостояніе русской деревни.

Въ Порховскомъ уѣздѣ можно наблюдать очень интересное явленіе, до сихъ поръ незнакомое русской жизни: залогъ крестьянскихъ надѣльныхъ земель въ общественномъ банкѣ. Эта операція началась въ 1885 г. со стороны 10 селеній, сполна выкупившихъ надѣлы, подъ вліяніемъ сильнаго опустошенія, нанесеннаго грозою крестьянскимъ пашнямъ. Залоговая операція идетъ въ разрѣзъ съ исконными воззрѣніями крестьянъ на землю. Но къ залогу усиленно склоняла администрація порховскаго общественнаго банка, желавшая развить свои обороты на крестьянской земельной собственности. Агенты банка, доказывая крестьянамъ дешевизну банковскаго кредита, дѣйствовали съ такимъ успѣхомъ, что изъ всей земельной площади въ 3,068 десятинъ было заложено 2,320, т. е. 76%. Закладную совершили на 12 лѣтъ и подъ десятину выдали, въ среднемъ, по 10 р. 16 к. Но эта ссуда, скромная сама по себѣ, была выплачена крестьянамъ только мелкими долями, по 500, 150 рублей, даже овсомъ, поставленнымъ въ очень высокую цѣну. Значительная часть ссуды пошла въ уплату кредиторамъ этихъ крестьянъ. Не извлекая изъ ссуды тѣхъ выгодъ, которыя могли быть получены отъ единовременной выдачи ссуды, крестьяне были вынуждены обращаться къ сельскимъ ростовщикамъ, платить имъ двойную цѣну за зерно для обсѣмененія по-

лей; и многіе пошли по міру. Къ этому же времени относятся много случаевъ залога крестьянской земли частнымъ лицамъ. Насколько усиливается процессъ закладыванія земель, видно изъ того, что въ предпослѣднее пятилѣтіе (1880—84) было 51 случай залога, были заложены 244 десятины, подъ которыя и выдана ссуда въ 5,513 рублей; а за послѣдніе 5 лѣтъ (1885—89) былъ уже 586 случаевъ залога, со взятіемъ ссуды въ 34,100 рублей подъ залогъ 2,669 десятинъ, т. е. площадь заложенной земли увеличилась въ 11 разъ.—Г. П. Сазоновъ подмѣтилъ и другое угрожающее явленіе — продажу крестьянскихъ земельныхъ надѣловъ. По многимъ селеніямъ за послѣдніе 10 лѣтъ продано до 20% надѣльной земли. Въ 81 случаѣ были собраны свѣдѣнія о личности покупателей: только въ 25 случаяхъ надѣлы были куплены крестьянами-земледѣльцами, а въ 56 (болѣе $^2/_3$) земля была куплена кабатчиками и кулаками, среди которыхъ есть крестьяне, мѣщане, купцы, волостные писаря, урядники и другіе. Лица второй категоріи покупаютъ не только пахотныя и луговыя угодья, но и большое число усадебныхъ мѣстъ (сдворки); первыя сдаются въ аренду, а вторые служатъ для открытія кабаковъ. Такимъ способомъ многіе кулаки пріобрѣли въ собственность по 6—7 надѣловъ. Переходъ надѣловъ совершается при различныхъ условіяхъ. Во первыхъ, переходъ совершается на основаніи долговыхъ обязательствъ, причемъ кредиторы удовлетворяются изъ продажи усадебнаго мѣста, построекъ и движимости должника. Во вторыхъ, надѣлы переходятъ посредствомъ частныхъ сдѣлокъ, свидѣтельствуемыхъ въ волостныхъ правленіяхъ. Это бываетъ всего чаще среди крестьянъ, продолжающихъ выкупъ. Въ договорѣ покупщику предоставляется право, если онъ пожелаетъ, внести досрочно выкупную ссуду и затѣмъ совершить формальный актъ укрѣпленія за собою купленной земли. Отчужденіе земли совершается также подъ видомъ аренды: послѣдняя бываетъ въ такихъ случаяхъ долгосрочная, даже до 99 лѣтъ. Но главными способами служатъ разрѣшительные приговоры, которыхъ добиваются кулаки на продажу земли отъ сообщинниковъ и стороннихъ обществъ. Водка служитъ главнымъ средствомъ въ рукахъ кулаковъ. Иногда они покупаютъ надѣлы прямо на свое имя; въ другихъ случаяхъ они отыскиваютъ подставныхъ лицъ, опутываютъ ихъ векселями на значительныя суммы и заставляютъ покупать землю для себя. Такими-то способами ростовщики скупаютъ по 6—7 надѣловъ.—На этой почвѣ разлагающагося крестьянскаго землевладѣнія ростовщичество дѣлаетъ безостановочные успѣхи. Система кредита у ростовщиковъ можетъ быть охарактеризована слѣдующими чертами: должникъ беретъ деньгами 5, 10, 20 рублей и выдаетъ вексель на 100 рублей и болѣе. Съ 1884 до 1889 года насчитано 82 обязательства, совершенныя на сумму, гораздо высшую долга. Дѣйствительный долгъ составляетъ только 4,370 руб., тогда какъ сумма долговыхъ обязательствъ 12,147 рублей.

Анализируя 190 случаевъ продажи земельныхъ надѣловъ, авторъ при-

ходитъ къ заключенію, что только въ 6 случаяхъ продажа была вызвана переходомъ крестьянской семьи на собственную покупную землю, т. е. причиной нормальной, тогда какъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ отчужденіе надѣла только на короткое время выручало домохозяйство изъ стѣсненнаго положенія, повергая его съ теченіемъ времени въ безъисходную нужду. Послѣдствія отчужденія земли, большею частію, самыя плачевныя: только $^{1}/_{3}$ изъ продавшихъ надѣлъ продолжаютъ вести хозяйство или на клочкѣ, еще удержанномъ за собою, или на землѣ арендуемой, а $66{,}5\%$ стали пролетаріями. Многіе изъ нихъ пошли въ батраки или занимаются поденными работами; 14 семей нищенствуютъ.

Наблюденные факты побуждаютъ г. Сазонова поставить такой общій вопросъ: насколько законны сдѣлки объ отчужденіи крестьянской надѣльной земли посредствомъ купчихъ крѣпостей? Авторъ отвѣчаетъ, что положеніе 19 февраля не имѣло въ виду создать «понятіе крестьянина—полнаго собственника надѣльной земли» (143). По мнѣнію г. Сазонова, статья 165, которою усердно пользуются для разрушенія крестьянскаго землевладѣнія, предоставляетъ «тѣмъ крестьянамъ, которые пожелали бы вести улучшенное хозяйство, полную тому возможность посредствомъ выдѣла своего участка изъ общины. При этомъ статья ни единымъ словомъ не проговаривается о полной собственности ни выдѣленный участокъ пріобрѣвшаго его, а тѣмъ болѣе о правѣ продажи» (143). Авторъ подкрѣпляетъ свое мнѣніе слѣдующими соображеніями. Статьи 35 и 36 общаго положенія ставятъ владѣніе крестьянъ въ общинной землѣ въ зависимость отъ міра. Эти обѣ статьи относятся до земель, пріобрѣтенныхъ сельскимъ обществомъ внѣ надѣльной собственности. А такъ какъ ст. 37 общ. полож. дѣлаетъ для крестьянъ обязательнымъ пользоваться выкупленными надѣлами согласно со ст. 33—36, то и нѣтъ основанія думать, что ст. 165 полож. о выкупѣ создаетъ для крестьянина полное право собственности, вовсе независимое отъ міра. Авторъ пользуется также, для подкрѣпленія своей аргументаціи, ссылкою на ст. 164 пол. о вык., которая требуетъ согласія міра для передачи постороннему лицу права на участіе въ общемъ владѣніи. Косвеннымъ доказательствомъ является, въ глазахъ автора, ст. 51 общ. полож.; подробно перечисляя всѣ вопросы, подлежащіе вѣдѣнію сельскаго схода, эта статья даже не упоминаетъ о разрѣшеніи схода отдѣльнымъ членамъ продавать надѣльную землю. Все это ведетъ автора къ такому заключенію: «краткій анализъ статей Положенія позволяетъ сильно сомнѣваться въ томъ, дѣйствительно ли законодатель создалъ понятіе о крестьянинѣ, какъ полномъ собственникѣ надѣльной земли... я и самъ смотрю на этотъ вопросъ не какъ на безспорный: тѣмъ не менѣе есть основаніе утверждать, что *намѣренія создать полную собственность не было*, да и не могло быть въ великомъ актѣ, надѣлившемъ не отдѣльныхъ крестьянъ, а общество ихъ землею съ цѣлью обезпеченія быта» (145—46)

Намѣреніе автора отыскать въ самомъ законѣ преграды для мобили-

заціи крестьянской земельной собственности заслуживаютъ горячаго сочувствія. Можно вполнѣ согласиться съ нимъ, что въ «положеніяхъ 19 февраля есть неясность, сбивчивость, неопредѣленность»; означенная 165 ст. пол. о вык. даетъ полное право на толкованіе, что законъ создаетъ для крестьянъ, выкупившихъ землю, полное право собственности на ихъ надѣлы. Ст. 165 въ первой половинѣ очень опредѣленно говоритъ о зависимости отдѣльныхъ домохозяевъ отъ общества до тѣхъ поръ, пока не уплачена выкупная ссуда. Эта же статья обязываетъ общество, по уплатѣ ссуды, выдѣлить крестьянину его надѣлъ и тѣмъ освящаетъ за крестьяниномъ право широкаго распоряженія выкупленнымъ участкомъ. Мы считаемъ совершенно правильнымъ, что обыкновенно эта статья и получаетъ именно такое толкованіе (см. цирк. мин. внут. дѣлъ отъ 12 марта 1876 г., рѣш. гражд. кассац. департ. отъ 10 апрѣля 1885 г., и т. д.). Мы думаемъ, поэтому, что сторонники неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ будутъ стоять на вѣрномъ пути, если, не внося въ ст. 165 смысла, который ей не соотвѣтствуетъ, будутъ настаивать на ея отмѣнѣ.

Трудъ Г. П. Сазонова составляетъ очень цѣнный вкладъ въ нашу юридико-экономическую литературу.

А. Исаевъ.

Въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

И. С. Блioха. Меліораціонный кредитъ и состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи и иностранныхъ государствахъ. С.-Петербургъ. 1890. XV+250+10.

С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Выпускъ 26. С.-Петербургъ. 1890. 193—240.

А. С. Гольденвейзеръ. Соціальное законодательство германской имперіи. Страхованіе рабочихъ: больничное, отъ несчастныхъ случаевъ, на случай потери способности къ труду и старости. Кіевъ. 1890. 180.

Ѳ. В. Езерскій. Мѣры къ подъему финансовъ. Статьи изъ журнала «Практическая жизнь». 1891. 96. Цѣна 1 рубль.

І. И. Игуменовъ, частный повѣренный при С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ. Судебные уставы Императора Александра II съ законодательными мотивами и разъясненіями. По оффиціальному изданію 1883 года, со включеніемъ статей по продолженіямъ 1886, 1887 и 1889 гг. Изданіе юбилейное (1864 — 1889 гг.). Томъ I. Положеніе о нотаріальной части. С.-Петербургъ. 1889. 208. Томъ II. Уставъ гражданскаго судопроизводства. Выпускъ I. Общія положенія и порядокъ производства въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ. 1890 г. 348.—Выпускъ II. О производствѣ въ окружныхъ судахъ. 1890. 984.—Томъ III. Учрежденіе судебныхъ установленій. Выпускъ I. О мировыхъ судьяхъ и ихъ съѣздахъ, о общихъ судебныхъ мѣстахъ и о лицахъ прокурорскаго надзора. 1890. 219. Цѣна за 4 т. 10 р.

Изданіе Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ. Памяти Александра Дмитріевича Градовскаго. Съ портретомъ. С.-Петербургъ. 1890. 47. Цѣна 60 к.

В. Л. Исаченко. Гражданскій процессъ. Практическій комментарій на вторую книгу устава гражданскаго судопроизводства. Томъ I. Выпускъ II. О пререканіяхъ, о повѣренныхъ и объ исковыхъ прошеніяхъ. Минскъ. 1890. 245—530. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Н. Коркуновъ. Сравнительный очеркъ государственнаго права иностранныхъ державъ. Часть первая. Государство и его элементы. С.-Петербургъ. 1890. 163. Цѣна 1 руб.

А. Мартесонъ. Что такое, такъ называемое, право и наука о немъ: правовѣдѣніе или юриспруденція. Москва. 1890. 119+VI. Цѣна 1 руб.

Георгъ Мейеръ, профессоръ Гейдельбергскаго университета. Ученіе о государственномъ управленіи. Выпускъ IV. Основныя понятія, существо и задача ученія объ управленіи. Переводъ съ нѣмецкаго привать-доцента Новороссійскаго университета П. Шеймина. Гродно. 1890. 23. Цѣна 25 коп.

Приложеніе къ протоколамъ Кіевскаго Юридическаго Общества за 1889 г. Замѣчанія на проектъ устава о несостоятельности (1888 г.). 1890. 58.

П. П. Пустороcлевъ. Понятіе о незамѣнимой самоp аcправѣ, какъ учрежденія уголовнаго права. Москва. 1890. 182. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Сообщенія С.-Петербургскаго отдѣленія Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. 1890 годъ. Выпускъ I. Петербургъ. 1890. 44+IV.

П. А. Соколовскій, секретарь С.-Петербургскаго Отдѣленія Комитета. Пятнадцатый отчетъ Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Изданъ подъ редакціею П. А. Соколовскаго. Петербургъ. 1890. XV+88.

А. Скворцовъ, доцентъ Института Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства въ Новой Александріи. Вліяніе пароваго транспорта на сельское хозяйство. Изслѣдованіе въ области экономики земледѣлія. Варшава. 1890. VII+VI+701. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Е. Старцевъ. Принципъ «око за око» и хищническіе инстинкты (уголовно-статистическій очеркъ Бакинской губерніи). Баку. 1890 г. 32.

А. П. Шликевичъ. Что даютъ и что могутъ дать подворныя описи. Черниговъ. 1890. 56.

Владиміръ Чижъ, приватъ-доцентъ Императорскихъ: С.-Петербургскаго университета и Военно-Медицинской Академіи, старшій врачъ больницы св. Пантелеймона. Лекціи по судебной психопатологіи. С.-Петербургъ. 1890. 336. Цѣна 2 руб. 50 коп.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Статистика сумасшествія въ Англіи. Въ журналѣ англійскаго статистическаго королевскаго общества за іюнь 1890 г. напечатана статья, посвященная вопросу о сумасшествіи въ Англіи. Въ виду того интереса, какой представляютъ факты изъ области общественнаго здравія, мы хотимъ познакомить читателей «Юридическаго Вѣстника» съ наиболѣе любопытными данными этой статьи. Но предварительно замѣтить не мѣшаетъ, что степень точности нижеслѣдующихъ цифръ, по сознанію самого автора статьи, не вполнѣ удовлетворительна: недостатокъ твердо установленной терминологіи, неполнота статистическихъ данныхъ и нѣкоторыя другія причины мѣшаютъ получить вполнѣ достовѣрные факты.

Во всей Англіи и Уэльсѣ общее число лицъ, страдающихъ разстройствомъ умственныхъ способностей, къ 1 января 1889 г., по оффиціальнымъ даннымъ, равнялось 84,340. Изъ этого числа 60,459 ч. находилось въ городскихъ и сельскихъ сумасшедшихъ домахъ, госпиталяхъ, въ государственныхъ домахъ для умалишенныхъ и т. д., вообще, въ такихъ заведеніяхъ, которыя спеціально предназначены для ухода за больными. 12,012 ч. жили въ рабочихъ домахъ; 5,930 ч. пользовались помощью родственниковъ и уличнымъ подаяніемъ; 5,497 ч. было въ домахъ умалишенныхъ столичнаго округа и 442 ч. частныхъ отдѣльныхъ больныхъ. Теперь посмотримъ на *географическое распредѣленіе* больныхъ, но не всѣхъ, а только принадлежащихъ къ бѣдному классу. Такъ какъ число больныхъ этого класса составляетъ болѣе, чѣмъ 89% общаго числа зарегистрованныхъ случаевъ, то это дастъ приблизительное представленіе и о распредѣленіи всѣхъ больныхъ вообще.

Во всей Англіи и Уэльсѣ на 1,000 ч. населенія приходилось $2_{,60}$ сумасшедшихъ изъ бѣднаго класса; въ Лондонѣ и его округѣ — $3_{,83}$. Въ другихъ графствахъ оно колебалось въ предѣлахъ отъ $3_{,11}$ до $1_{,97}$. Если обобщить всѣ данныя, относящіяся къ распредѣленію бѣдныхъ больныхъ (конечно, дѣло идетъ о больныхъ сумасшествіемъ) по различнымъ областямъ Англіи, то окажется, что *самый высокій процентъ ихъ падаетъ*

на графства съ сельскимъ населеніемъ по преимуществу и самый низкій на графства съ развитымъ городскимъ населеніемъ, фактъ, собственно говоря, удивительный. Точныхъ указаній для объясненія его не существуетъ, и можно лишь гадательно судить о его причинѣ. Дѣло въ томъ, что городъ притягиваетъ къ себѣ наиболѣе сильную и здоровую часть сельскаго населенія, а слабая и больная обратно отливаетъ въ деревни. Такое объясненіе, по крайней мѣрѣ, вполнѣ подтверждается аналогичными фактами. Извѣстно, напримѣръ, что число смертныхъ случаевъ отъ чахотки среди женской прислуги, въ возрастѣ отъ 20—35 лѣтъ, въ Лондонѣ ниже, чѣмъ въ графствахъ, откуда приходитъ ихъ большая часть.

Что касается данныхъ о распредѣленіи больныхъ *по возрастамъ*, то они относятся не ко всѣмъ умалишеннымъ и притомъ лишь къ 1881 г.; вотъ таблица возрастнаго распредѣленія больныхъ на тысячу:

	Безъ различія пола.	Мужчинъ.	Женщинъ.
Отъ 0—15 л.	1	2	1
» 15—25 »	55	60	52
» 25—45 »	429	426	399
» 45—65 »	398	376	417
» 65 и выше	117	100	131
	1000	1000	1000

Имѣются еще данныя за 1851, 1861, 1871 г. Всѣ они ведутъ къ тому заключенію, что число сумасшедшихъ старшаго возраста постоянно возрастаетъ, а съ этимъ и средній возрастъ больныхъ. Конечно, этотъ фактъ можно было бы объяснить тѣмъ, что сумасшествіе находитъ на людей все въ болѣе и болѣе зрѣломъ возрастѣ; но на это нѣтъ рѣшительныхъ доказательствъ, такъ что лучше всего объяснять его увеличеніемъ продолжительности жизни больныхъ. Есть еще табличка, сравнивающая распредѣленіе больныхъ по возрастамъ въ различныхъ заведеніяхъ; она относится къ 1881 г.:

	отъ 0—15.	отъ 15—25.	отъ 25—45.	отъ 45—65.	отъ 65 и свыше.
Въ городскихъ и сельскихъ сумасшедшихъ домахъ.	2	55	429	399	115
Въ другихъ заведеніяхъ для умалишенныхъ	1	62	410	391	136
Въ рабочихъ домахъ	6	64	334	390	206
Въ частныхъ заведеніяхъ	37	91	346	355	171
Въ общей сложности	3	58	417	395	127

Разсчетъ произведенъ на 1,000 ч. всѣхъ возрастовъ.

Распредѣленіе больныхъ *по занятіямъ* есть только за 1841 г.; вотъ табличка на 10,000 ч. общаго населенія:

Въ земледѣльческомъ классѣ $4,_{5}$; торговопромышленномъ $7,_{2}$; лицъ морской службы $13,_{7}$; гражданской $14,_{1}$; военной $18,_{3}$; лицъ свободныхъ профессій $27,_{6}$; образованныхъ лицъ съ различнымъ родомъ занятій $20,_{1}$.

При пользованіи этой табличкой не нужно упускать изъ виду, во первыхъ, того, что значительное число случаевъ сумасшествія не попало въ регистрацію, и во вторыхъ, что различныя занятія могли быть представлены въ больницахъ не въ одинаковой пропорціи. Любопытно опредѣлить далѣе, увеличивается ли въ своихъ размѣрахъ явленіе сумасшествія и если да, то въ какой степени. Сюда относятся слѣдующія цифры: въ 1859 г. всѣхъ больныхъ было 36,732 ч., въ 1889 г. 84,340 ч. По отношенію къ населенію это составляло $1,_{86}$ ч. на 1 милл. населенія въ 1859 г. и $2,_{90}$ ч. въ 1889 г. Принявъ въ соображеніе ростъ населенія, мы находимъ, что за 30 лѣтъ явленіе сумасшествія увеличилось на $55._{7}$%. Но это не есть истинное увеличеніе: здѣсь оказалось вліяніе большей полноты регистраціи и уменьшенія смертности. Если дѣйствительно вѣрно, что число случаевъ сумасшествія, извѣстныхъ оффиціальной статистикѣ, съ каждымъ годомъ увеличивается, а число незарегистрованныхъ все уменьшается, то естественно, что процентъ увеличенія долженъ съ каждымъ годомъ все уменьшаться и уменьшаться; такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ, что видно изъ прилагаемой таблицы.

Пятилѣтія.	Среднее годовое число больныхъ на 1 м. населен.	Увеличеніе въ % между пятилѣтіями
1859—63	1,971	$12,_{9}$
1864—68	2,226	
1869—73	2,486	$11,_{7}$
1874—78	2,673	$7,_{6}$
1879—83	2,806	$5,_{0}$
1884—88	2,884	$2,_{8}$

Посмотримъ, какъ измѣнялось число сумасшедшихъ изъ бѣднаго класса за періодъ времени съ 1871—1889 г. Въ первомъ году оно представляло 223 на 100,000 ч. населенія. Въ послѣднемъ — 260 ч. или увеличилось на $16,_{6}$% (при вычисленіи этой цифры принято въ разсчетъ увеличеніе населенія за данный періодъ лѣтъ). Въ столицѣ этотъ процентъ равнялся $35,_{0}$. Что же касается отдѣльныхъ графствъ, то въ однихъ онъ уменьшился, въ другихъ остался безъ перемѣны и въ третьихъ увеличивался въ предѣлахъ отъ $28,_{1}$% до $69,_{0}$%. Во всѣхъ почти графствахъ, показывающихъ уменьшеніе числа сумасшедшихъ или низкій про-

центъ его, населеніе въ значительной степени увеличивалось посредствомъ иммиграціи; въ другихъ же графствахъ населеніе не измѣнилось или даже значительно уменьшилось эмиграціей. Объяснить этотъ фактъ можно такимъ же образомъ, какимъ объясняется странное распредѣленіе числа сумасшедшихъ по отдѣльнымъ областямъ Англіи.

Остается сказать лишь о величинѣ смертности между сумасшедшими и вліяніи на нее сумасшествія. Данныя перваго рода собраны за 30 лѣтній періодъ времени, начиная съ 1859 г. и по 1888 г. По вычисленіямъ оказывается, что въ десятилѣтіе съ 1859—1868 г. въ среднемъ приходилось на 1,000 ч. больныхъ 103,1 смертныхъ случаевъ ежегодно; въ десятилѣтіе съ 1869—1878 г. 101,7 и съ 1879—1888 г. 95,53. Такимъ образомъ несомнѣнно, что % смертности постепенно понижается и этимъ отчасти производитъ кажущееся увеличеніе въ размѣрахъ распространенія разсматриваемой болѣзни. И, наконецъ, вотъ таблица, показывающая вліяніе сумасшествія на смертность (къ сожалѣнію, удовлетворительныя данныя имѣются только за три года: 1886, 1887 и 1888 годы):

	Число смертныхъ случаевъ на 1,000 челов. въ каждомъ возрастѣ:				
	съ 20—40 л.	съ 40—60 л.	съ 60—80 л.	съ 80 и выше.	съ 60 и выше.
Въ столичныхъ заведеніяхъ для идіотовъ и слабоумныхъ	42,8	56,8	178,2	457,3	195,7
Вообще смертность въ Лондонѣ	6,9	19,2	61,9	209,2	70,8

Изъ этой таблицы видно, что смертность среди умалишенныхъ, по сравненію съ общей смертностью, всего больше въ группѣ лицъ отъ 20—40 лѣтъ. Авторъ статьи (Noel A. Humphreys), откуда мы дѣлаемъ эти извлеченія, объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ, что въ означенной возрастной группѣ всего чаще встрѣчается острая форма сумасшествія.

Вяткинъ.

Австрійскія общества вспомоществованія учащимся въ 1889 г. Въ вѣнскомъ статистическомъ журналѣ (Statistische Monatsschrift. 1890 г. № VII) помѣщены не безъинтересныя свѣдѣнія объ обществахъ вспомоществованія учащимся въ Австріи. Въ виду того значенія, которое такого рода общества должны имѣть у насъ, гдѣ образованіе далеко еще не пользуется большимъ распространеніемъ, приводимъ здѣсь наиболѣе интересныя данныя изъ упомянутой статьи.

Въ 1889 году было основано въ Австріи 71 общество вспомоществова-

ванія учащимся съ 179 стипендіями. Высокая цифра ихъ объясняется тѣмъ, что въ прошломъ году праздновался 40-лѣтній юбилей царствованія Франца Іосифа, который отклонилъ всѣ пышныя, но пустыя торжества, затѣвавшіяся по поводу юбилея. Деньги, предназначавшіяся на нихъ, и пошли, благодаря этому, на благое дѣло просвѣщенія. Кромѣ этихъ 71 общества основано въ томъ же году еще 21 общество, не вошедшихъ въ счетъ, такъ какъ они не открыли еще своихъ операцій. Слѣдующая табличка показываетъ число обществъ и стипендій, *основанныхъ* въ каждомъ изъ нижепоименованныхъ годовъ вмѣстѣ съ размѣромъ капитала, располагаемаго всѣми обществами, возникшими въ данное время, и общей суммой выдаваемыхъ стипендій.

Среднія цифры за годъ.

	1876—80	1881—85	1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.
Число обществъ. .	26	28	33	40	35	71
» стипендій. .	53	63	54	110	70	179
Общій капиталъ обществъ (въ гульденахъ.	177,725	240,022	170,813	612,126	280,115	603,151[1])
Общая сумма стипендій за годъ (въ гульденахъ) .	8,675	9,637	7,998	25,649	11,933	26,263[1])

Конечно, интересно знать, какой капиталъ въ среднемъ приходился на каждое общество и велика ли была средняя величина стипендіи. Это видно изъ прилагаемой таблицы:

Цифра средняя за годъ.

	1876—80	1881—85	1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.
Средняя величина капитала (въ гульденахъ).	6,835,$_{60}$	8,572,$_{21}$	5,176,$_{13}$	15,303,$_{15}$	8,003,$_{28}$	8,495,$_{09}$
Средняя велич. стипендіи (въ гульденахъ).	163,$_{67}$	152,$_{96}$	148,$_{11}$	233,$_{18}$	170,$_{47}$	146,$_{72}$

[1]) Исключая стоимость 3-хъ городскихъ домовъ въ Прагѣ съ ихъ земельными участками и стоимость недвижимой собственности въ 16,500 гульденовъ вмѣстѣ съ ея доходностью. Во всѣхъ остальныхъ таблицахъ приведены данныя также за исключеніемъ стоимости этой недвижимости.

Теперь обратимъ вниманіе на составъ учредителей. Оказывается, что 18,₃% всѣхъ обществъ, основанныхъ въ 1889 г., возникли на средства лицъ духовнаго званія; столько же приходилось на долю частныхъ лицъ; 15,₅% общаго числа обществъ 1889 года составляли общества, учрежденныя корпораціями и ферейнами, и 11,₃% — общества, образованныя государственными чиновниками. Капиталъ обществъ перваго рода составлялъ 16,₅% общаго капитала всѣхъ обществъ вспомоществованія учащимся, появившихся въ 1889 году; капиталъ обществъ втораго рода равнялся 12,₉% этой суммы; и наконецъ въ двухъ послѣднихъ былъ равенъ 6,₅% и 17,₁%. Въ обществахъ же, основанныхъ крупными и мелкими торговцами, онъ достигалъ 18,₈%. Это все относительныя цифры, а вотъ и абсолютныя:

УЧРЕДИТЕЛИ.	Число.		Въ австрійскихъ гульденахъ.	
	Обществъ.	Стипендій.	Основный капиталъ.	Годовая сумма стипендіи.
Оптовые и розничные торговцы	4	8	113,500	5,668
Государственные чиновники . .	8	42	103,591	4,504
Лица духовнаго званія	13	25	99,757	3,949
Частныя лица	13	30	77,742	3,729
Землевладѣльцы	2	11	64,907	2,720
Общества и корпораціи	11	28	39,150	1,613
Общины	5	8	35,280	1,448
Домовладѣльцы и рантьеры . .	5	12	26,418	1,000
Врачи	4	5	24,173	765
Профессора и учителя	4	8	10,300	477
Нотаріусы	2	2	8,333	390
Всего	71	179	603,151	26,263

Не лишенъ интереса вопросъ о томъ, какъ измѣняется съ теченіемъ времени размѣръ основнаго капитала въ обществахъ, учреждаемыхъ различными лицами. Этотъ процессъ воспроизводитъ нижеслѣдующая таблица:

УЧРЕДИТЕЛИ.	(Въ австрійскихъ гульденахъ). 1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.
Землевладѣльцы.	—	8,766,₆₇	2,175,₀₀	32,453,₅₀
Оптовые и розничные торговцы	3,166,₆₇	—	33,450,₀₀	28,375,₀₀
Государственные чиновник.	3,335,₀₀	5,361,₃₇	40,000,₀₀	14,798,₇₁
Лица духовнаго званія . .	4,000,₀₀	3,114,₂₃	6,487,₂₀	7,673,₆₁
Общины	—	—	—	7,040,₀₀
Домовладѣльцы и рантьеры	13,489,₀₀	3,500,₀₀	—	6,604,₅₀

УЧРЕДИТЕЛИ.	(Въ австрійскихъ гульденахъ) 1886 г.	1888 г.	1888 г.	1889 г.
Врачи и аптекаря. . . .	1,000,00	1,000,09	1,000,00	6,043,25
Частныя лица.	4,780,56	33,010,38	6.982,85	5,980,15
Нотаріусы и адвокаты. .	20,000,00	—	3,500,00	4,166,30
Общества и корпораціи .	2,400,00	2,600,00	2,575,00	3,559,10
Профессора и учителя. .	2,900,00	30,000,00	1.500,00	2,575,00
Инженеры и архитекторы	12,500,00	10,000,00	—	—
Фабриканты	2,075,00	—	—	—
Редакторы	—	1,200,00	—	—
Директоры банковъ . . .	—	—	20,000,00	—

Изъ слѣдующихъ цифръ читатель увидитъ, какъ измѣнялось за означенные годы средняя величина стипендіи въ различныхъ обществахъ:

УЧРЕДИТЕЛИ.	(Въ австрійскихъ гульденахъ). 1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.
Оптовые и розничные торговцы . .	125,00	—	312.22	708,30
Землевладѣльцы	—	191,28	91,25	247,27
Нотаріусы и адвокаты.	200,00	—	147,00	195,00
Общины	—	—	—	181,00
Лица духовнаго званія	50,00	107,00	85,00	158,00
Врачи и аптекари.	50,00	42,00	42,00	153,00
Государственные чиновники	121,25	85.00	1,680.00	150,13
Частныя лица	119,87	322,03	146,73	124,30
Домовладѣльцы и рантьеры	450,00	97.00	—	100,00
Профессора и учителя	129,00	244,00	63,00	59,62
Общества и корпораціи	120,00	110,00	84,00	57,61
Инженеры и архитекторы	250,00	212,50	—	—
Редакторы	—	50,00	—	—
Директоры банковъ	—	—	420,00	—
Фабриканты	98,00	—	—	—

Въ сферу дѣйствій этихъ обществъ входятъ воспитанники всѣхъ учебныхъ заведеній, начиная съ элементарной школы и кончая высшими образовательными учрежденіями. Интересно узнать, какъ же распредѣлялось въ этомъ отношеніи число обществъ, стипендій и общій капиталъ ихъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ слѣдующая таблица (за 1889 г.).

Учебныя заведенія.	Число. Обществъ.	Стипендій.	(Въ австрійскихъ гульденахъ). Основнаго капитала.	Сумма стипендій.
Университеты	11	28	164,720	7,069
Среднія учебныя заведенія вообще	16	42	127,480	5,626
Технологическія	1	2	100,000	5,000

Учебныя заведенія.	Число. Обществъ.	Число. Стипендій.	(Въ австрійскихъ гульденахъ). Основнаго капитала.	(Въ австрійскихъ гульденахъ). Сумма стипендій.
Гимназіи	21	38	85,325	3,349
Техническія школы	4	5	54,307	2,046
Городскія и сельскія школы	7	37	31,811	1,342
Ремесленныя училища	6	18	29,734	1,252
Учительскіе институты	5	9	9,774	579
Итого	71	179	603,151	26,263

Самый высшій % числа обществъ падаетъ на гимназіи (29,5 %). Самый высшій % числа стипендій приходится на средніе учебныя заведенія вообще (23,4 %). По размѣру же капитала первое мѣсто занимаютъ общества вспомоществованія студентамъ университетовъ (27,3 %).

Замѣтимъ мимоходомъ, что изъ 71 общества, основанныхъ въ 1889 г., 19 назначили свои стипендіи на полный курсъ ученія: именно одно на время отъ поступленія въ народную школу до окончанія курса въ ремесленномъ или высшемъ учебномъ заведеніи, и остальныя 18 — съ поступленія въ гимназію или вообще въ среднее учебное заведеніе до окончанія высшаго; при чемъ три общества удлиннили срокъ стипендіи на 2 года для полученія степени доктора.

Вотъ цифровыя данныя для сужденія о томъ, какъ видоизмѣнялась средняя величина стипендіи въ различныхъ заведеніяхъ за четырехлѣтіе 1886—89 гг.

	(Въ австрійскихъ гульденахъ). 1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.
Технологическія школы	—	—	—	2,500,00
Высшія техническія школы	250,00	105,00	1,680,00	409,20
Университеты	389,33	262,81	280,00	252,46
Среднія учебныя заведен. вообще	92,80	151,45	114,25	133,93
Гимназіи	111,11	327,33	85,08	128,81
Ремесленныя училища	—	21,00	—	69,00
Учительскіе институты	60,00	—	—	64,33
Городскія и сельскія школы	316,67	39,00	97,50	38,24
Высшія учебныя заведен. вообще	196,67	145,56	184,30	—
Горныя академіи	—	110,00	—	—
Консерваторія	—	80,00	—	—
Реальныя училища	50,00	—	136,50	—
Академіи изящныхъ искусствъ	—	—	210,00	—
Сельско-хозяйственныя учебныя заведенія	200,00	—	—	—

Право пользованія стипендіей ограничивается извѣстными условіями. Такъ нѣкоторыя общества назначаютъ для своихъ стипендій извѣстные географическіе предѣлы, указывая области и города, гдѣ могутъ жить и учиться стипендіаты; нѣкоторыя же общества опредѣляютъ и языкъ, на которомъ должно происходить преподаваніе. Кромѣ географическихъ ограниченій, существуютъ еще генеалогическія. Одни общества предназначаютъ свои стипендіи исключительно для родственниковъ учредителей, другія же для нихъ по преимуществу. Такъ въ 1889 г. было назначено 6 стипендій перваго рода, на сумму 717 гульденовъ. Конечно, есть и такія общества, которыя назначаютъ свои стипендіи безъ вниманія къ этому условію.

Существуютъ, наконецъ, ограниченія профессіональныя: стипендіатами могутъ быть лишь дѣти лицъ извѣстной профессіи или люди, обѣщающіе впослѣдствіи избрать опредѣленный образъ жизни (напримѣръ, монашескій).

Земельные банки въ Россіи и распредѣленіе ихъ заемщиковъ по сословіямъ. Отъ времени до времени Комитетъ съѣздовъ представителей учрежденій русскаго земельнаго кредита публикуетъ сводный балансъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ и сравнительныя свѣдѣнія о ссудахъ и закладныхъ листахъ. Изъ недавно опубликованнаго баланса на 1 іюля можно заимствовать нѣкоторыя довольно интересныя данныя о дѣятельности нашихъ ипотечныхъ банковъ за послѣдніе годы. Въ Россіи всего десять акціонерныхъ банковъ, единственная операція которыхъ заключается въ выдачѣ долгосрочныхъ ссудъ подъ земельныя и городскія имущества. Основный капиталъ всѣхъ банковъ составляетъ 31.590,300 руб.; сумма эта распредѣляется весьма неравномѣрно, при чемъ наименьшій капиталъ составляетъ 1 мил., наибольшій 7 мил. Запасный капиталъ составляетъ 8.525,372 руб., а особый резервный достигаетъ 125,590 р. Ссуды выдаются 5% и 6% закладными листами; первыхъ въ обращеніи находится на 117.289,800 руб., выданныхъ на различные сроки, начиная отъ 19 лѣтъ 11 мѣсяцевъ и кончая 61 г. 8 мѣсяцевъ. Число шестипроцентныхъ листовъ, выпущенныхъ на сроки отъ 18 лѣтъ 7 мѣсяцевъ до 54½ лѣтъ, значительно превышаетъ число пятипроцентныхъ листовъ и составляетъ сумму въ 258.521,600 руб. Кромѣ того банками выданы краткосрочныя ссуды на срокъ до 2 лѣтъ на 6.927,036 р. Распредѣленіе ссудъ между земельными и городскими имуществами даетъ слѣдующія цифры: подъ земли выдано около 293 мил., подъ дома около 84½ мил.

Кромѣ акціонерныхъ банковъ Обществомъ взаимнаго поземельнаго кредита, такъ называемымъ Золотымъ банкомъ, нынѣ слившимся съ государственнымъ дворянскимъ земельнымъ банкомъ, выдано до 1 іюля сего года ссудъ на 138.841,391 рубль и херсонскимъ земельнымъ банкомъ 70.624,582 руб.

Крестьянскій поземельный банкъ выдалъ ссудъ на 45 104,960 руб. и дворянскій земельный банкъ на 234.539,152 руб. Общее количество выданныхъ земельными банками ссудъ подъ земли составляетъ на 1 іюля 1890 года 488.930,085 рублей, не считая ссудъ, выданныхъ банками, дѣйствующими на окраинахъ, и ссудъ, выданныхъ городскими общественными банками.

Если сравнить сумму ссудъ, выданныхъ къ началу 1887 года, съ судами, выданными къ 1 іюля 1890 года, то получимъ, что въ дворянскомъ банкѣ на 1 января 1887 г. числилось 68.783,300 р., а на 1 іюля 1890 г.—234.359,152 р.; въ крестьянскомъ банкѣ число возросло отъ 34.378,040 до 45.104,960, въ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита число уменьшилось на 1.192,673 руб., въ херсонскомъ банкѣ число увеличилось на 3,708,135 руб., а въ акціонерныхъ банкахъ число возросло отъ 260.680,981 руб. до 292.788,589 руб. Общее увеличеніе за этотъ періодъ времени выразилось въ 210.125,842 руб.

Въ распредѣленіи закладныхъ листовъ по приносимому ими доходу можно отмѣтить слѣдующее движеніе. Къ 1 января 1887 года шестипроцентныхъ листовъ было на 268.854,550 руб., а пятипроцентныхъ на 66.436,450 руб. Число первыхъ къ 1 іюля 1890 года уменьшилось на 10,432,950 руб., а число вторыхъ увеличилось на 51.674,100 р. Это показываетъ, что среди новыхъ ссудъ преобладаютъ пятипроцентныя, болѣе дешевыя, тогда какъ прежде первенствующее значеніе имѣли ссуды, выдаваемыя шестипроцентными закладными листами.

Тѣмъ же Комитетомъ съѣздовъ издана недавно работа объ измѣненіи § 27 устава акціонерныхъ земельныхъ банковъ, касающаяся срока продажи непроданныхъ на торгахъ и поступившихъ въ собственность банковъ имуществъ. Къ матеріаламъ по вопросу о продленіи установленнаго въ уставѣ срока ликвидаціи такихъ имуществъ приложена весьма интересная таблица, заключающая въ себѣ свѣдѣнія объ имуществахъ, оставшихся за банками по безуспѣшности торговъ и находившихся въ вѣдѣніи банковъ сверхъ срока, опредѣленнаго § 27 устава (сверхъ шести мѣсяцевъ).

Къ 1890 году за пятью банками числилось 14 земельныхъ имуществъ въ различныхъ губерніяхъ съ 14,731 десятины земли, оцѣненныхъ въ 883,688 руб.; на этихъ имуществахъ числится долга въ 500,419 руб. и недоимки въ количествѣ 55.883 руб., всего 556,302 руб. Число городскихъ имуществъ въ шести банкахъ доходило до 34; они оцѣнены въ 1.011,072 р. Остатокъ долга ко дню торга составляетъ 501,386 р., а недоимки 74,550 руб.

Такимъ образомъ всѣ 48 имуществъ оцѣнены въ 1.894,760 руб. и поступили въ собственность банковъ съ долгомъ въ 1.001,805 руб. и недоимками въ 130,434 рубля.

Сверхъ того за банками числятся еще имущества, по которымъ не истекъ еще шестимѣсячный срокъ; свѣдѣнія о нихъ не приведены.

Вслѣдствіе распоряженія министра финансовъ кредитныя учрежденія, выдающія ссуды подъ земельныя имущества, сообщили свѣдѣнія о сословіи заемщиковъ. Свѣдѣнія эти были необходимы для опредѣленія того контингента дворянскихъ имѣній, который въ скоромъ времени долженъ былъ перейти изъ частныхъ банковъ въ дворянскій банкъ. Пониженію платежей, послѣдовавшему въ октябрѣ 1889 года, предшествовало изслѣдованіе вопроса о вѣроятномъ переходѣ дворянскихъ имѣній въ банкъ, предоставляющій въ ихъ пользу значительныя преимущества.

Нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній обнародованы; они обнимаютъ только заемщиковъ акціонерныхъ банковъ. Изъ общаго количества, числившагося на 1 іюля прошлаго года долга въ 283.724,915 рублей, на дворянъ падаетъ $64,_{91}$%, всего 184.173,886 рублей. Второе мѣсто занимаютъ купцы, съ суммой долга въ 38.214,915 руб., что составляетъ $13,_{46}$%. Третье мѣсто занимаютъ крестьяне, съ долгомъ въ 20.613,659 рублей, что составляетъ $7,_{27}$%. Для 11_{66}% нельзя было опредѣлить званія.

Несомнѣнно, что въ послѣдней рубрикѣ имѣются и дворяне, такъ что процентное отношеніе дворянскаго землевладѣнія еще больше, чѣмъ выше было указано. Если принять во вниманіе, что въ теченіе 1886, 1887, 1888 и первой половины 1889 года значительное число дворянскихъ имѣній успѣло уже уйти изъ акціонерныхъ банковъ, придется придти къ заключенію, что до открытія дѣйствій дворянскаго банка контингентъ дворянскихъ имѣній въ акціонерныхъ банкахъ былъ подавляющій. По числу ссудъ общее количество въ 21,917 распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Дворянамъ, гражданскимъ и военнымъ чинамъ выдано	11,357	ссудъ.
Духовенству	217	»
Купеческому сословію	1,794	»
Мѣщанскому »	1,247	»
Крестьянскому »	3,861	»
Лицамъ разнаго званія	3,441	»

Между отдѣльными банками процентное отношеніе дворянскаго землевладѣнія колеблется между $39,_{7}$% въ донскомъ банкѣ и $89,_{15}$% въ кіевскомъ; купеческаго между $2,_{17}$% въ виленскомъ и $25,_{62}$% въ ярославо-костромскомъ; мѣщанскаго между $0,_{7}$% въ кіевскомъ и $7,_{17}$% въ донскомъ; крестьянскаго землевладѣнія между $2,_{84}$% въ полтавскомъ банкѣ и $25,_{6}$% въ донскомъ.

Хотя вышеприведенныя данныя не представляютъ, по мнѣнію комитета съѣздовъ, сообщившаго ихъ, вполнѣ точной группировки заемщиковъ по сословіямъ, все же въ общемъ ихъ слѣдуетъ признать достаточно достовѣрными.

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ свѣдѣній о сословіяхъ заемщиковъ другихъ учрежденій. Комитетомъ собраны и обнародованы лишь свѣдѣнія, касающіяся акціонерныхъ земельныхъ банковъ.

О судебныхъ маркахъ. 24 апрѣля 1890 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о введеніи особыхъ марокъ для уплаты судебной пошлины по дѣламъ подсуднымъ общимъ судебнымъ установленіямъ. Марки вводятся пяти разрядовъ: въ 25 к., въ 50 к., въ 1 руб., 3 руб. и 5 рублей. Ими будетъ оплачиваться судебная пошлина не во всѣхъ случаяхъ, а только въ тѣхъ, когда размѣръ ея не превышаетъ 25 р., т. е. когда цѣна иска составляетъ не болѣе 5,000 руб.; въ искахъ превышающихъ эту сумму судебная пошлина будетъ взиматься по прежнему наличными деньгами. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что новый порядокъ взысканія судебной пошлины представитъ большія удобства какъ для судебныхъ учрежденій, такъ и для публики: для первыхъ значительно сократится канцелярская работа по изготовленію ордеровъ на взносъ судебныхъ пошлинъ и веденію денежныхъ книгъ, для публики этимъ самымъ сократится время, необходимое для выполненія формальностей, сопровождающихъ уплату пошлинъ. Вѣроятно, система судебныхъ марокъ представитъ упрощеніе дѣлопроизводства и въ финансовомъ вѣдомствѣ.

Если таковы были мотивы изданія новаго закона, то, повидимому, не представлялось бы препятствій распространить систему марочнаго сбора судебныхъ пошлинъ на всѣ иски безъ ограниченія суммы; слѣдовало бы только установить два—три болѣе крупныхъ разряда судебныхъ марокъ. Для опредѣленія возможности такого распространенія судебныхъ марокъ и на крупныя дѣла, интересно узнать, какую величину онѣ представляютъ по отношенію къ мелкимъ.

Въ газетахъ (Рус. Вѣдом. 1890 г., № 246) сообщалось, что законъ 24 апрѣля предполагается примѣнять и въ вексельныхъ отдѣленіяхъ коммерческихъ судовъ, въ которыхъ судебныя пошлины съ исковъ по протестованнымъ векселямъ взыскиваются на такихъ же основаніяхъ, на какихъ онѣ взимаются въ окружныхъ судахъ и судебныхъ палатахъ. Если взять для примѣра дѣла вексельнаго отдѣленія московскаго коммерческаго суда, то за два послѣдніе года и 9 мѣсяцевъ текущаго года получится слѣдующее. Въ 1888 году всѣхъ дѣлъ въ означенномъ отдѣленіи было 2567; изъ нихъ дѣлъ съ цѣною иска превышающею 5.000 р. было всего 78, что составитъ $3,_{03}\%$. Подобное же отношеніе наблюдается и въ 1889 г. и въ теченіе первыхъ 9 мѣсяцевъ 1890 г. Цифры оказываются вотъ каковы: 3,079 дѣлъ противъ 93 ($3,_{02}\%$) для 1889 г. и 2,673 противъ 103 дѣлъ ($3,_{08}\%$) для истекающаго года. Такимъ образомъ, на 100 дѣлъ мелкихъ предъявляется только три дѣла крупныхъ. Иное сравнительно отношеніе получается, если примемъ въ соображеніе самую исковую сумму, а не количество только дѣлъ. Въ 1888 году всѣ 2,567 дѣлъ представляли собою исковую сумму въ 2.931,556 р., дѣла

1889 года дали исковую сумму въ 3.347,860 руб. и дѣла 1890 года (9 мѣсяцевъ) — 3.396,800 руб. Въ составѣ этихъ исковъ небольшое означенное выше количество крупныхъ дѣлъ фигурировало уже гораздо болѣе значительными величинами. Такимъ образомъ 78 дѣлъ 1888 года представляли исковую сумму въ 995.603 руб., 93 дѣла 1889 года— 1.167,976 руб., и 103 дѣла 1890 г. — 1.281,289 руб. Въ первомъ случаѣ отношеніе выражается $33,_{96}$%, во второмъ—$34._{83}$% и въ третьемъ $37,_{60}$% [1]). Приводя цифру исковой суммы, я не принималъ въ соображеніе исковъ государственнаго банка, съ коихъ судебная пошлина не берется.

Итакъ, если по количеству дѣлъ случаи крупныхъ требованій весьма рѣдки, то по суммѣ требованія крупныя дѣла составляютъ болѣе третьей части общей исковой суммы. Подобное отношеніе можно допустить по всѣмъ дѣламъ гражданскимъ, въ особенности по дѣламъ о взысканіяхъ по долговымъ обязательствамъ. Очевидно, если признается возможнымъ въ 97 дѣлахъ взыскивать судебную пошлину посредствомъ наклеиванія особой марки, то почему нельзя этого допустить въ 3 дѣлахъ, и если дозволено уплачивать судебной маркой 66 р. пошлины, то почему нельзя уплатить ею 34 руб.? Быть можетъ здѣсь имѣли мѣсто соображенія контроля. Но опять же является очевиднымъ, что провѣрить правильность исчисленія судебной пошлины въ 2—3 тысячахъ дѣлъ требуетъ больше времени и труда, нежели въ какой нибудь сотнѣ дѣлъ, хотя бы эта сотня и представляла собою сравнительно большую цѣнность по суммѣ. Самый контроль до сихъ поръ производился по тѣмъ ордерамъ, которые составляются членами судебныхъ установленій, принимающими прошенія отъ частныхъ лицъ; контролирующее учрежденіе считало излишнимъ обращаться къ самимъ дѣламъ и по нимъ провѣрять точность исчисленія судебной пошлины. Съ момента примѣненія судебныхъ марокъ, быть можетъ, признано будетъ необходимымъ для дѣлъ не превышающихъ 5,000 р. организовать фактическій контроль по подлиннымъ дѣламъ, дабы удостовѣриться, соотвѣтствуетъ ли цѣнѣ иска наклеенная на исковомъ прошеніи марка, или нѣтъ. Но если *этотъ* способъ контроля станетъ осуществляться въ 97 дѣлахъ (мелкихъ, не превышающихъ 5,000 руб.), то, попутно, такому же контролю могъ бы быть подвергнутъ и тотъ небольшой процентъ ($3,_{03}$%, $3,_{02}$%, $3,_{08}$%) крупныхъ дѣлъ, судебную пошлину съ которыхъ законъ 24 апрѣля признаетъ нужнымъ взимать по прежнему наличными деньгами. Эти дѣла, хотя бываютъ болѣе или менѣе крупны каждое въ отдѣльности, въ общемъ, какъ мы видѣли выше, составляютъ по суммѣ немного болѣе третьей части гражданскихъ исковъ и то обстоятельство, что на взносъ 100—200 р. или 500 руб. (со 100,000 руб.) судебной пошлины въ данномъ случаѣ будетъ написанъ ордеръ приходо-расходчику суда, деньги вписаны имъ въ

1) Тенденція къ увеличенію—явленіе случайное.

приходную книгу и затѣмъ сданы въ казначейство, не создаетъ никакой особенной гарантіи въ сравненіи съ наложеніемъ десятка марокъ, которыя тутъ же и погашаются принимающимъ членомъ суда. Опасаться же поддѣлокъ судебной марки (крупной) нѣтъ основанія, такъ какъ марка — не мѣновой знакъ и имѣетъ спеціальное назначеніе, осуществляемое въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ.

Н. П. Ржондковскій.

Въ статьѣ «Ученіе о предѣльной полезности», помѣщенной въ октябрьской книжкѣ «Юридическаго Вѣстника», вкрались слѣдующія опечатки:

	Напечатано:	*Слѣдуетъ:*
На стр. 207, 20 строка сверху	«магическаго»,	«логическаго»
» » 211, 30 » »	«продаваемая»,	«продажная»
» » 214, 16 » »	«истребленіемъ»,	«потребленіемъ»
» » 216, 29 » »	«снова»,	«слегка»
» » 226, 22 » »	«10В+9»,	«10В+9В»
» » 229, 32 » »	«истрата»,	«затрата»

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.

Юридическій Вѣстникъ въ 1890 году.

I.

Географическое распредѣленіе журнала.

Акмолинская область.

Кокчетовъ	1
Омскъ	4
Петропавловскъ	1
	6

Архангельская губернія.

Пинега	1
Шенкурскъ	2
	3

Астраханская губернія.

Астрахань	4
	4

Бакинская губернія.

Баку	3
Куба	1
Шемаха	1
	5

Батумская губернія.

Батумъ	1
	1

Бессарабская губернія.

Кишиневъ	5
Оргѣевъ	1
Сороки	1
	7

Варшавская губернія.

Варшава	20
	20

Виленская губернія.

Вильна	8
Лида	1
Шарковщизно мѣст.	1
	10

Витебская губернія.

Витебскъ	2
Динабургъ	1
	3

Владимірская губернія.

Владиміръ	2
Вязники	1
Переяславль	1
Суздаль	1
	5

Вологодская губернія.

Вологда	1
Великій Устюгъ	1
	2

Волынская губернія.

Житоміръ	2
Луцкъ	2

Любомль станція	1
Новоградволынскъ	1
Чудовъ станція	1
	7

Воронежская губернія.

Воронежъ	7
Бобровъ	1
Бутурлиновская слобода	1
Верхо-Тишанская станція	1
Коротоякъ	1
Новохоперскъ	1
Острогожскъ	3
	15

Вятская губернія.

Вятка	2
Елабуга	1
Нолинскъ	1
Сарапулъ	2
Царевосанчурскъ	1
	7

Донскаго войска область.

Новачеркасскъ	1
Верхне-Курмоярская станица	1
Усть-Медвѣдицкая станица	1
Филоновская станица	1
	4

Екатеринославская губернія.

Екатеринославъ	3
Александровскъ	1
Маріуполь	1
Ростовъ	2
Таганрогъ	4
	11

Елисаветпольская губернія.

Елисаветполь	1
	1

Енисейская губернія.

Красноярскъ	3
	3

Забайкальская облабть.

Чита	1
Каринская станція	1
Нерчинскій заводъ	1
	3

Заравшанскій округъ.

Самаркандъ	2
	2

Иркутская губернія.

Иркутскъ	4
Балаганскъ	1
Тунка станція	1
	6

Казанская губернія.

Казань	14
Свіяжскъ	1
Ядринъ	1
	16

Калишская губернія.

Калишъ	3
	3

Калужская губернія.

Калуга	4
Перемышль	1
	5

Кіевская губернія.

Кіевъ	21
Звенигородка	1
Липовецъ	1
Новоселки станція	1
Сквира	1
	25

Ковенская губернія.

Ковно	2
Шавли	1
	3

Костромская губернія.

Кострома	3
Ветлуга	1
Макарьевъ	1
Соличаличъ	1
	6

Кубанская область.

Екатеринодаръ	5
Армавиръ станція	1
Темрюкъ	3
	9

Курляндская губернія.

Митава	3
Либава	2
Ауцъ станція	1
	6

Курская губернія.

Курскъ	4
Льговъ	2
Суджа	1
	7

Кутаисская губернія.

Кутаисъ	4
	4

Кѣлецкая губернія.

Кѣльцы	2
	2

Лифляндская губернія.

Рига	2
Волкъ	1
Дерптъ	3
	6

Ломжинская губернія.

Ломжа	2
	2

Люблинская губернія.

Люблинъ	2
Грубешовъ	1
Новая Александрія	2
	5

Минская губернія.

Минскъ	2
Несвижъ	1
Новогрудокъ	1
Слуцкъ	1
	5

Могилевская губернія.

Могилевъ	3
Горки	1
	4

Московская губернія.

Москва	266
Завидово станція	1
Павловскій посадъ	1
Подольскъ	1
Серпуховъ	2
	271

Нижегородская губернія.

Нижній-Новгородъ	6
	6

Новгородская губернія.

Новгородъ	1
Боровичи	2
Кириловъ	1
Череповецъ	2
Чудово станція	1
	7

Нюландская губернія.

Гельсингфорсъ	1
	1

Олонецкая губернія.

Федотово станція	1
	1

Оренбургская губернія.

Оренбургъ	1
Верхнеуральскъ	2
	3

Орловская губернія.

Орелъ	7
Брянскъ	1
Елецъ	2
Мценскъ	1
	11

Пензенская губернія.

Пенза	4
	4

Пермская губернія.

Пермь	5
Екатеринбургъ	3
Ирбитъ	1
Камышловъ	1
Касли станція	1
Красноуфимскъ	2
Оса	1
Соликамскъ	1
Шадринскъ	1
	16

Петербургская губернія.

С.-Петербургъ	109
Царское село	1
	110

Петроковская губернія.

Петроковъ	1
Лодзь	2
	3

Плоцкая гурнія.

Плоцкъ	2
	2

Подольская губернія.

Гайсинъ	1
Голта станція	1
Городокъ мѣстечко	1
Новая-Ушица	1
Ольгополь	1
Саврань мѣстечко	1
Ярышевская станція	1
	7

Полтавская губернія.

Полтава	2
Борисполь мѣстечко	1
Бѣлоцерковка мѣстечко	1
Гадячъ	1
Константиноградъ	1
Кременчугъ	4
Лохвица	1
Лубны	1
Переяславль	1
Пирятинъ	1
Ромны	1
	15

Приморская область.

Владивостокъ	1
Никольское село	1
	2

Псковская губернія.

Псковъ	2
Великіе-Луки	2
	4

Радомская губернія.

Радомъ	2
Сандоміръ	1
	3

Рязанская губернія.

Рязань	4
Егорьевскъ	1
Касимовъ	1
Скопинъ	1
Якимецъ станція	1
	8

Самарская губернія.

Самара	5
	5

Саратовская губернія.

Саратовъ	5
Вольскъ	2
Петровскъ	1
Хвалынскъ	1
Царицынъ	1
	10

Семипалатинская губернія.

Семипалатинскъ	2
	2

Семирѣчинская губернія.

Вѣрный	1
Копалъ	1
	2

Симбирская губернія.

Симбирскъ	2
	2

Смоленская губернія.

Смоленскъ	3
Вязьма	1
Гжатскъ	1
Дорогобужъ	1
Знаменская станція	1
Рославль	1
	8

Ставропольская губернія.

Ставрополь	1
	1

Сувалкская губернія.

Сувалки	2
	2

Сѣдлецкая губернія.

Сѣдлецъ	2
Бѣла	1
Родинъ	1
	4

Сыръ-Дарьинская область.

Ташкентъ	2
	2

Таврическая губернія.

Симферополь	2
Бердянскъ	2
Керчь	2
Мелитополь	1
Севастополь	1
Ялта	1
	9

Тамбовская губернія.

Тамбовъ	1
Кирсановъ	2
Лебедянь	1
Моршанскъ	1
	5

Тверская губернія.

Тверь	4
Калязинъ	1
Кашинъ	1
	6

Терская область.

Владикавказъ	1
Минеральныя Воды станція	1
Хасавъ-Юртъ слобода	1
	3

Тифлисская губернія.

Тифлисъ	6
	6

Тобольская губернія.

Тобольскъ	2
Березовъ	1
Курганъ	1
Тюмень	1
	5

Томская губернія.

Томскъ	2
Барнаулъ	3
Каинскъ	1
	6

Тульская губернія.

Тула	2
Доробино станція	1
	3

Уральская губернія.

Уральскъ	2
	2

Уфимская губернія.

Уфа	1
Аскинъ станція	1
Белебей	1
Тастубинская станція	1
	4

Ферганская геебернія.

Новый-Маргеланъ	1
	1

Харьковская губернія.

Харьковъ	17
Сумы	2
	19

Херсонская губернія.

Херсонъ	3
Одесса	33
Братолюбовка станція	1
Елисаветградъ	1
Николаевъ	2
Севериновка мѣстечко	1
	41

Черниговская губернія.

Минская станція	1
	1

Черноморскій округъ.

Новороссійскъ	1
	1

Эриванская губернія.

Эривань	4
Башнурашенская станція	1
Новый Баязетъ	1
	6

Эстляндская губернія.

Ревель	3
Гапсаль	1
Леаль мѣстечко	1
	5

Якутская область.

Вилюйскъ	1
	1

Ярославская губернія.

Ярославль	7
Любимъ	1
Ростовъ	1
	9

За-границу.

Бернъ	2
Болье	1
Бѣлградъ	1
Варна	1
Вѣна	1
Геттингенъ	1
Женева	1
Лондонъ	1
Неаполь	1
Нью-Іоркъ	2
Парижъ	5
Прага	4

Римъ	1
Рущукъ	2
Софія	4
Тырновъ	1
Туринъ	1
Филиппополь	2
Цюрихъ	1
Ямболъ	1
	34

Общій сводъ по губерніямъ и областямъ.

1.	Московская	271
2.	Петербургская	110
3.	Херсонская	41
4.	Кіевская	25
5.	Варшавская	20
6.	Харьковская	19
7.	Казанская	16
8.	Пермская	16
9.	Воронежская	15
10.	Полтавская	15
11.	Екатеринославская	11
12.	Орловская	11
13.	Виленская	10
14.	Саратовская	10
15.	Кубанская	9
16.	Таврическая	9
17.	Ярославская	9
18.	Рязанская	8
19.	Смоленская	8
20.	Бессарабская	7
21.	Волынская	7
22.	Вятская	7
23.	Курская	7
24.	Новгородская	7
25.	Подольская	7
26.	Акмолинская	6
27.	Иркутская	6
28.	Костромская	6
29	Курляндская	6
30.	Лифляндская	6
31.	Нижегородская	6
32.	Тверская	6
33.	Тифлисская	6
34.	Томская	6
35.	Эриванская	6
36.	Бакинская	5
37.	Владимірская	5
38.	Калужская	5
39.	Люблинская	5
40.	Минская	5
41.	Самарская	5
42.	Тамбовская	5
43.	Тобольская	5
44.	Эстляндская	5
45.	Астраханская	4
46.	Донскаго войска область	4
47.	Кутаисская	4
48.	Могилевская	4
49.	Пензенская	4
50.	Псковская	4
51.	Сѣдлецкая	4
72.	Уфимская	4
53	Архангельская	3
54.	Витебская	3
55.	Енисейская	3
56.	Забайкальская	3
57.	Калишская	3
58.	Ковенская	3
59.	Оренбургская	3
60.	Петроковская	3
61.	Радомская	3
62.	Терская	3
63.	Тульская	3
64.	Вологодская	2
65.	Зарявшанскій окр.	2
66.	Кѣлецкая	2
67.	Ломжинская	2
68.	Плоцкая	2
69.	Приморская	2
70.	Семипалатинская	2
71.	Семирѣченская	2
72.	Симбирская	2
73.	Сувалкская	2
74.	Сыръ-Дарьинская	2
75.	Уральская	2
76.	Батумска	1
77.	Елисаветопольская	1
78.	Нюландская	1
79.	Олонецкая	1
80.	Ставропольская	1
81.	Ферганская	1
82.	Черниговская	1
83.	Черноморскій округъ	1
84.	Якутская	1
	Итого	876
	За-границу	34
	Всего	912

II.

Распредѣленіе журнала по положенію получающихъ.

Высшія централ. учрежд. . . .	3
Администрат. мѣста и лица. . .	13
Сенаторы и служ. при Сенатѣ. .	17
Судебныя палаты.	4
Предсѣдатели судебн. палатъ . .	3
Члены судебныхъ палатъ . . .	3
Прокуроры судебныхъ палатъ. .	9
Окружные Суды и палаты гражд. и уголовн. судовъ	34
Предсѣдатели ихъ	8
Товарищи предсѣдателей	4
Члены окружныхъ судовъ . . .	23
Прокуроры окружныхъ судовъ и губернскіе прокуроры. . . .	23
Товарищи прокуроровъ	10
Судебные слѣдователи	33
Съѣзды мировыхъ судей	21
Мировые судьи.	31
Совѣты и консультаціи присяжныхъ повѣренныхъ.	11
Присяжные повѣренные	161
Нотаріусы	16
Коммерческіе суды и служ. при нихъ.	5
Военные суды.	
Военные прокур. и помощн. ихъ.	3
Конторы банковъ и правл. ж. д.	11
Университетскія библіотеки. . .	7
Библіот. друг. учебн. заведен. и ученыхъ обществъ.	18
Профессоры.	39
Студенты.	83
Учителя	3
Библіотеки и клубы	60
Редакціи газетъ	34
Губернск. управы и статистич. отдѣл. ихъ.	8
Городскія управы и статистическ. отдѣленія ихъ.	3
Уѣздныя управы	4
Врачи	6
Прочія лица и учрежденія. . . .	198
Итого. . .	912

ОГЛАВЛЕНІЕ ШЕСТАГО ТОМА ТРЕТЬЯГО ДЕСЯТИЛѢТІЯ

(третьяго за 1890 г.).

Некрологъ:

По политической экономіи и статистикѣ:

По исторіи права и учрежденій:

По полицейскому праву:

По гражданскому праву:

По уголовному праву:

По судоустройству и судопроизводству:

Хроника:

Библіографія:

Разныя извѣстія и замѣтки.

БИБЛІОГРАФЪ

1891. ИЗДАНІЕ ПЕРІОДИЧЕСКОЕ Годъ VII.
(12 №№ въ годъ).

Ученымъ Комит. М-ства Народн. Просв. РЕКОМЕНДОВАНЪ для основн. библіотекъ *всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній* мужскихъ и женскихъ.—Учебнымъ Комит. при Св. Синодѣ ОДОБРЕНЪ для пріобрѣтенія въ *фундаментальныя библіотеки* духовныхъ семинарій и училищъ.—По распоряженію Военно-Ученаго Комитета ПОМѢЩЕНЪ въ *основной каталогъ* для офицерскихъ библіотекъ.

Отд. 1-й. Историческіе, историко-литературные и библіографическіе матеріалы, статьи и замѣтки; разборы новыхъ книгъ; теорія и практика библіографіи; прикладныя библіографич. знанія; библіотечное, издательское и книжно-торговое дѣло прежде и теперь.

Отд. 2-й (справочный). Лѣтопись русскаго книгопечатанія: 1) каталогъ новыхъ книгъ; 2) указатель статей въ періодич. изданіяхъ; 3) Rossica; 4) правительственныя распоряженія по дѣламъ печати; 5) библіографическія извѣстія (хроника) и объявленія.

Съ основанія „Библіографа" въ немъ принимали участіе:

В. А. Алексѣевъ, И. Ѳ. Анненскій, А. И. Барбашевъ, проф. Н. И. Барсовъ, Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ, проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, В. Ѳ. Боцяновскій, С. Н. Брайловскій, С. К. Буличъ, П. В. Быковъ, А. Е. Бѣловъ, Н. Н. Вакуловскій, А. Васильевъ, К. П. Галлеръ, Н. В. Губерти, И. В. Дмитровскій, В. Г. Дружининъ, М. А. Дьяконовъ, І. І. Змигродзскій, К. А. Ивановъ, Е. П. Кавелина, проф. Н. И. Карѣевъ, Д. Ѳ. Кобеко, И. А. Козеко, М. А. Куплетскій, А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. Ф. Леонтьевъ, И. А. Ливниченко, Н. П. Лихачевъ, Х. М. Лопаревъ, Л. Н. Майковъ, А. І. Малеинъ, В. И. Межовъ, графъ Г. А. Милорадовичъ, А. Е. Молчановъ, И. Я. Морошкинъ, Н. Н. Оглоблинъ, С. Ѳ. Платоновъ, Н. И. Позняковъ, С. И. Пономаревъ, С. Л. Пташицкій, Э. Л. Радловъ, А. И. Савельевъ, А. А. Савичъ, А. Ѳ. Селивановъ, С. М. Середонинъ, проф. А. И. Соболевскій, С. Л. Степановъ, В. Н. Сторожевъ, А. А. Титовъ, И. Ѳ. Токмаковъ, П. М. Устимовичъ, Н. Д. Чечулинъ, И. А. Шляпкинъ, Е. Ф. Шмурло, Д. Д. Языковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за годъ: съ дост. и перес. въ Россіи **5** р., за-границу **6** р.

отдѣльно нумеръ 50 к., съ перес. 60 к.

Плата за объявленія: страница—8 р.; $^3/_4$ стран.—6 р. 50 к.; $^1/_2$ стран.—4 р. 50 к., $^1/_4$ стран.—2 р. 50 к.; $^1/_8$ стран.—1 р. 50 к.

О новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются безплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

ПОДПИСКА И ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени»—А. Суворина (Спб., Невскій просп., д. № 38) и въ редакціи. Кромѣ того подписка принимается во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.—Гг. иногородные подписчики и заказчики объявленій благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Забалканскій (Обуховскій) просп., домъ № 7, кв. № 13.

Оставшіеся въ **ограниченномъ числѣ** полные комплекты **«Библіографа»** за **1885, 1886, 1887, 1888** и **1889** гг. продаются по **5** р. (съ дост. и перес.) за годовой экземпляръ. Также имѣются въ продажѣ изданныя редакціею брошюры: 1) Сборникъ рецензій и отзывовъ о книгахъ по русской исторіи, №№ 1, 2 и 3. Ц. по 60 к. 2) Библіографич. указатель книгъ и статей о св. Кириллѣ и Меѳодіи. Ц. 40 коп. 3) Александръ Николаевичъ Сѣровъ. І. Библіографическій указатель произведеній Сѣрова. II. Библіографическій указатель литературы о Сѣровѣ и его произведеніяхъ. Вып. I и II. Сост. А. Е. Молчановъ. Ц. по 1 р. за вып. 4) Библіографич. списокъ литературныхъ трудовъ К. Н. Бестужева-Рюмина. Сост. И. А. Козеко. Ц. 75 коп.—Книгопродавцамъ обычная уступка.

Редакторъ **Н. М. Лисовскій.**

Слѣдующія лица обѣщали „Сѣверному Вѣстнику“ свое участіе:

М. Н. Альбовъ, А. А. Андреева, проф. Д. Н. Анучинъ, Н. М. Астыревъ, К. С. Баранцевичъ, Ю. И. Безродная, П. Д. Боборыкинъ, И. М. Болдаковъ, В. И. Бородаевская, В. В., проф. Александръ Н. Веселовскій, проф. Алексѣй Н. Веселовскій, А. А Веселовская, П. И. Вейнбергъ, А. А. Винницкая, А. Л. Волынскій, Ѳ. Ѳ. Вороноповъ; З. Н. Гиппіусъ. Б. Б. Глинскій, А. А. Головачевъ, В. А. Гольцевъ, проф Н. Я. Гротъ, Л. Я. Гуревичъ, Г. А. Джаншіевъ, А. М. Евреинова, А. В. Елисѣевъ, П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій. Ив. Ив. Ивановъ, проф. И. И. Иванюковъ, проф. А. А Исаевъ, Н. А. Каблуковъ, М. К. Горбунова, М. С. Корелинъ, проф Н. И. Карѣевъ, проф. С. В. Ковалевская, М. В. Крестовская, С. И. Ламанскій, проф. П. Ф. Лесгафтъ, проф. В. А. Лебедевъ, проф. И. Л. Линниченко, Е. І. Лихачева, К. Н. Льдовъ, М. А. Лозинскій, М. В. Лучицкая, Е. П. Лѣткова, В. И. Макъ Гаханъ, проф. Д. И. Менделѣевъ, Д. С. Мережковскій, Н. М. Минскій, А. К. Михайловъ (Шеллеръ), В. П. Михайловъ (Мартовъ), Д. Л. Мордовцевъ, проф. С. А. Муромцевъ, В. И. Немировичъ-Данченко, А. Н. Паевская, А. Н. Плещеевъ, Я. П. Полонскій, И. Н. Потапенко, Н. А. Рубакинъ, М. И. Свѣшниковъ, А. М. Скабичевскій, В. Ю. Скалонъ, Вл. С. Соловьевъ, П. А. Соколовскій, В. Д. Спасовичъ, В. В. Стасовъ, проф. И. А. Стебутъ, проф. Н. И. Стороженко, проф. К. А. Тимирязевъ, В. Т., В. А. Фаусекъ, проф. И.Я, Фойницкій, проф. А. Ѳ. Фортунатовъ, С. Г. Фругъ, проф. Л. В. Ходскій, Н. Л. Холодковскій, А. П. Чеховъ, Ѳ. А. Червинскій, В. М. Шимкевичъ, И. Л. Щегловъ (Леонтьевъ), проф. И. И. Янжулъ, Е. Н. Янжулъ, проф. Ю. Э. Янсонъ, проф. В. Г. Яроцкій и др.

Подписка принимается.

Въ С.-Петербургѣ: *въ Главной Конторѣ журнала, Троицкая ул., д. 9* и въ отдѣленіяхъ Конторы—въ книжномъ магазинѣ **Н. П. Карбасникова** въ С.-Петербургѣ — Литейная, д. 46, **Москва** — Моховая, д. Кохъ; **Варшава**—Новый Свѣтъ, д. 67; а также въ книжн. магаз. **И. А. Розова**, въ **Кіевѣ**—Крещатикъ, д. Марръ; въ **Одессѣ**—Дерибасовская ул.; въ **Казани**-въ книжномъ магазинѣ **А. А. Дубровина**—Гостинный дворъ, № 1.—Книгопродавцамъ уступка 50 коп. съ годовой цѣны экземпляра.

Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ главную контору журнала. Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

Главная Контора открыта ежедневно отъ 11-ти до 4-хъ час., исключая празднуковъ. Личныя объясненія по вторникамъ и четвергамъ отъ 2—4 часовъ.

Редакторъ-Издатель *Б. Глинскій.*

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1891 ГОДУ

ЖУРНАЛА ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, отъ 15 до 20 листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки **8** р.	съ пересылкой въ другіе города **9** р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ **8** р. **50** к.	за-границей . . . . **12** р.

отдѣльно книга журнала **2** рубля.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ сената, платятъ за журналъ и за рѣшенія: съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города 13 р. 50 к.

Рѣшенія кас. деп. сената выходятъ и разсылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, не состоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по 5 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 р., съ кас. рѣш. 8 р., и въ іюнѣ остальная до подписной цѣны сумма. **Гг. дѣйствительные члены Спб. Юридическаго Общества** *пользуются правомъ подписки на журналъ за* **половинную** *цѣну, т. е. 4 р. 50 к., а съ кас. рѣш. 9 р. 50 к. Тоже право предоставляется студентамъ университетовъ и вообще учащимся и кандидатамъ на судебныя и военно-судебныя должности, удостовѣрившимъ свое званіе.*

Гг. иногородные благоволятъ обращаться со своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“ С.-Петербургъ, уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторахъ журнала—при книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ: *Анисимова*, рядомъ съ Публичною Библіотекою, *Мартынова*, Б. Морская, 30 и *Чичинадзе*, Невскій, 57; въ Москвѣ: *Анисимова*, на Никольской улицѣ, а равно въ конторѣ редакціи. *Контора редакціи открыта разъ въ недѣлю, по субботамъ, отъ 2 до 4 часовъ.*

Оставшіеся (въ количествѣ четырехъ комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1879, 1881, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889 и 1890 г.г. по 9 р. за каждый годъ, съ пересылкою, и по 7 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала за означенные годы, по 2 р. съ пересылкою.

Редакторы: **В. М. Володиміровъ.**

(По отдѣлу гражд. права) **А. Х. Гольмстенъ.**

Содержаніе восьмой книги:

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 ГОДЪ.

НА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

„РУСКАЯ МЫСЛЬ“.

(ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Цѣна: съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи.	12 р.	9 р. —	6 р.	3 р. —	1 р. —
За границу	14 »	10 » 50 к.	7 »	3 » 50 к.	1 » 25 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ апрѣля, 1 іюля и 1 октября по **3 рубля**.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка **50** коп. съ годоваго экземпляра; кредита и разсрочекъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала:—Леонтьевскій, 21.
Въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій.

Редакторъ издатель **В. М. ЛАВРОВЪ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 г.

на ежемѣсячный литературно-научный и политическій журналъ

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“.

УСЛОВІЕ ПОДПИСКИ:

Годовая цѣна безъ пересылки и доставки	12 р. — к.
Съ доставкой въ Петербургѣ	12 » 50 »
Съ пересылкой въ предѣлахъ Имперіи	13 » 50 »
На полгода	7 » 50 »
» четверть года	4 » — »
За границу	15 » — »

Для иногородныхъ, подписывающихся чрезъ Главную Контору, **разсрочка допускается** на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ—4 р., къ 1-му апрѣля—4 р., къ 1-му іюля—3 р. и къ 1-му октября—2 р. 50 к.

Учащимся, духовенству, учителямъ и учительницамъ журналъ по прежнему высылается на **льготныхъ условіяхъ**, т. е. **со скидкою** 2 р. съ годовой цѣны и съ разсрочкою: при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣля—3 р., къ 1-му іюля—3 р. и къ 1-му октября—2 р. 50 к.

Цѣна 12 книгамъ 1889, 1888, 1887, 1886 г.—8 р. и 1885—5 р.

Съ октября мѣсяца настоящаго года веденіе „Сѣвернаго Вѣстника“ перешло въ руки новой редакціи.

См. сл. стран.

1891 годъ. **„МУЗА“** изд. годъ 1-й.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

Музыкальный журналъ „МУЗА“ будетъ выходить 20-го числа каждаго мѣсяца тетрадями отъ 28—32 нотныхъ страницъ.

Каждая тетрадь будетъ содержать: нѣсколько пьесъ для **фортепіано** въ 2 руки, одну пьесу въ 4 руки, одинъ танецъ, одинъ или два романса (въ томъ числѣ и дуэты). Сверхъ того въ теченіе года будутъ помѣщены въ журналѣ **„МУЗА“** пьесы для **скрипки и віолончели, дѣтскія пьесы** и **пѣсенки**, а также и **хоры** *(свѣтскіе и духовные)*.

Главная задача преслѣдуемая журналомъ **„МУЗА“**, состоитъ въ слѣдующемъ: снабжать **семью** живымъ репертуаромъ музыкальныхъ пьесъ и вмѣстѣ съ тѣмъ служить пособіемъ для музыкальныхъ занятій въ **школѣ**. Въ силу такой задачи въ журналѣ **„МУЗА“** будутъ помѣщаемы только тѣ пьесы, которыя будутъ имѣть безспорное значеніе въ музыкальномъ отношеніи.

За выборъ таковыхъ пьесъ ручается имя нашего редактора *Н. А. Тивольскаго*.

Гг. абоненты журнала **„МУЗА“** получаютъ ежегодно **при подпискѣ** особую **безплатную премію**. На первый годъ изданія редакція нашла возможнымъ дать своимъ подписчикамъ въ видѣ таковой преміи.

АЛЬБОМЪ СОЧИНЕНІЙ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО

П. И. ЧАЙКОВСКАГО

БЕЗПЛАТНО.

Эта премія выдается Гг. городскимъ подписчикамъ **теперь-же**, а гг. иногороднымъ будетъ выслана съ выходомъ перваго номера, 20-го декабря с. г., такимъ образомъ

еще до праздниковъ Рождества Христова.

Подписка принимается только на годъ.

Подписная цѣна . . . . **4** р. **50** к.

Съ доставкою или пересылкою . . . **5** р. **50** к.

Подписка принимается: въ **С.-Петербургѣ** въ редакціи музыкальнаго журнала **для семьи и школы „МУЗА“** при музыкальномъ магазинѣ **А. Битнера**, Коммиссіонера Императорскаго Русск. Музык. Общества и Консерваторіи, Спб. Филармон. Общ., Общества камерной музыки и пр., и пр.

Невскій проспектъ, д. № 22.

Редакторъ *Н. А. Тивольскій.*

Издатель *А. Е. Фонъ-Миллеръ.*

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 ГОДЪ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ВѢСТНИКЪ

РУССКАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Ближайшее участіе въ редакціи журнала принимаютъ: А. П. Андріановскій, Н. В. Верещагинъ, П. Н. Кулешовъ, К. Э. Линдеманъ, И. А. Стебутъ, А. Ѳ. Фортунатовъ, А. Н. Шишкинъ.

Въ 1891 году журналъ будетъ издаваться по прежней программѣ, которая будетъ выполняться во всѣхъ ея частяхъ въ каждомъ номерѣ журнала, обнимая *вопросы по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства.* На ряду *съ прежними сотрудниками*, въ «Вѣстникѣ Русскаго Сельскаго Хозяйства» принимаютъ участіе *русскіе сельскіе хозяева-практики.*

Въ 1891 году Редакція, въ видѣ **безплатныхъ приложеній**, будетъ разсылать въ теченіе года всѣмъ своимъ подписчикамъ *сѣмена нѣкоторыхъ сельскохозяйственныхъ растеній*, почему либо обращающихъ на себя вниманіе.

Редакція даетъ **безплатно** отвѣты на всѣ вопросы, помѣщаемые въ «Вѣстникѣ».

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Статьи по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства.—II. Сельскохозяйственная корреспонденція.—III. Хроника.—IV. Обозрѣніе сельскохозяйственной литературы.—V. Вопросы и отвѣты.—VI. Торговыя извѣстія.—VII. Объявленія.

Журналъ выходитъ **1-го** и **15 го** числа каждаго мѣсяца книжками, каждая не менѣе 4 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ, съ 1-го января, съ пересылкою **5** рублей, безъ пересылки **4** рубля. На годъ съ доставкою заграницу—**6** рублей.

Цѣна полнаго экземпляра «Вѣстника» за 1890 годъ **5** рублей съ пересылкою; за полный экземпляръ 1889 года—**4** рубля съ пересылкою.

ЖУРНАЛЪ ЗА 1888 ГОДЪ ВЕСЬ РАСПРОДАНЪ.

ПОДПИСКА И ОБЪЯВЛЕНІЯ принимаются въ редакціи журнала **Вѣстникъ Русскаго Сельскаго Хозяйства:** *Москва, Леонтьевскій переулокъ, домъ Корфа № 2*, а также и во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

За напечатаніе объявленій платится: отъ строки мелкаго шрифта въ столбцѣ (2 столбца въ страницѣ) **ПО 5 КОПѢЕКЪ** за каждый разъ.

За пересылку при журналѣ отдѣльныхъ объявленій взимается по 60 коп. отъ каждой сотни экземпляровъ, вѣсомъ не тяжелѣе 1 лота экземпляръ; за каждый добавочный лотъ—по 25 коп. съ сотни экземпляровъ.

За перемѣну адреса городскаго на иногородный, или обратно, платится 80 коп., если перемѣна сдѣлана въ первой половинѣ года, и 40 коп. — во второй половинѣ; за перемѣну городск. на городск. и иногор. на иногор.—20 коп.

Редакція покорно проситъ гг. подписчиковъ точно и разборчиво сообщать *почтовый* адресъ.

Статьи, присылаемыя для помѣщенія въ журналѣ, могутъ быть сокращаемы. Статьи, доставленныя безъ всякихъ условій относительно вознагражденія за нихъ, считаются безплатными.

О новыхъ книгахъ по сельскому хозяйству, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются безплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

Редакторъ-Издатель **И. П. Петровъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„СУДЕБНУЮ ГАЗЕТУ"

НА 1891 ГОДЪ.

„Судебная Газета" будетъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, давать на своихъ страницахъ критическое обсужденіе законовъ, какъ дѣйствующихъ уже, такъ и вновь публикуемыхъ, при чемъ для болѣе яркаго освѣщенія достоинствъ и недостатковъ отечественнаго права—матеріальнаго и процессуальнаго—будетъ держаться сравнительнаго метода изложенія, приводя постановленія передовыхъ иностранныхъ законодательствъ. Памятуя ближайшія задачи спеціальнаго органа, газета наша будетъ охотно отводить у себя мѣсто разнымъ юридическимъ замѣткамъ и вопросамъ, имѣющимъ цѣлью выясненіе темныхъ сторонъ права, чѣмъ значительно облегчится положеніе провинціальныхъ практиковъ, которые, какъ можно судить изъ поступающихъ къ намъ заявленій, особенно часто нуждаются въ совѣтѣ, и обмѣнѣ мыслей.

(ПРОСИМЪ ОБРАТИТЬ ОСОБЕННОЕ ВНИМАНІЕ НА СЛѢДУЮЩЕЕ):

Въ каждомъ № „Судебной Газеты" подписчики получаютъ за недѣлю раньше списокъ всѣхъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію по всѣмъ Департаментамъ Правительствующаго Сената и Общаго Собранія и, тотчасъ по опубликованіи, всѣ свѣдѣнія объ узаконеніяхъ и о лицахъ, признанныхъ со стороны судовъ по всей Россіи несостоятельными, и алфавитный списокъ подъопечныхъ лицъ, то есть пользуются такимъ матеріаломъ, который, въ отдѣльности взятый, стоитъ въ 3—4 раза дороже самаго изданія „Судебной Газеты".

СООБЩЕНІЕ СПРАВОКЪ о резолюціяхъ Кассаціонныхъ и другихъ Департаментовъ Сената производится въ почтовомъ ящикѣ редакціи только для годовыхъ подписчиковъ, уплатившихъ при подпискѣ всю сумму сполна, при томъ не болѣе 3—4 въ годъ.

ПОДПИСЧИКАМЪ ВЪ РАЗСРОЧКУ И НА СРОКИ справки сообщаются на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

ЖЕЛАЮЩІЕ получить справку по почтѣ, не дожидаясь выхода № газеты, прилагаютъ 2 руб. за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающіе получить ее по телеграфу прилагаютъ еще и стоимость телеграммы.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦІЯ: разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ, сообщеніе совѣтовъ, указаній и т. п. производится или въ отдѣлѣ „Отвѣты редакціи" или письменно по почтѣ, въ обоихъ случаяхъ на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

ЦѢНА: на годъ **7** руб.; на **6** мѣсяцевъ **4** руб. **50** коп.; на **3** мѣсяца **3** руб. и на **1** мѣсяцъ **1** руб. За-границу **10** руб. въ годъ.

ПОДПИСКА принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

ЗА-ГРАНИЦУ подписка въ разсрочку не принимается.

РАЗСРОЧКА въ платежѣ годовой подписной платы допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится **4** рубля и остальные **3** рубля не позже 20-го іюня.

ПРИ ПРОСРОЧКѢ втораго взноса высылка газеты съ 1-го іюля прекращается.

ДЛЯ ПОЛЬЗОВАНІЯ РАЗСРОЧКОЮ необходимо при присылкѣ перваго взноса заявлять о своемъ желаніи пользоваться разсрочкою; одна же простая присылка 4 рублей или присылка съ объясненіемъ, что они высылаются за первую половину года, повлечетъ за собою зачисленіе такого подписчика въ разрядъ четырехмѣсячныхъ.

По соглашенію редакціи „Судебной Газеты" съ редакціями „Календаря для Юристовъ" (цѣна 1 р. 25 к. съ пер.) и „Алфавитнаго сборника кассаціонныхъ рѣшеній за 1889 г." (ц. 1 р. 25 к. съ пер.) подписчики „Судебной Газеты", выписывающіе означенныя ежегодныя изданія чрезъ Контору редакціи „Судебной Газеты", получаютъ таковые безъ уплаты за пересылку.

Иногородные адресуются *исключительно* въ главную контору редакціи: С.-Петербургъ, Моховая улица, № 42; городскіе — въ отдѣленіе конторы: С.-Петербургъ, въ книжномъ магазинѣ юридической литературы Д. В. Чичинадзе, Невскій проспектъ, д. № 59.

ЗА ПОДПИСКУ ВЪ ДРУГИХЪ МѢСТАХЪ РЕДАКЦІЯ НЕ ОТВѢЧАЕТЪ.

Редакторъ-издатель **Ф. В. Де-ВЕКИ.**

РУССКІЙ КУРЬЕРЪ

(ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ)

ПОСЛѢ ПРІОСТАНОВКИ

ВНОВЬ БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ

СЪ 1-го ЯНВАРЯ 1891 ГОДА.

ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ И ПОДЪ ПРЕЖНЕЙ РЕДАКЦІЕЮ.

Одиннадцать лѣтъ изданія уже выяснили характеръ **нашей** публицистической дѣятельности, твердо поставленной нами подъ девизъ: **„правда и польза для отечества“**.

Защищая **русскіе и славянскіе** интересы, мы всегда отзывались на все, что могло способствовать къ преуспѣянію русскаго народа, **ко благу, славѣ и величію** России.

Въ обсужденіи общественныхъ вопросовъ мы старались быть безпристрастными.

Постараемся и въ будущемъ году держать высоко знамя русскаго публициста.

Въ газетѣ будутъ принимать участіе слѣдующіе лица:

Н. П. Ланинъ, проф. **В. П. Даневскій,** проф. **А. И. Загоровскій,** проф. **В. И. Ламанскій,** проф. **А. С. Хахановъ,** магистрантъ **В. Н. Сторожевъ, Н. П. Аксаковъ, И. М. Рева, Я. Л. Паперъ, В. Ѳ. Баудеръ, В. Д. Сибилевъ, Н. П. Шубинскій, М. Щуц—ой, А. М. Тютрюмовъ, А. В. Владиміровъ, М. П. Боголюбовъ, А. Е. Серебрякова** (будутъ писать о политикѣ, славянскомъ вопросѣ и народномъ образованіи), **А. А. Кудрявцевъ** и **С. Н. Филипповъ** (критика), **Ив. Щегловъ** (псевдонимъ), **Дм. Араксовъ** (псевдонимъ), **П. П. Тулубъ, А. Кулешовъ** и **Истоминъ** (псевдонимъ), (разсказы, стихотворенія и критическія статьи), **В. К. Стукаличъ, В. А. Скрипицынъ, Сторожевскій** (разсказы), **князь Еникѣевъ, Веневичъ** (псевдонимъ) (литератур. критика и библіографія). **Тюнинъ** (изслѣдованія по расколу), **В. Д. Соколовъ, І. В. Теръ-Масьянцъ** редакторъ «Агбюра». **А. А. Пыпинъ, И. Ф. Токмаковъ, Н. Паптусовъ** (Семиреч. обл.), **М. И. Лазаревъ** (Тифлисъ), **П. Ф. Симоненко, А. А. Ефронъ, С. И. Глѣбовъ, Н. А. Свѣтозаровъ, А. П. Лансбергъ-Павловъ** и многіе другіе публицисты, ученые, писатели спеціалисты по разнымъ отраслямъ знанія.

Обѣщали свое сотрудничество **Владиміръ Галактіоновичъ КОРОЛЕНКО. графъ А. Е. САЛІАСЪ, И. А. САЛОВЪ** и **Вл. И. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО,**

За-граничные корреспонденты:

Стояновъ въ Рущукѣ, **Ф. Паздирекъ** (редакторъ журнала «Die Slavische Warte») въ Прагѣ, **А. А. Варенецъ** въ Константинополѣ, **Е. Померанецъ** въ Парижѣ, **Петръ Куинджи** въ Парижѣ, **баронъ А. Виберштейнъ** въ Генуѣ. **А. Тильшъ** въ Прагѣ, **Эмиль Руссель** въ Калифорніи (San Francisco), **М. Гинодманъ Левъ, Клячко Ландау** въ Вѣнѣ, **М. Розенталь** въ Нью-Іоркѣ.

Завѣдующій редакціею **Н. П. Аксаковъ.**

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Съ дост. въ Москвѣ:	Съ пер. во всѣ города.	За границу:
На годъ. . . 9 р. — к.	На годъ. . 10 р. — к.	На годъ. . 20 р. — к.
» 6 мѣс. 5 » — »	» 6 мѣс. 6 » — »	» 6 мѣс. 10 » — »
» 3 » . 2 » 75 »	» 3 » . 3 » — »	» 3 » . 6 » — »
» 1 » . 1 » 10 »	» 1 » . 1 » 25 »	» 1 » . 2 » 50 »

Подписка съ 1-го по 1-е каждаго мѣсяца и не далѣе конца года.

За перемѣну адреса 30 коп., а городскаго на иногородній еще доплачивается разница въ цѣнѣ.

Подписка принимается при конторѣ изданія и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Гг. новымъ годовымъ подписчикамъ, не читавшимъ помѣщеннаго въ „РУССКОМЪ КУРЬЕРѢ“ романа: „ТАЙНА ГАНСОНЪ КЭБА“, будетъ оный выданъ ВЪ ВИДѢ ПРЕМІИ.

Романъ этотъ разошелся въ Англіи въ 300,000 экземплярахъ и имѣлъ среди подписчиковъ и читателей „РУССКАГО КУРЬЕРА“ большой успѣхъ.

Редакція и контора изданія: Москва, Москворѣцкій мостъ, д. Н. П. Ланина.

Телефонъ № 764.

Редакторъ-издатель **Н. П. Ланинъ.**

Изданія редакціи журнала „Юридическій Вѣстникъ":

Институціи римскаго права. *Рудольфа Зома*, профессора въ Лейпцигѣ. Переводъ *В. М. Нечаева* съ третьяго нѣмецкаго изданія. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Малолѣтніе преступники. Этюдъ по вопросу о человѣческой преступности, ея факторахъ и средствахъ борьбы съ ней. Вып. II-ой: Психологія преступности (первая половина). *Д. Дриля.* Ц. 1 р. 75 к.

Первобытное право. I. и II вып. *М. Ковалевскаго.* Ц. 2 р. 65 к. за два вып.

Обзоръ современной литературы по международному праву. Графа *Л. Камаровскаго*, проф. Московскаго университета. Ц 2 р. 50 к

Судебные уставы Императора Александра втораго съ толкованіями, извлеченными изъ всей отечественной юридической литературы. I. Учрежденіе судебныхъ установленій. II. Уставъ уголовнаго судопроизводства. Составилъ *А. Тимановскій*. тов. предс. Варш. окруж. суда. Цѣна 4 р.

Права и обязанности подсудимаго предъ военнымъ судомъ по уставу военно-судебному. Полковника *Македонскаго.* Москва. Цѣна 1 р.

Древнѣйшая жизнь евреевъ. Соціологическій этюдъ. *Джона Фентона.* Цѣна 1 р.

Объ основаніи защиты владѣнія по римскому праву. *Рудольфа фонъ Іеринга*, переводъ съ нѣмецкаго. Ц. 1 р. 50 к.

Гражданско-правовые казусы безъ рѣшеній. *Рудольфа-фонъ Іеринга*, переводъ съ нѣмецкаго *В. Огнева*, подъ редакціей проф. *С. А. Муромцева.* Цѣна 1 р. 50 к. съ перес.

Первый съѣздъ русскихъ юристовъ въ Москвѣ въ 1875 году. Издано подъ редакціей *С. И. Баршева, Н. В. Калачова, С. А. Муромцева* и *А. М. Фальковскаго.* М. 1882. Ц. 2 р.

Юриспруденція обыденной жизни. Собраніе юридическихъ вопросовъ, вытекающихъ изъ событій обыденной жизни. Для пользованія въ университетахъ. Составилъ *Д-ръ Рудольфъ фонъ Іерингъ.* Пер. съ 4 нѣм. изданія *Николая Дерюжинскаго.* Цѣна 75 коп.

Гражданское право древняго Рима. Лекціи *Сергѣя Муромцева*, профессора Московскаго Университета. Ц. 5 р.

Опредѣленіе и основное раздѣленіе права. Изслѣдованіе *Сергѣя Муромцева.* профессора Московскаго университета. Ц. 2 р. (печатается 2-е изданіе).

Рецепція римскаго права на Западѣ. *Сергѣя Муромцева.* Москва. Цѣна 2 р.

Образованіе права по ученіямъ нѣмецкой юриспруденціи. *Сергѣя Муромцева.* Изд. 2-ое, испр. и доп. Москва. Цѣна 1 р.

Логика общественныхъ наукъ. Переводъ VII и VIII главъ пятой книги Логики Бэна съ приложен.: „Доказательство въ историческихъ наукахъ". Цѣна 50 к.

Древніе русскіе смѣсные или вобчіе суды. Составилъ *Николай Ланге.* Ц. 2 р.

Проэкты желѣзнодорожнаго законодательства, составленные и обсужденные въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ въ 1879—80 г. Ц. 1 р.

Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія книги:

О преступленіяхъ въ особенности. Профессора *Будзинскаго.* Цѣна 3 руб.

Объ уголовномъ преслѣдованіи, дознаніи и предварительномъ изслѣдованіи преступленій по судебнымъ уставамъ 1864 года. *А. Квачевскаго.* Часть I, цѣна 1 р. 85 к.— Часть III, вып. 1, цѣна 2 р. Часть III, вып. 2, цѣна 2 р.

Законъ 18 мая 1882 г. о кражѣ. Съ комментаріемъ. *С. Будзинскаго.* Ц. 80 к.

Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. Т. I. Очерки исторіи славянъ. *О. О. Первольфа*, проф. Варшав. унив. Ц. 2 р.

Опыты по исторіи англійской конституціи (Фриманъ и Стебсъ). Переводъ съ англійскаго подъ редакціей *М. Ковалевскаго.* Цѣна 2 р., для студентовъ 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Земскіе вопросы. *В. Ю. Скалона.* Цѣна 1 р. 50 к.

ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ,

помѣщаемыя въ журналѣ «Юридическій Вѣстникъ», взимается:

	За 1 разъ:	За каждый слѣдующій:
1. За цѣлую полосу (страницу). . .	8 р. с.	6 р. с.
2. За $^1/_2$ полосы (страницы). . . .	5 р. с.	4 р. с.
3 За $^1/_4$ полосы (страницы). . . .	3 р. с.	3 р. с.

Въ полосѣ 50 строкъ петита, около 70 буквъ въ каждой. За приложеніе отдѣльныхъ объявленій въ количествѣ до 1400 экземпляровъ—десять рублей.


000184210
ЮФ СПБГУ

